

Александр Чебыкин

Победители

60

летию
Великой
Победы
посвящается

18+

Александр Федорович Чебыкин

Победители

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49791511

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга посвящена 60-летию Великой Победы. В ней история и малой родины, и Великой страны. Сведения, на которых строится повествование, взяты из семейных архивов и личных рассказов героев книги, поэтому возможно расхождение с данными официальных архивов.

Содержание

Фронтовики. Герои. Ветераны	9
Челики	10
Под сердцем России	10
Моздокская линия	12
Кавказская линия	13
Лабинская линия	15
Ярославская	18
Закаспийский поход	20
Изломы судьбы	29
Родная земля в огне	33
Поединок	35
Терекли-Мектеб	39
Разведка	40
На Ростов	43
Таганрогский и Мелитопольский рейды	45
Перекоп	47
На Никополь	49
Одесса	50
Белоруссия	50
Бои на венгерской земле	54
Скрипка	57
Школа	59
Семья	63

Дегтяри	66
Великое переселение	66
Гвардейская сотня	72
Малахов курган	78
Карс	82
Разделение	87
Судьбы	88
Перелом	93
Первый бой	98
Сталинград	100
Разведка боем	107
Венгрия	110
Чехословакия	114
Форсирование реки Нитра	116
Бой за Брно	119
Радость победы	120
Домой, на родину	121
У истоков возрождения казачества	123
Коломийцы	125
Чужие на своей земле	125
Незнаемая земля	127
Выживание	128
Недрузи	129
Первое лето	131
Ночной бой с абреками	133
Согласие	134

Расслоение	136
Братушки	138
Пластуны	139
Случай	140
Борьба за любовь	142
Брусиловский прорыв	146
Смута	148
Колесо революции	150
Гражданская война	151
Чужой	153
Становление	156
Война	158
Кущевка	159
Отступление	162
Степняки	163
Купание в Днепре	165
Комсорг	166
Последние бои Великой Отечественной	169
Единственная	171
Китай	175
Унаши	177
Станица Слепцовская	179
Председатель Совета ветеранов 4-го Кубанского казачьего корпуса	183
Герой Днепра	186
Босоногое детство	186

Заводила	187
Школа мужания	189
Путь к ненависти	193
Верность воинскому братству	196
Отмщение	199
Сражение за Днепр	202
Бои за новый плацдарм	212
Освобождение Европы	219
Маньчжурия, Хинган	224
Мужество	226
Нашествие	226
Оккупация	228
Староста	230
Комсорг школы	232
Зверь	233
Чужбина	234
В неволе	236
Свобода	239
Сопrotивление	242
«Атлантический вал»	245
Земляки	247
Возмездие	248
Награда	250
Возвращение	251
Друзья	254
Взлетная полоса	256

Бедa	256
Десант	261
И снова бой	265
Оборона	267
Танковая атака	272
В небе над Орлом	278
Капитан Агафонов – комендант Одессы	283
Прикамье	283
Окружение	286
Рота противотанкового заграждения	289
Днепр	292
Одесса	300
Прага	305
Истоки	308
Терентий Торопица – десятник Ермака	308
Хождение на Каспий	322
Русь моя неоглядная	333
Веселуха	335
Баня	337
Черт	339
Масленица	342
Гулящая	345
Черепанов Лог	348
Хлеб и мед	352
Флаг для Первомай	355
Птичка	358

Дядя Митя	361
«Одина»	365
Симеоны	369
Солдатки	378
Бронзовый подсвечник	380
Дедушка лесной	382
Лесные ноты	384
Крещение	386
Нориха	390
Горемычная	395
День Победы	409
Картофелины	414
Очаровательная Анна	419
Вылечил	426
Дед Федула	428
Переполох	431
Серко	434
Фермер	441
Разрушение и гибель моей деревни	447
Песнь о Чебыках	452
Об авторе	455

Фронтоники. Герои. Ветераны

Челики

Под сердцем России

Небольшая деревушка Челики на одном из бойких притоков реки Хопер. Основное занятие местных казаков – изготовление небольших, легких, вертких лодок-долбленок – челиков. Им-то и обязана деревушка своим названием. Зимой в эту работу включались все от мала до велика: тесали, долбили, стругали; по весне смолили, подсушивали в тени, а летом сплавляли на базар в Борисоглебск. Хотя доход и был, но на прокорм не хватало. Семьи росли, земля же давно была поделена. Шел постоянный приток беглого населения из центральных земель Руси. Парни подрастали и уходили на больших челнах вниз по Хопру на Дон – испытывать судьбу.

Старики в святочные вечера вспоминали о славных делах предков: как Пахом водил казаков к Непрядве – на брань с татарами. Не просто было добраться до верховьев Дона через Рязанское княжество. Тогда рязанский князь Олег занимал двойственную позицию. Приходилось в дневное время прятаться в левадах, а по ночам рысью преодолевать опасные места. Князь московский Дмитрий Иванович обрадовался казакам, но просил в бой не вступать, а порыскать по округе, поразведать о противнике. Эту задачу казаки выполнили с

честью. После битвы на Куликовом поле Дмитрий Иванович повелел: «Берите стада мамаевские – сколько угоните. Заслужили!» Казаки смело гнали домой табуны отборных коней через рязанские земли. Олег рязанский притих и проходить не мешал. Русь встрепенулась. Народ готовился к объединению... Казаки вспоминали рассказы о том, как отправляли делегацию в Москву с подношением иконы Божией Матери Хоперской московскому князю Василию II, с подтверждением службы князю московскому и охраны южных рубежей от набегов татар. Весной 1581 года многие казаки присоединились к отряду Ермака, который шел с Поволжья на Каму в услужение к Строгановым. В 1637 году челиковские казаки вместе с донскими участвовали в захвате турецкой крепости Азов, которую хотели подарить московскому царю Михаилу Романовичу, но он не в силах был оказать помощь: после польского нашествия лжецарей Москва еле-еле оправлялась. Помнили и рассказы о Варфоломее – отчаянном казаке, который, проделав подкоп под турецкий лагерь, взорвал запасы пороха. Погиб сам, но и несколько сотен турок взлетели на воздух. Свежа была память и об Азовских походах Петра, когда в 1696 году в составе русского флота штурмовала крепость Азов с моря и сотня хоперских казаков на челнах во главе с Терентием Челиком. Казакам не удалось сохранить вымпел, подаренный Терентию самим Петром. Челиковцы всегда гордились, что их сотня входила в казачий полк, который участвовал в битве со шведами под

Полтавой в 1709 году. Сотней тогда командовал Иван Челик. Она прикрывала правый фланг, в бою не участвовала, но когда воины Карла XII смяли Калужский полк, Петр подскочил к казачьему запасному полку и прокричал: «Донцы! За землю Русскую, за Отечество! Вперед! За мной!» Донцы вместе с Нижегородским батальоном спасли положение, выровняли фланги, обратили шведов в бегство. После сражения погнались за изменником Мазепой. Тогда же хоперцам была поставлена задача прикрывать южные рубежи России от набегов крымских татар и горских народов по засечной линии Воронеж, Самара, Челябинка. При матушке Екатерине, после войны с Турцией 1768 – 1774 годов, Российская империя расширилась на юг. Граница стала проходить по Кубани и Тереку.

Моздокская линия

В 1777 году хоперцы получили указ императрицы двигаться на Кавказ: обживать Моздокскую линию от Байбалы до Егорлыка. Покидали обжитые гнезда и челиковцы. Особой печали не испытывали: Екатерина щедро раздаривала земли дворянам, поэтому уголья челиковцев сокращались с каждым годом. Негде стало пасти табуны лошадей и заготавливать корм на зиму. Хоперцы неохотно занимались хлебопашеством – считали это дело зазорным. Казак не мужик – за сохой ходить не любит. То ли дело с табуном в поле – во-

ля! Одно угнетало на новом месте – нет леса. Кругом степное раздолье, лишь по овражкам кривые деревца бересклета и акации. Не только дома настоящего не построить, но и баньки. Возили лес за сотни километров и умудрялись строить дома в заплот. Хотя снаружи и обмазывали глиной, но зато не хатенка из кизяка получалась, а изба. Для бань рыли у ручьев землянки, накрывали дерном, клали печь-каменку. Накаляли гали докрасна и парились до очумения, выстегивая веником мороз и продувные простудные ветры из тела. Шла постоянная борьба с горцами, которые зачастую угоняли стада хоперцев. Пришлось заниматься и хлебопашеством. Это было надежнее: если посев не вытопчут, то семья обеспечена на год своим хлебом.

Жизнь была полна тревог и лишений, и все-таки донцы и хоперцы потихоньку обживались на новом месте. Возвели крепости: Северскую, Московскую, Донскую, Ставропольскую. В Ставропольской размещался штаб Кавказского корпуса. По договору с Турцией 1783 года Кубань была признана границей между Турцией и Россией. Моздокская линия оказалась внутри русских пределов.

Кавказская линия

В 1786 году по предложению князя Потемкина создавалась Кавказская линия от Тамани до Дербента. Предполагалось западную часть заселить черноморскими казаками

с Днестра, центральную часть – хоперскими, донскими и волжскими казаками, а восточную – терцами, и укрепить ее регулярными войсками. В 1792 году на Кубань передвигается Черноморское войско верных казаков из бывшей Запорожской Сечи. Донцам и хоперцам Моздокской линии предложили переселиться на новую – Кавказскую. Измученные бесконечными скитаниями, казаки отказались. Три переезда за тридцать лет, постоянные стычки с горцами так и не дали освоить новую землю и пустить на ней прочные корни. Только-только обустроились, обзавелись хозяйством. Поэтому было принято решение переселять лишь добровольцев и небольшое количество по жребию, подключая переселенцев из центральных районов России. Челиковцы при всех переселениях держались вместе. И на этот раз решили добровольцев не пускать, только тех, кто попадет под жеребьевку, а то распадется род Челиковых и исчезнет память о былой славе.

В 1794 году донцы расселились по Кавказской линии и образовали станицы Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григориополисскую, Темнолесскую и Воровсколесскую, которые стали быстро обживаться. Климат был благодатный. Шло массовое заселение этих станиц казаками с Дона. В 1802 году на Кавказскую линию пришли екатеринославские казаки и образовали станицы Ладожскую, Тифлисскую, Темижбекскую и Воронежскую. По указанию Александра I в 1819 году началось массовое переселение на Кубань казаков с Дона. По на-

стоянию генерала Ермолова в 1826 году хоперцы были переселены с Моздокской линии и образовали станицы Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую, Барсуковскую, Бекешевскую, Карантинную. Челиковцам выпал по жребию Невинномысский редут. В 1832 году из разных кавказских полков было сформировано Кавказское линейное войско.

Лабинская линия

В 1832 году проектом командующего Кавказским корпусом графа Паскевича было предложено селить по Кавказской линии всех желающих из центральных губерний России. Генерал Засс начал теснить горцев с верховьев Кубани на Лабу, очищать пространство между Кубанью и Лабой и возводить укрепления – Зассовское, Махошевское, Темиргоевское. Создавались станицы Вознесенская, Лабинская, Чамлыкская, Урупская. На базе этих укреплений и станиц формировался Лабинский линейный полк.

В 1840 году было принято решение передвинуть Верхнюю Кордонную линию с Кубани на Лабу.

Весной 1843 года трехтысячный отряд закубанских горцев напал на станицу Бекешевскую, но был отбит отрядами линейных казаков во главе с подполковниками Круковским – впоследствии атаман Кавказского линейного казачьего войска – и Львовым. В составе казачьих отрядов находились четыре сотни хоперцев. Одной из сотен командовал Че-

ликов Александр Спиридонович, потерявший правую руку еще в 1828 году – при взятии русскими войсками крепости Нахичевань.

В Крымской войне 1853 – 1856 годов против коалиции Турции, Великобритании, Франции Кавказский корпус действовал в азиатской части Турции, в боях на Башкадыкларском и Курдюаринском направлениях, в осаде крепости Карс и взятии ее. И снова челиковцы отличились. Половину взвода, которым командовал хорунжий Челиков Василий Александрович, составляли его однофамильцы. При штурме Карса взвод первым ворвался в крепость, захватил пушки и открыл из них огонь по противнику. Раненный осколком мины в бедро, Челиков продолжал руководить боем, пока не потерял сознание. В роду Челиковых была удивительная особенность: почти всегда первым рождался сын, а затем шли одни девчата, и хотя казакам-челиковцам пуль и осколков от мин и снарядов доставалось предостаточно, но старуха с косою обходила их стороной, оставляя семя для продолжения рода.

Когда после госпиталя Василий Челиков вернулся в станицу, то чувства радости испытать ему не довелось. Много казаков-хоперцев, в том числе и Челиковых, не вернулось домой. Хаты покосились, солому с крыш скормили скоту в суровые и затяжные зимы. Начался падеж скота. Дети голодали.

В 1856 году командующий Отдельным Кавказским корпусом князь Барятинский привел к покорности абадзехские

племена, на реке Белой заложил Майкопское укрепление и предупредил атаманов верхних станиц быть готовыми к переселению на земли между Кубанью и Лабой. Пошли жалобы, начались возмущения казаков: только что окончилась война, подворья разорены, многие казаки сложили свои головы. Было дано указание заселение вести только добровольцами и солдатами расквартированных полков с правом вызова семей из России, а также привлекая переселенцев из центральных губерний России. Василий Челиков решился съездить на предлагаемое к переселению место и посмотреть: а может, там лучше будет... Тут хотя и земля плодородная, и набеги горцев стали более редкими, но надоело зимой обогревать соломой и кизяком слепленную хату с глиняным полом. Пока топишь – тепло, перестал топить – холод лезет во все щели. Деревя доброго не найдешь даже на черенок к косе или граблям.

Переехав Кубань и приближаясь к Лаббе, Василий видел по склонам оврагов и речушек заросли акации, тополя, дуба, клена, орешника, огромные стволы диких яблонь и груш, а за Лаббой – сколки соснового бора. Бойкие горные речки с шумом и грохотом несли свои воды в Лаббу. Василий слез с коня, расправил широкую грудь, большие серые глаза заискрились радостью. В реке в лучах солнца играла рыба, идущая на нерест с верховьев. Земля была не такая жирная, как в Невинномысской, но по разнотравью можно было определить, что хлеб будет родить. Вернулся, рассказал о новой

земле. Некоторые семьи Челиковых согласились переехать сразу, не ждать жребия, а другие, наоборот, говорили: «Куда поедем? Здесь прижились, дочерей тут замуж выдавали, родители на кладбище лежат. Куда от них поедем? Кто их могилки навестит?»

Ярославская

В 1860 году командующим войсками Кавказской линии и Черномории стал генерал Евдокимов, который торопил с заселением земель между Кубанью и Лабой. В том же году произошло объединение черноморцев и части линейцев в одно войско – Кубанское казачье.

А в 1861 году обоз хоперских добровольцев под охраной казаков Лабинского полка направился на Лабу. Среди других хоперских казаков было и две семьи Челиковых. Для новой станицы выбрали место у впадения речушки Фарс в Лабу – рядом с кордоном, на котором размещался батальон Ярославского полка. Решили сначала срубить временные, а потом, на усмотрение семьи, можно и хоромы возводить. Застучали топоры, падали вековые деревья... Так рождалась новая станица – Ярославская. Казаки радовались: наконец-то будут добротные дома, как когда-то в верховьях Хопра, из сосновых, солнечных бревен. Лес переселенцам под строительство выдавался бесплатно, с условием, что будут вырубать все подряд, а пни выкорчевывать и сжигать,

чтобы в дальнейшем использовать освободившуюся землю под дороги и пашню.

Василий Александрович Челиков прибыл на новое место с большой семьей: три дочери и годовалый сын Иван.

В 1864 году произошло замирение горцев по всему Северному Кавказу.

На новом месте потихоньку обживались. Иван, на радость родителям, рос крепким парнем. Девчата заглядывались на ладного казака с копной жестких русых волос. Нос с горбинкой указывал на крутой характер, сталистые глаза выражали хладнокровность и твердость, в плечах – косяя сажень.

На освободительную войну 1877 – 1878 годов не взяли: отец – инвалид, а Иван – единственный сын в семье. Без него Василию Александровичу управляться по хозяйству было невозможно: раздробленная кость срослась неровно, и нога напоминала о себе на пашне и покосе. Младшему Челикову было стыдно перед сверстниками, вернувшимися из Болгарии с наградами на груди и денежными поощрениями. Он с завистью слушал их рассказы о походах, битвах, сражениях и представлял, как сам скачет на коне, выполняет особо опасные задания, стреляет, рубит шашкой... Отец видел, как горят глаза Ивана в такие минуты. «Что поделаешь, казачья кровь!» – вздыхал Василий Александрович. Дочери подросли, и Челиков-старший стал хлопотать за сына, чтобы и он смог послужить Отечеству и с гордостью носить звание казака Хоперского полка, положившего основу Кубанскому вой-

ску.

Закаспийский поход

В 70-90 годы XIX века Россия расширяет свои владения в Средней Азии, присоединяя враждующие между собой ханства. 28 августа 1879 года русские войска потерпели поражение от туркменского племени текинцев при крепости Геок-Тепе. Ко второму походу готовились более основательно, с привлечением казачьих соединений.

На Кубани в это время шло формирование двух казачьих полков: Таманского и Полтавского – для отправки в новый поход в закаспийский край. Ивана определили в Таманский полк.

В мае 1880 года в районе Астрахани переправились через Волгу на паромах. За Астраханью примкнуло два полка волжских казаков. В Гурьеве присоединился полк «бородачей» – уральских казаков, а также два полка регулярных войск. Сводный корпус из семи полков под командованием генерала Скобелева, героя Балканской войны, по берегу Каспийского моря двигался к югу. Воды в колодцах не хватало. От жары гибли кони. Люди начали болеть лихорадкой. Пробовали рыть колодцы, доходили до воды, но она была горько-соленой, хуже, чем в море. Пришлось вернуться в Гурьев. Здесь простояли до осени. Решили идти в зимний поход, хотя от местных жителей знали, что в это время года бывают

сильные пыльные бури, зачастую со снегом. Генерал Скобелев распорядился скупать вьючных верблюдов: для них не надо запасаться кормом, верблюды сами его находят и могут неделю обходиться без воды. Кочевники, прослышав, что русские скупают верблюдов, стали пригонять небольшие стада. Отбор шел тщательный: старых животных не брали, но и слишком молодых браковали, потому что они еще не приобрели навыки нахождения в пустыне. Было решено два полка казаков – один из двух кубанских и Уральский – оставить на лошадях. Остальные полки посадили на верблюдов. Конным казакам, чтобы не переутомлять коней, разрешалось быть в седле не более трех часов, остальное время идти рядом с конем, держась за стремя. Во второй половине октября, как только спала жара, двинулись в поход. Впереди – разведка, за нею – инженерный батальон, который разыскивал и приводил в порядок колодцы.

Вокруг тянулись бесконечные солончаки... Верблюды легко отшагивали по укатанным ветром мелким барханам. В начале декабря 1880 года русские войска вышли к отрогам Копетдага. Погода стояла теплая, ровная. Ивана удивлял пейзаж. Молодой казак привык к буйству зелени и красок кубанской земли, а тут, куда ни глянь, лишь голые камни и скалы. Кругом – ни души, только кружит в небе орлан, да слышен шорох змей под ногами. Тушканчики смело выглядывают из своих нор, то тут, то там суслики как столбики... Когда двигались вдоль моря, кроме ядовитых пауков,

забирающихся по ночам на стенки палатки, и черепах у отхожих мест, мало кого видели. Правда, разведчики рассказывали о встречах с куланами – животными, похожими на кавказских ослов, только с отвисшей нижней губой. Зато со временем проблема с водой отпала. У подножия гор кое-где попадались ручейки, бьющие из расщелин скал и бесследно исчезающие в каменистом крупном песке, но в бурдюках у казаков теперь всегда была свежая вода. Все чаще встречались ущелья с зарослями саксаула, акации, фисташки, дикого ореха, миндаля и шелковицы. В одном из таких ущелий решили остановиться и отдохнуть. Среди солдат было немало ослабших и больных. Генерал Скобелев решил отправить больных в Россию, но многие воспротивились, сказали, что уж если суждено умереть, то лучше тут, среди своих, чем в голой пустыне.

После трехдневной передышки двинулись вдоль гор на восток. Подкованные лошади смело шли по каменистой почве, но верблюды, которые шустро шагали в пустыне по щиколотку в песке, здесь шли осторожно, выбирая место, куда ступить, чтобы не поранить ноги об острые камни. Пришлось немного отойти от гор в сторону песков.

Однажды разведчики сообщили, что видели на горизонте десятка два всадников в огромных мохнатых шапках. Генерал Скобелев приказал выставить боковое охранение по полусотне казаков и в арьергард сотню, а две батареи переместить в конец колонны, чтобы прикрывали тыл, – и пра-

вильно поступил. На очередном привале только расседлали коней, развьючили верблюдов и расположились у котлов с дымящейся кашей, как сзади, со стороны гор, с гиканьем выскочили сотни две конников. Дозорные заметили их метров за триста. Сыграли тревогу. Пока казаки седлали лошадей, разбирали оружие, батарейцы успели сделать два залпа, но некоторые конники смогли проскочить к бивуаку. Казаки залегли, стреляли с колена, однако их белые рубахи хорошо были видны в темноте ночи. Несколько казаков было порублено. Артиллеристы сделали еще два залпа по скачущим конникам. Две сотни ринулись в атаку, но враги как появились мгновенно, так и исчезли быстро во тьме. Правда, солдаты успели заарканить одного лохматого: его лошадь была ранена, а он не хотел ее бросать и тащил за повод в сторону гор. После этого происшествия генерал Скобелев велел усилить посты и сам ночью несколько раз объезжал лагерь. Чтобы не мерзли, заставлял спать попарно, завернувшись в бурки, а костры после ужина тушить. Допросили пленного. Многие уральские казаки хорошо понимали тюркские языки. Пленный пояснил, что они – текинцы, живут тут по отрогам гор, большинство из них ведут кочевой образ жизни, аулов в горах очень мало, есть поселения – городки около небольших речек, которые летом пересыхают. Текинцы занимаются скотоводством и войнами с соседними племенами за пастбища. Хлеб здесь родит плохо. Там, на юго-востоке, сражаются с афганцами, которые приходят и угоняют их

стада. Народ устал от войны, готов присягнуть русскому царю, о нем много слышали, но хан Бек-Мурат и слушать не хочет, призывает под священные знамена Магомета против неверных, у хана будет около десяти тысяч конников, орудия только при крепости Геок-Тепе.

Текинцы стали по ночам досаждать набегами небольшими группами с разных сторон. Генерал хорошо знал эту татарскую тактику, пришедшую со времен скифов. Цель – измотать противника, заманить его подальше от мест снабжения, а затем навязать победное сражение. Пришлось колонну уплотнить к центру, а передовое и боковые охранения выставлять подальше вперед, имея в резерве пару сотен. После стычек с передовыми отрядами текинцы исчезали, как только видели скачущих на помощь казаков. На седьмой день пути, после первой стычки с текинцами, в лучах восходящего солнца увидели на горизонте растянувшуюся от края до края неба вражескую конницу, а на холме позади всадников – минареты мечетей. Генерал Скобелев приказал подготовиться к бою. Объявил по войску, что впереди главная крепость текинцев Геок-Тепе. Для начала генерал приказал выдвинуть батареи вперед и открыть огонь. Скобелев требовал бить по центру, зная, что предводители находятся всегда в середине. В это же время казачья конница должна была наносить удар по правому флангу противника. Следовало сначала по всей ширине двигаться рассыпной лавой, а при приближении к противнику – сместиться к его правому флангу. Свой левый

фланг прикрыть повозками и открыть из-за них залповый огонь по противнику. Казаки выполняли команды быстро и четко, поэтому не прошло и получаса, как после залпов орудий конные массы противников двинулись друг на друга. Наши сотни смещались вправо. Задавили правый фланг текинцев, открыв, таким образом, их левый фланг и дав возможность из-за укрытий вести по ним прицельный огонь.

Иван оказался в середине битвы. У текинцев была своя техника ведения боя: они уклонялись от встречного боя один на один, парами обходили каждого казака справа и слева и только потом ввязывались в рубку.

Иван был рослый, широкоплечий, мог рубить как с правой, так и с левой руки, но защищаться сразу от двух противников – непросто. Первая пара текинцев проскочила мимо него. Иван успел выбить саблю у текинца справа, но получил скользящий удар по костяшкам пальцев на сгибе. Кости оголились, но крови почти не было. Перебросил саблю в левую руку. В этот момент наскочила следующая пара, и он с ходу рубанул по плечу противника, текинец упал на шею лошади. Второй текинец нанес Ивану удар по голове, но казак успел пригнуться, и папаха, рассеченная надвое, слетела с головы. Правое ухо болталось на лоскутке кожицы. Иван перегнулся через луку седла, и это спасло его, когда текинец из третьей пары замахнулся саблей. Падая, Иван направил колющий удар в бок противнику. Текинец свалился под ноги лошади. Другой текинец из этой пары стал разворачивать ко-

ня. «Наверное, смерть моя!» – подумал Иван, глядя на искаженное в нечеловеческом оскале лицо, покрепче сжал саблю слабеющей левой рукой, прижался к коню... «А ну, земляк, держись!» – услышал он за спиной голос Степана Перепелицы, двухметрового богатыря, одним своим видом вселяющего панику во врага. Злорадный оскал текинца сменился маской ужаса...

Очнулся Иван уже в лагере. Верный конь вынес его из боя. Не видел казак, как дрогнули текинцы левого фланга, неся потери от оружейного огня. Их кони падали вместе с седоками. Задние налетали на передних. Образовался затор. Не слышал залпов оружейного огня, к которым прибавился огонь батарей, переместившихся на левый фланг. Несколько минут длилась встречная атака. Крутилась карусель боя, ржали кони, слышались крики «аллах!» и «ура!». Казаки начали обтекать конницу текинцев слева и справа. Заметив опасность, азиаты стали разворачивать коней и отступать к воротам крепости. Но те закрылись, и сотни две текинцев оказались в западне. Со стен ударила вражеская артиллерия, поражая своих и чужих. Бой затих. Рубка прекратилась. Генерал Скобелев подал сигнал прекратить атаку и отступить от крепости. На измотанных лошадях казаки вернулись к лагерю. Вскоре над крепостью показался белый флаг, но ворота какое-то время еще оставались закрытыми, затем отворились. Выехало трое всадников с белыми флагами. Метрах в трехстах от крепости остановились. Генерал Скобелев деле-

гировал на встречу с парламентарями командира Уральско-го полка, который хорошо говорил на текинском наречии и прекрасно знал местные обычаи, и двух казаков покрупнее и поприветливее. Текинцы просили разрешения убрать убитых до захода солнца. Делегация согласилась, к тому же среди убитых были и наши казаки. Передали требование генерала Скобелева, чтобы гарнизон крепости сложил оружие и хан со своим народом шел в услужение российскому императору. «Мы гарантируем, что хан останется руководителем своего народа и ему будет оказана честь и военная помощь в случае притязания врагов на его земли, Если не согласитесь, то будем вынуждены обложить крепость и предать ее бомбардировке из орудий. Ответ будем ждать до восхода солнца».

Казаки выбрали место на каменистом холме и похоронили павших в сражении. Тихо потрескивали костры, пахло наваристой кашей, но не слышалось привычных шуток и песен – только стоны раненых, тяжелые всхрапы лошадей да звуки тихой беседы.

Голова у Ивана распухла, рука саднила. В горячке боя не заметил, что правая нога под коленом пробита пулей. Не помнил, как его стащили с коня, перебинтовали голову – ухо пришлось отрезать, очистили руку от пыли, наложили пластырь и сделали тугую повязку. Сапог снять не смогли, пришлось разрезать. Сестричка из медчасти рассказала, что он сопротивлялся, чертыхался, не давал портить «обутку». Ра-

на оказалась сквозной. Нога воспалилась. Крепился, но как только закончили бинтовать, потерял сознание.

Генерал Скобелев не спал. Его приказ об окружении крепости уже был выполнен, пути подвоза продовольствия перекрыты. Ночь прошла спокойно. С восходом солнца генерал приказал дать выстрел из пушки. На стенах крепости ни души. Велел выдвинуть вперед артиллерию, но на такое расстояние, чтобы снаряды из крепости не долетали до нее. Начал обстрел крепости, одновременно пробивая глинобитную стену рядом с главными воротами. К вечеру был разрушен большой кусок стены. С заходом солнца русские войска пошли на штурм с двух сторон: в пролом и на самом низком участке стены. Казаки Таманского полка на всем скаку забрасывали на стены крепости кошки и по веревкам взбирались наверх. Текинцы такой дерзости не ожидали. Они оставили на этом участке стены незначительные заслоны, бросив основные силы к проему. Сотня казаков пробилась к запасным воротам и, перебив охрану, отворила их. С гиканьем таманцы ворвались на улицы крепости, за ними – Полтавский полк. В темноте над дворцом правителя поднялся белый флаг. Хан со своим гаремом стоял на ступенях с поднятыми к небу руками и повторял: «Позор мне, позор!» Командир таманцев прокричал: «Рубку прекратить!»

Текинцы, отступая от главных ворот ко дворцу хана, увидели белый флаг над резиденцией и стали бросать оружие. Трубы заиграли отбой сражения. Подъехал генерал Скобе-

лев, попросил командира Полтавского полка взять под охрану дворец и проследить, чтобы никто не творил бесчинств.

Утром русские полки были выстроены на главной площади крепости Геок-Тепе. Текинцы приносили клятву верности российскому императору Александру II. Генерал Скобелев приказал собрать больных, покалеченных, раненых и обозом в сопровождении двух сотен казаков – по сотне от уральцев и кубанцев – отправить в Россию: легкораненых и больных – верхом на вьючных верблюдах, а тяжелораненых – на бричках. Два месяца ушло на дорогу. Стояла сухая прохладная погода. Обоз двигался на Гурьев по так называемому «Шелковому пути», от колодца к колодцу. Народу теперь было в десятки раз меньше, и воды в колодцах хватало.

Сеченая рана на голове у Ивана быстро заживала, козонки затягивались молодой кожей, но рана на ноге заживала медленно. Нога была как чужая, не слушалась. Сухожилие было разорвано пулей. Пришлось приспособливаться к костылю.

Изломы судьбы

В Екатеринодаре хирурги в госпитале попробовали сшить сухожилия, получилось, но нога постоянно подкашивалась. За плугом ходить было невмоготу. Кто-то посоветовал шорничать. Научился, но радости от работы не получал. Попробовал портняжничать, это дело оказалось по душе. По-

шли заказы. Однажды, когда после пошива большой партии черкесок Иван получил немалую сумму денег, отец сказал: «Хватит в бобылях ходить. Смотри, скоро сорок, не только девки, но и вдовы за тебя не пойдут, пора жениться. Есть ремесло – семью прокормишь». Невеста нашлась на той же улице – Зинаида Науменко. Муж не вернулся из закаспийского похода, детей не оставил. Ждала три года, надеялась, а вдруг объявится. Ивану она давно приглянулась. Сосватали. Сыграли шумную свадьбу. Стыдились: оба в годах. Зинаида в 1905 году родила дочь Елену. Когда ходила ею, Иван оберегал, не давал ничего тяжелого поднимать. В 1910 году появился крепыш Савелий. Уже полгода шла первая мировая война, когда 5 марта 1915 года в семье Ивана родился сын Владимир.

Челиков Владимир Иванович

Станица пустела. Война требовала новых и новых жертв, Ивана мобилизовали в артель, где такие же пожилые казаки шили форму, которую отправляли на фронт. Революцию в

Ярославской встретили спокойно, для них она была где-то очень далеко. Но осенью 1918 года в станице начался переполох. Стали проходить митинги, собрания. Одни ратовали за новую власть, другие – за соблюдение верности присяге и за служение царю-батюшке. Но революция не могла изменить вечных законов жизни. Летом 1919 года у Ивана и Зинаиды рождается дочь Антонида.

В лабинских станицах появился генерал Фостиков. Он объявил мобилизацию казаков, даже старших возрастов. За теми, кто не являлся на станичный призывной пункт, приходили ночью и забирали силой. Прихватили и Ивана, хоть и старался он доказать, что не боец – на коня надо подсаживать. Отрубили: «Будешь при обозе ездовым». Привезли в Лабинскую, начали формировать отряд. Ночью Иван сбежал. Ушел в горы на хутор, куда летом выезжали на покос и вывозили ульи на медосбор. Изредка навещался домой за провиантом и одеждой. Осенью 1919 года Иван вернулся. Дети подрастали. Братья Савелий и Володя росли дружно, опекали сестер. Оба рослые, головастые, сероглазые, настырные.

А в это время в станицу пришла советская власть... Иван в колхоз вступать не стал, так и продолжал работать в артели. «Зачем мне жизнь менять? Пожил я уже свое. Пусть вон Савелий да Владимир живут. Теперь их черед пришел», – часто рассуждал Иван, сгорбившись над очередным заказом. Он смотрел на своих сыновей и удивлялся, какие они раз-

ные, будто и не братья вовсе. Савелий был спокойнее, рассудительнее. Володя – взрывной, обидчивый, но отходчивый.

Савелий пошел на рабфак, затем окончил Краснодарский педагогический институт, факультет истории и филологии. Взяли на работу в районную лабинскую газету, сначала завсектором, а через три года стал главным редактором. В этой должности и встретил войну.

Володя в 1932 году окончил шестимесячные педагогические курсы в станице Лабинской и был направлен учителем в станицу Зассовскую. Одновременно поступил на заочное отделение Ставропольского педагогического училища, которое закончил в 1936 году. До войны педагоги сельских школ были освобождены от службы в армии, а привлекались для обучения военному делу в летние военные лагеря. В 1937 году Владимира назначили директором начальной школы в станице Баговской Мостовского района.

Родная земля в огне

Началась Великая Отечественная война. Владимир Челиков каждый день ездил на велосипеде в Лабинский райвоенкомат. Когда об этом узнали в РОНО, Владимира предупредили: главное для него сейчас – подготовить школу к зиме. Война войной, а дети должны учиться. Когда придет время, его призовут. Владимир нервничал. Да и как иначе? Разве можно спокойно сидеть в тылу крепкому, здоровому парню,

когда его сверстники проливают кровь в борьбе с врагом? Друзья присылали с фронта письма, Владимир внимательно анализировал сводки Совинформбюро, поэтому знал положение на фронтах – оно было тревожным.

В октябре 1941 года Владимиру Челикову пришла повестка в военкомат. Отправили в город Кировоград, в кавалерийскую школу. Володя хоть и вырос в казачьей станице, но на лошади толком сидеть не мог. Своего коня у них не было, а на соседском разве научишься, да и когда, если все детство помогал отцу и братишке зарабатывать на жизнь. Поначалу курсант Челиков падал с лошади, разбивал лицо, травмировал руки и ноги. Но не сдавался, всячески обихаживал своего четвероногого напарника и к концу второго месяца занятий стал чувствовать, что он и лошадь – единое целое.

По окончании кавалерийской школы рядовой Владимир Челиков был направлен в Элисту, в формировавшуюся 110-ю калмыцкую дивизию. К весне 1942 года дивизия была сформирована и брошена на Дон. Передвигались по безводной Сальской степи. Сушь. Ранняя весна. Трава пытается пробиться к солнцу. Она еще так мала, что голодные кони не могут ее ухватить и грызут молодую зелень вместе с корнями и землей. От бескормицы начался падеж. Начальник контрразведки капитан Журавлев предупредил: за погибшую лошадь – под трибунал. Однажды под вечер командир отделения отправил рядового Челикова с бурдюками к колодцу. Днем за водой ехать было бесполезно: десятки солдат стоя-

ли в очереди и без конца опускали ведро на длинной веревке, к середине дня черпали густую грязь. Солнце садилось за горизонт. Челиков ехал сначала по выбитой в песке тропе. С закатом солнца практически мгновенно наступила темень, на расстоянии трех метров ничего не видно. На беду, небо затягивали плотные облака. Владимир знал, что примерно через полчаса езды должен быть колодец. Но прошло уже около часа, а на колодец он так и не наткнулся. «С тропы сбился!» Обратно не поехал, боясь заблудиться в пустынной степи. Улегся спать на голой земле. Перед рассветом похолодало. Владимир продрог, вскочил, стал бегать вокруг лошади. Вдруг услышал, что-то булькнуло. Пригляделся и в предрассветных сумерках увидел, что спал на краю колодца. Судьба спасла его от беды: еще пара шагов – и он вместе с лошастью полетел бы в широкое устье десятиметрового колодца.

В июле – августе 1942 года Владимир Челиков отступал по той же выгоревшей степи к калмыцким пескам.

Поединок

Поступил приказ занять оборону за селением Червлёные Буруны, чтобы перекрыть дорогу на Терекли-Мектеб, – и ни шагу назад. Местность изобиловала солончаками. Коней отвели подальше в тыл, чтобы не попали под огонь вражеской артиллерии. Ширина обороны для полка была определена

в пять километров. Два дня рыли траншеи в осыпающемся песке. Окопы вырыли в полный профиль. Но цепочка солдат в окопах оказалась жиденькой. Второй линии обороны не было. В резерве – один конный эскадрон.

Около полудня появилась немецкая колонна. Над окопами взвилась красная ракета. «К бою!» Фашисты двигались нагло, без боевого охранения и разведки.

Челиков за полгода наступлений и отступлений дослужился до ефрейтора и был первым номером ПТР. Он еще зимой отморозил ноги, и сейчас даже радовался, что сидит в окопе, а не идет пыльной дорогой. В полку коней оставалось на два эскадрона, и передвигаться приходилось в основном пешком, таща с напарником – другом Иваном Охпопьевым – на плечах ПТР. Патронов к ружью было десять, а немецких танков – более двух десятков, да и солдат за ними виделось не менее батальона. Танки пошли на окопы в обход. Свернув с укатанной дороги, они замедлили ход, стали вязнуть в песке, но упорно двигались вперед. По цепи передали: пэтээрщикам беречь патроны, танки подпускать как можно ближе. Танк, двигавшийся на окоп, в котором сидели Иван и Владимир, вырвался вперед. Челиков долго целился, и когда стали четко видны траки гусениц – выстрелил. Танк дернулся, развернулся влево и замер. Но за ним шел второй, а следом, тяжело передвигаясь по песку, показалась немецкая пехота. Заработали наши пулеметы. Пехота залегла, но танки продолжали ползти. Вторая машина, прикрываясь подбитым

танком, открыла огонь по окопам. Челиков выстрелил раз, другой... Только после третьего выстрела танк замер и стал погружаться в песок все глубже и глубже. Перед окопами уже замерло до десятка танков. Два из них, подожженные бутылками с горючей смесью, горели у передней кромки окопов.

Остальные немецкие танки устремились на левый фланг, где оборона была прорвана. Челиков стрелял, перенося огонь с одного танка на другой, но снаряды не попадали в уязвимые места, а били по броне. Он загнал последний патрон, когда сбоку перед самым окопом вынырнуло бронированное чудовище. Выстрелил, но снаряд лишь скользнул по броне. Оба солдата, чтобы не быть раздавленными, выскочили из окопа и помчались к бархану, надеясь, что за ним есть спасение. Иван бежал ходко, а Владимир после каждого десятка шагов падал: прожигала боль в ногах. Однако поднялся и снова бежал, пусть несколько шагов, но вперед. Он слышал рев мотора за спиной, видел, как очередь из пулемета прошила друга. Иван остановился, выпрямился, и новая очередь ударила по нему. А Челиков все бежал... И это спасло его: он все время оказывался в мертвой зоне огня танка. Кто знает, сколько бы продолжалась эта игра в кошки-мышки, если бы танк не наскочил на солончак и не погрузился по башню. Танкистам было не до Челикова, им бы самим живыми выбраться, поэтому Владимир успел кое-как добежать до бархана и уползти за него. Лежа на спине, пересохшим ртом хватал воздух, полный пыли и гари. Кто-то над око-

пами зажег дымовые шашки, и густая пелена накрыла поле сражения. Немного отдышавшись и подобрав винтовку убитого солдата, Владимир направился к левому флангу полка. Оставшиеся немецкие танки и пехота отошли. «Странно, почему они не зашли с левого фланга в тыл полка? – подумал Челиков и тут же отогнал эту мысль: – Нельзя так думать! И слава Богу, что не зашли!» Он видел подбитые и горевшие на поле и над окопами танки, истерзанные и засыпанные песком тела бойцов, с которыми еще вчера на привале шутил и пел старые казацкие песни...

Этот бой дорого обошелся кавалерийскому полку. И штаб, и командир погибли. Командир 1-го эскадрона Назран Сайтов жестоко матерился по-русски, проклиная штаб и командира полка за бестолковое руководство боем, в результате которого половина полка вместе со штабом погибла. Можно было развернуть полк на участке шириною в два километра и в две линии, ведь было ясно, что танки в сторону от дороги в зыбучие пески не пойдут. И что получилось? Левый фланг смят и уничтожен полностью, а правый – бездействовал, но помочь ничем не мог. А запасной эскадрон – что он мог сделать против танков?

Тут в воздухе появилось звено «ястребков» и стало расстреливать танки и немецкую пехоту из пулеметов. Совершив несколько заходов, «ястребки» ушли к Волге. Капитан Сайтов объявил, что командование полком берет на себя. За время сражения бойцы израсходовали боезапас, не было ни

пищи, ни воды. Привели коней из укрытия. Все, что можно было найти на поле боя: винтовки, противотанковые ружья, патроны, – собрали и навьючили на коней. Попрощались с убитыми. Могилы рыть было некогда: немцы могли подтянуть резервы и возобновить атаки. Уложили павших в сохранившиеся окопы, засыпали, дали прощальный залп и двинулись на восток.

Терекли-Мектеб

Шли несколько часов, не встречая жилья. Наконец увидели одинокую юрту. Около нее ни скота, ни людей. В юрте нашли старика, который сказал, что это Ногайская степь, а северо-восточнее – безводные калмыцкие пески. Недалеко селение Терекли-Мектеб. Поинтересовались, почему он тут один, ведь немцы рядом, это опасно. Старик ответил: «Сыновья с отарой овец ушли к Волге, а я стар, Тут я родился, здесь знаю каждый овражек, где из земли бьет ручеек, каждая веточка мне дорога. Тут похоронены мои деды и прадеды, моя жена и мои дети, которые умерли в детстве. Куда я от них пойду? Тут буду умирать. Это моя земля, и я с нее не сойду».

Через сутки, голодные, оборванные, три сотни казаков-кубанцев дошли до селения Терекли-Мектеб. Здесь встретили командование 110-й калмыцкой дивизии, которое удивилось, что три сотни солдат вырвались из окружения и

задержали немцев на трое суток.

Разведка

Потрепанные казаками у Терекли-Мектеба немцы больше не пытались наступать в этом направлении. Техника увязала в песках Червлёных Бурунов. Противник повернул основные силы на Ай-Куй.

Прошел октябрь, немцы вели ожесточенные бои в Сталинграде, поэтому вынуждены были снять часть сил с кизлярского направления. В начале ноября 110-ю калмыцкую дивизию расформировали. Кубанцев передали в 30-ю Краснознаменную кавалерийскую дивизию.

В ноябре, при двадцатиградусных морозах, задули пронизывающие ветры из-за Каспия. Ноги в ботинках примерзали к подошве. На ночь ботинки снимали, ноги заматывали сеном, поверху стягивали обмотками.

Утром 18 ноября по окопам передали: «Челикова к командиру эскадрона». Владимир вылез из норы, набитой сеном, схватил ботинки, а они смерзлись, на ноги не лезут. Кое-как замотал ноги обмотками, один ботинок сунул за пазуху, а другой отогревал на ходу, дыша вовнутрь. Веселому казацкому нраву никакие трудности и морозы не страшны, поэтому и тут казаки по ходу траншеи заливались хохотом: «Дуй босиком! По пути и штаны сними, немцы как увидят – сразу убегут домой к своим фрау от расстройства!» Подбегая

к командирской землянке, Челиков еле-еле натянул тот ботинок, который грелся за пазухой, а второй не смог – ступню засунул наполовину. Командир заметил это, нахмурился: «Знаю, Челиков, не легко вам сейчас в окопах, обмораживаетесь. Но потерпи, скоро жарко будет и нам, и немцу. Хватит на нарах сидеть. Пора фашисту дать по зубам. Можешь передать бойцам, на подходе из Сибири эшелон с валенками и полушубками. А теперь слушай задачу. Говорят, ты самый шустрый, от танка убежал. Пойдешь со своим отделением в разведку. Постарайся проникнуть как можно дальше. Узнаешь, что там у них за оборона. Сейчас между нами более двух километров. Проверишь тылы, что делается в Червленых Бурунах. Задача ясна?» Челиков спросил: «В разведку пойдем на конях или пеше?»

«На машине». – «Так нас сразу любой пушкой прибьют». – «А я что, тебя просто так выбрал? Постарайся, чтобы не прибили, используйте фактор внезапности. Но глупостей не делайте, вы должны вернуться живыми, слышишь, Челиков, живыми, это приказ!»

Челиков собрал отделение, пригласил шофера «газона», рассказал о задании и спросил, у кого какие предложения. Шофер, удалой малый, нарушил молчание: «Эх, была не была! Садимся в машину, накрываемся плащ-палатками – и вперед! Наглость города берет!»

Как только солнце спряталось за барханами, на степь опустилась крошечная тьма. Отделение Челикова было готово

выступить на задание. Разведка заранее доложила, где находятся стыки немецких частей, – это были наименее укрепленные части обороны. Решили ехать не тропами, которые обычно минировались, а напрямик по дорогам, там стояли дозоры, но их можно было обмануть, не то что мину. Тихо переехали передовую, объехали небольшой поселок. В неярком свете фар увидели немцев. «Ишь, гады, наших баранов да кур тащат!» – кто-то зло прошептал в кузове. Проехали. Фашисты не обратили никакого внимания. Поселок остался позади, все вокруг было тихо. «Ребята, какие же мы дураки, живых языков упустили! – ругнулся один из солдат. – Сами в руки шли, да еще и с баранами». Развернулись, догнали. Выскочили из машины, закричали: «Хальт! Хендехох!» Немцы опешили, побросали добычу, оружие. Разведчики не растерялись: автоматы в кабину сложили, немцев связали – и в кузов. От них же узнали, что за селом нет обороны, немцы сидят в хатах, а в окопах только наблюдатели. Решили проверить наличие огневых точек в селе. А как? Сняли с выхлопной трубы глушитель и на полной скорости помчались к селу. Немцы выскакивали из хат, кое-кто палил в воздух. Никак не могли понять, чья машина, тем более со стороны тыла, подумали, что какой-то пьяный шофер веселится. Промчались через передовую линию противника и перед нашими окопами стали палить зелеными ракетами, чтобы не перестреляли свои, хотя охранение и было предупреждено, что разведка будет возвращаться на машине. И все равно стре-

ляли, несколько пуль попало в кузов. Но все обошлось. Захваченные языки рассказали, что на этом участке оборону занимает немецкий батальон, а тыловые части состоят из румын.

На другой день, рано утром, южнее началась артподготовка против основных сил противника. Разведывательный эскадрон, в котором служил Челиков, первым проскочил окопы и обошел селение, перекрывая немцам пути отхода. Околевшие от холода, напуганные внезапным наступлением, немцы поспешно поднимали руки. В селении сопротивление оказали только засевшие в школе гитлеровцы, но поняв, что окружены, сдались.

После короткого боя полк вступил в Карачас. Параллельно 30-й кавалерийской дивизии от Гудермеса вдоль железной дороги двигался 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус.

На Ростов

20 ноября 1942 года 30-я кавалерийская дивизия приказом Ставки была введена в состав 4-го Кубанского казачьего корпуса. В ноябре же прибыл из Сибири эшелон долгожданных полушубков и валенок, а следом – эшелон монгольских лошадей. Кони были не объезженные – полудикие.

В декабре 1942 года Челикова из разведки перевели в сформированный 23-й отдельный эскадрон связи при штабе

дивизии. С лошадьми пришлось помучиться: они не хотели ходить в узде, а тем более под седлом. Челикову достался монголец, по паспорту – Мурза. Владимиру кличка не понравилась, и он стал звать коня по-своему – Матвей, что даже больше подходило жеребцу. Лохматый, с широкими, как лопата, копытами, выносливый. На морозе не дрожал. Корм находил сам, разгребая снег. Владимир быстро подружился с Матвеем, всегда имел в кармане кусочек сахара или корочку хлеба. Казаки смеялись: «Ну и дружба у вас, не разольешь водой. Куда Челиков – туда и конь!» Действительно, где бы ни был Челиков, Матвей тут же оказывался рядом, дышал ему в затылок, старался губами дотронуться до руки, как бы говоря: «я тут, с тобой».

После взятия Ставрополя дивизия освобождала северные районы Краснодарского края. Дом рядом, рукой подать, но не вырвешься. Немцы поспешно отступали, боясь попасть в новый котел. Владимир с рассвета до заката не слезил с коня, ноги деревенели. Полки дивизии были растянуты на тридцать километров, связь прерывалась по нескольку раз в день. Дивизия получила приказ маршем, не ввязываясь в бои с противником, двигаться на Ростов. 8 февраля 1943 года форсировали реку Дон северо-западнее Ростова, Саперы наращивали лед, а Матвей спокойно шлепал и по тонкому льду. Челиков не дал обрезать копыта и упросил не подковывать Матвея. Подойдя к немецкому оборонительному рубежу на реке Миус, дивизия вступила в тяжелые бои в райо-

не Матвеева кургана. Челикова несколько раз контузило, но он не покидал свой эскадрон. День-два отлежится – и снова на своем Матвее носится от полка к полку. В начале марта дивизия была выведена в резерв, пополнялась и готовилась к новым боям.

Таганрогский и Мелитопольский рейды

В конце августа 1943 года 30-я кавалерийская дивизия в составе 4-го Кубанского корпуса была введена в прорыв немецкой обороны. Начался знаменитый Таганрогский рейд в оперативном тылу врага. Челиков спал по два-три часа в сутки, порой засыпал на ходу, ухватившись за гриву Матвее. 30-я дивизия пробилась к Азовскому морю и участвовала во взятии Таганрога. Каждую неделю командование ставило дивизии новые задачи по освобождению населенных пунктов Ростовской, Донецкой и Запорожской областей. Эскадрону связи за сутки приходилось преодолевать сотни километров. Выбившихся из сил лошадей заменяли свежими, только Матвей у Челикова вместе с ним стойко переносил все тяготы и лишения войны.

26 октября 1943 года 4-й Кубанский казачий корпус включился в Мелитопольскую наступательную операцию. 30-я кавалерийская дивизия вырвалась вперед, овладела населенным пунктом Новоалександровка, но потеряла связь со штабом корпуса. Группе связистов-конников во главе с Челико-

вым была поставлена задача восстановить связь. Пробиваясь через немецкие заслоны, теряя друзей, Челиков выполнил задание. Дивизия была перенацелена на Новогригорьевку, надо было срочно передавать в полки новые приказы. Когда полки в движении, телефонная связь мало действенна: бесконечные разрывы, гибель связистов. Остается надежда только на лошадь – надежную спутницу казака. Очищая от немцев Новогригорьевку, дивизия отсекала им пути отхода. Немцы непрерывно контратаковали, дивизия несла потери. Необходимы были согласованные действия, для этого командиром дивизии была поставлена задача установить надежную связь между полками. И снова ефрейтор Челиков с катушками на шее, под огнем противника восстанавливает десятки метров разрывов. Особенно трудно пришлось в районе сел Павловка и Ольгинка, которые находились в руках гитлеровцев. Немцы вели ураганный огонь из пушек и закопанных танков. Связь снова и снова прерывалась, эскадрон терял людей. Челиков, извиваясь змеей, со сбитыми в кровь коленями, в сапогах, полных набившейся земли, в порванных штанах и гимнастерке, снова и снова восстанавливал связь. И на этот раз судьба берегла его. Болтались провода катушек, иссеченные осколками и пулями, кирзачи – в дырах. После боя Владимир вытащил два осколка из записной книжки, которая хранилась в нагрудном кармане. Но задачу Челиков выполнил. Связь хоть и с короткими перерывами, но работала надежно. За бои в прорыве и обеспечение

связи между дивизией и штабом корпуса ефрейтор Челиков В.И. одним из первых среди рядовых и сержантов корпуса был награжден орденом Славы III степени.

Перекоп

Кубанский корпус получил приказ прорвать оборону противника на Перекопском перешейке и захватить плацдарм для наступления на Крым. 1 ноября части корпуса вклинились в оборону противника, штурмом прорвали участок Турецкого вала и стали развивать наступление, но были контратакованы немцами. Когда 35-й кавалерийский полк оказался в окружении, начальник штаба корпуса приказал 23-му отдельному эскадрону срочно установить связь с полком. Благодаря выносливости и понятливости своего Матвея Челиков один сумел прорваться к полку. Вместе с полком выходил из окружения. 3 ноября при смене дивизией боевых позиций отдельный эскадрон попал под бомбежку. Разорвавшаяся невдалеке бомба крупным осколком поразила Матвея в голову. Он грохнулся на передние ноги. Челиков успел спрыгнуть, и конь завалился на бок. Владимир увидел большую рану около уха. Из глаз коня катились слезы, плакал и Владимир, приговаривая: «Прощай, Матвеюшка, сколько раз ты спасал мне жизнь, а я не смог уберечь тебя...» Челикова бил озноб, мышцы свело, скрючившись, он сидел около Матвея. Товарищи помогли, затащили лохмача в воронку

и засыпали землей. Сверху привалили огромный камень, на котором штыком выбили: «Матвей».

После потери Матвея измотанного, исхудавшего, с расстроенной нервной системой Челикова положили в корпусной эвакогоспиталь. Спал двое суток. Открыв глаза, увидел перед собой до боли знакомое лицо. Перед ним в белом халате стояла русоголовая, голубоглазая, с пухленькими щечками молодая дивчина, так похожая на сестру Тоню. Владимир захлопал ресницами, а сестрица опустила на колени; прижалась к его рукам и заплакала, повторяя: «Братик, Володенька!» Челиков по письмам отца знал, что сестра тоже на фронте, при эвакогоспитале. Проговорили до вечера. На следующее утро Челиков соскочил рано, как будто и не было у него болезни. Как только пришла Тоня, он стал уговаривать ее перейти к ним в 30-ю дивизию. Она ответила: «Володя, я рада быть с тобой рядом. Ты знаешь, наши сообщили горестную весть: осенью прошлого года скончался наш отец. Старый казак донских корней не вынес надругательства фашистов над родной землей. Братишка Савелий год как на фронте, редактор армейской газеты. Недавно мне попала газета “За Победу”, внизу написано: редактор – Савелий Челиков. Папа писал, что брат в редакции, поэтому догадалась, что это он. Отправила письмо, жду ответа. Ты, Володя, почему домой редко пишешь?» – «Пишу, сестрица, пишу. Когда отступали – стыдно было, а при наступлении – передохнуть некогда, не то что письмо написать. Я в эскадроне связи при

штабе дивизии и при передвижках целыми днями на коне. Правда, несколько писем написал, но, видимо, ответные за нами не успевают. Сегодня же напишу».

По прибытии в свой эскадрон Челиков в тот же день пошел к командиру дивизии генералу Головскому В.С. с рапортом о переводе сестры в свою дивизию. Генерал сказал: «Это похвально, что два брата и сестра находятся на фронте, на передовой, но перевод дело хлопотное». На что Челиков ответил: «Я при выписке беседовал с начальником эвакогоспиталя, он согласен: ведь не в тыловой госпиталь сестра просится, а на передовую. Я объяснил ситуацию начальнику медслужбы дивизии. Он сообщил, что в боях за Перекоп тяжело ранило фельдшера зенитного дивизиона, – он согласен». Генерал улыбнулся: «Чувствуется, что настоящий казак, своего добьется, но это святое дело, когда родные рядом – легче на душе. Давай рапорт, подпишу. Ты только начальнику штаба напоминай, чтобы не затерялся твой рапорт в донесениях». В феврале 1944 года Антонида была переведена в 30-ю кавдивизию.

На Никополь

В начале марта 1944 года дивизию от Сиваша перебросили в рейд на Никополь. Полки дивизии приняли участие в Березнеговато-Снигиревской наступательной операции. Из этих мартовских боев Челикову больше всего запомнилась

переправа через реку Тилигул. Шел мокрый снег, в воде сводили судороги, ноги утопали в иле, бойцы проваливались в ямы и с головой уходили под воду. Солдатская смекалка и взаимовыручка спасала от верной смерти. Обвязывались веревками по пять-шесть человек и переправлялись через реку. Семь раз переходил Челиков Тилигул, таща на себе две катушки провода, телефонный аппарат, автомат с дисками. Восстанавливал связь под огнем противника, каждый раз рискуя жизнью. Мысленно подбадривал себя: «Ты герой, Челиков, герой всего Советского Союза».

Одесса

10 апреля 1944 года части 4-го Кубанского корпуса в лихой конной атаке ворвались на юго-западную часть Одессы. В этом бою ефрейтора Челикова взрывной волной выбросило из седла. Потерял сознание, подобрала санитары. В госпиталь ложиться отказался. Неделю его возили в бричке при штабе дивизии, пока не оклемался. Из-под Одессы корпус повернули к румынской границе. После многодневных боев дивизия с ходу взяла узловую станцию Раздельная и преследовала отдельные части противника.

Белоруссия

В середине апреля дивизию вывели во второй эшелон. 28

мая дивизия по железной дороге была переброшена в Белоруссию и приняла участие в Белорусской наступательной операции. Полки дивизии вели боевые действия на широком фронте. Эскадрону связи приходилось пробиваться по болотам, кони утопали по брюхо.

Челикову везло на лошадей. На этот раз ему попался легкий, поджарый кабардинец, которого, среди других приготовленных к отправке на кораблях из Одессы в Германию лошадей, казаки отбили у немцев. Какая была кличка – никто не знал. Челиков дал свою – Дончак, а звал ласково: «Доня, Доня». Конь легко перепрыгивал зыбучие места, вязкие речки, быстро вытаскивал легкие ноги из трясины. Когда рвалась связь, то эскадрон зачастую использовался как разведывательный.

В одной из таких разведок Челиков с друзьями Сергеем Лысенко и Иваном Проценко попали под ураганный минометный обстрел. Когда Владимир выскочил на своем Доне из-под обстрела, друзей рядом с ним не было. При взятии Слуцка эскадрон проскочил городок на рысях, так как один из полков обошел Слуцк слева и надо было срочно устанавливать с ним связь. На окраине города увидели, как фашисты торопили пленных казаков рыть могилу, постреливая над их головами из автоматов. Отделение Челикова смяло гитлеровцев. Среди освобожденных казаков он узнал Сергея Лысенко и Ивана Проценко. Вместо лиц – сплошные кровоподтеки, у Ивана выколот правый глаз, а у Сергея вырваны

ногти на обеих руках. Позже они рассказали, что немцы два дня их пытали. Отправиться в тыловой госпиталь оба отказались. Заявили: «Пока живы – будем мстить!» Ивана определили в коноводы, а Сергей, с перебинтованными руками, остался в эскадроне связи. Доказывал командиру эскадрона: «Руки, ноги, голова – на месте, а пальцы заживут! Повод и ложку в руках держать могу, остальное приложится». После этого при любом задании дружба всегда были вместе.

Ожесточенные бои разгорелись за город Столбцы, взятие которого закрывало гитлеровцам пути отхода на юго-восток, и минская группировка немцев оказывалась в окружении. На рассвете 2 июля 1944 года командир дивизии генерал Головской В.С. вызвал командира эскадрона связи и поставил задачу: «Пока полки дивизии будут вести уличные бои, вы должны проскочить огневой вал противника и, не ввязываясь ни в какие перестрелки, пробиться к железнодорожному узлу, где идет разгрузка боевой техники противника».

Огонь был очень плотный. С ржанием падали лошади. Преодолев линию обороны противника, конники двинулись к железнодорожной станции. Выехав на привокзальную площадь, командир эскадрона приказал отделению Челикова захватить западные выходные стрелки железнодорожных путей. Среди казаков нашлись путейцы. Подкладывая под стрелки связки гранат, взрывали и ломami разводили рельсы. Комендантский взвод станции пробовал организовать атаку, но был расстрелян в упор. Немцы стали разбегаться.

Осматриваясь после боя, Челиков удивился, как они с Доней остались живы. Планшет и седло пробиты пулями, в изрешеченной фляжке ни капли чаю. Диск автомата раскурочен осколками. Чудеса, да и только. Была и печаль: половины эскадрона недосчитались после боя. Часть погибла на улицах города, а остальные здесь, в сражении за станцию.

Отдельные части корпуса, обходя город, переправились через Неман южнее и севернее мостов – железнодорожного и шоссейного. Срочно нужна была связь. Эскадрону поступила новая задача: переправиться через Неман и установить связь с подразделениями и частями. Передав железнодорожную станцию подошедшим частям, Челиков с товарищами выбрались из города к мосту. По железнодорожному мосту на конях не переправиться, а деревянный горел и простреливался из пулеметов. Однако другого пути не было. На лошади через полыхающий и простреливаемый мост – это смерти подобно. Лошади боялись огня, шарахались в сторону. Первым на мост заскочил Челиков на своем кабардинце. За ним последовали другие. Падали горящие балки, преграждая дорогу. Казаки мчались по мосту под интенсивным огнем противника. Немецкая авиация начала бомбить мост, чтобы воспрепятствовать продвижению конницы и танков. Проскочив мост, Челиков вздохнул: «Слава Богу, пронесло!» Но когда отъехал метров двести вправо, рядом разорвалась 500-килограммовая бомба. Владимир слышал гул, почувствовал, как закачалась земля, а дальше – темнота. Сергей Лысенко ви-

дел, как падала бомба, успел спрыгнуть с коня в воронку. Когда Лысенко выбрался из укрытия, Челикова нигде не было. Побежал к тому месту, где перед взрывом находился друг, и увидел ремешок планшета, торчащий из земли. Стал разрывать землю руками. Кто-то подсунул саперную лопатку. Отрыл сначала ноги, затем туловище, а потом – с особой осторожностью – голову. Дыхания не было, рот и нос забиты землей. Сергей вытащил из-за голенища ложку, стал очищать рот, затем нос – втягивая и выплевывая землю. Начал делать искусственное дыхание. Хлопал по щекам, ушам. У Владимира дернулось веко. Сергей крикнул казаков, положили на плащ-палатку и стали подбрасывать. Владимир прошептал: «Больно...» Ехать в госпиталь Челиков наотрез отказался. Нашли среди казаков костоправа. Позвонки оказались смещенными. Сколотили из досок типа столешницы. Костоправ вправлял позвонки. Челиков кричал и впервые в жизни матерился. После этого привязали к доскам и так целый месяц возили в бричке за штабом дивизии.

Бои на венгерской земле

В начале сентября 1944 года 30-я кавдивизия в составе 4-го Кубанского казачьего корпуса была переброшена по железной дороге в район румынского города Яссы. Совершив марш по Румынии, дивизия вышла к венгерско-румынской границе севернее румынского города Арад. Здесь Челикова

вызвали в штаб дивизии, и генерал Головской вручил ему орден Славы II степени за мужество и умелые боевые действия при захвате железнодорожного узла в городе Столбцы.

6 октября 30-я дивизия участвует в прорыве обороны противника. С ходу овладели городом Бекешчаба и на плечах противника ворвались в город Бекеш. Одновременно завязались бои за крупную узловую железнодорожную станцию Керештара. После взятия станции дивизия получила приказ двигаться в направлении города Деречке и захватить крупный населенный пункт Орадеа-Маре. 12 октября, на рассвете, начался штурм городка. Бои шли целый день. К вечеру Челиков падал от усталости. Выпив кружку чая, свалился на плащ-палатку. Когда на другой день стали подсчитывать потери, Челиков недосчитался в своем отделении многих бойцов-товарищей. Завязались бои за город Дебрецен. Это третий по величине город Венгрии. В основном его обороняли венгерские части, и, надо отдать должное, дрались они с ожесточением. Каждый дом по несколько раз переходил из рук в руки. Немцы подтягивали в Венгрию части из Германии. Венгрия была подбрюшием вермахта, его самым верным союзником.

При одном из налетов фашистской авиации Челиков и командир дивизии Головской В.С. оказались в небольшом окопе голова к голове. Головской грозился: «Ну, вражина, поотсекаем твои змеиные головы! Скоро тебе хана!»

На третий день боев один из полков дивизии на север-

ной окраине города попал в окружение. Отделение Челикова получило задачу срочно установить связь с полком. Пробиваясь через море огня, один за другим выбывали бойцы-связисты. Восстановленная связь через несколько минут снова была утеряна: мины и снаряды рвали провода. Когда рядом с Челиковым грохнула мина, его буравила одна мысль: «Есть ли связь?» Придя в сознание, изрешеченный осколками, контуженный, временами теряя сознание, он продолжал ползти, устраняя обрывы. Подползая к штабному укрытию, прошептал. «Связь есть». Начальник штаба сказал: «Спасибо тебе, солдат, ты спас ребят полка, благодаря тебе мы пробились к ним на помощь. Санитары, срочно героя в госпиталь!» Челиков категорически отказался отправляться в эвакогоспиталь. Просил разрешения командира дивизии остаться в дивизионном госпитале. Дивизионные врачи провели более десятка операций, вытаскивая и вырезая множество осколков.

Организм Владимира оказался крепким. Молодость взяла свое, плюс настырность и желание добивать фрицев со своими ребятами, с которыми он пришел сюда из Ногайской степи. Лечение затянулось, некоторые раны загноились. Владимир пробовал ходить. В начале апреля 1945 года сбежал в свой 23-й отдельный эскадрон связи, но командир эскадрона никак не хотел отправлять Челикова на боевые задания, и, как учителю, ему пришлось заниматься писарской работой.

Скрипка

Дивизия втянулась в затяжные бои на будапештском направлении. Челиков нервничал, что сидит при штабе и не участвует в боях со своим эскадром. В одном из отбитых у фашистов сел он увидел на стене дома пробитую осколками скрипку. Взял и стал играть. Скрипка тоскливо выла и дребезжала, но звуки радовали ребят. Владимир сказал: «Эх, сюда бы мою скрипку, подаренную отцом перед войной. А эту жалко – от войны такое чудо пострадало». Солдаты предложили: «Забери ее». Челиков, смутившись, ответил: «Не могу, получится, я ее украл. Придет хозяин в дом, и будет проклинять меня и всех нас». Через два дня друг Иван Колесников пришел с пожилым, худощавым венгром, который принес Владимиру скрипку. Нашелся переводчик. Венгр передал: «Это старинная скрипка моего друга-антифашиста, он погиб под Сталинградом. Когда уходил на фронт, просил, если погибнет, передать скрипку в чистые руки. Венгр без скрипки – как птица без крыльев, точно так же, как вы, русские, без баяна – как тело без души». Челиков поблагодарил и спросил имя хозяина скрипки. «Янко Штефан, запомните». Вскоре дивизию перебросили. Владимир на привалах в часы передышки доставал скрипку и радовал однополчан музыкой...

И висит скрипка у Владимира Ивановича Челикова на

стене как память о павших товарищах, о боевой молодости и любви к талантливому и музыкальному народу Венгрии. Сейчас пальцы уже не держат смычку, а слух остался под канонадами Великой войны...

Только в конце апреля Челиков снова в строю – налаживает связь между полками при взятии сильно укрепленного чехословацкого города Брно. И снова Челиков проявлял смекалку и выдумку: тянул провода то по канализационным трубам, то по подвалам зданий, где они были менее уязвимы для снарядов и бомб. Командир эскадрона незлобиво шутил: «Из штаба требуют представлять бойцов к награде. Так что, мне на тебя каждый день представления писать? Со дня на день придет на тебя приказ о награждении орденом Славы I степени за твой подвиг в боях за Дебрецен».

7 мая дивизии была поставлена задача подготовиться к маршу на Прагу. Ночью 9 мая, после подписания акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, крупная вражеская группировка войск на территории Чехословакии отказалась капитулировать. 30-й кавалерийской дивизии в составе 4-го Кубанского корпуса пришлось громить эту группировку до 11 мая 1945 года. 12 мая дивизия в составе корпуса сосредоточилась южнее Праги. И в период с 4 по 7 июня дивизия совершила 900-километровый марш в район южнее Перемышля, по пути уничтожая разрозненные группировки фашистов и их пособников. 15 июля 30-я кавдивизия была выведена из состава Кубанского

корпуса и включена в состав войск Белорусского военного округа.

Школа

В этот же день ефрейтор Челиков В.И. был демобилизован, согласно приказу Ставки, как учительский состав. Через пять дней был на Кубани, дома. Заскочил в родную школу, из которой уходил на войну, потом – домой. Мать ждала каждый день, прислушивалась, не стукнет ли калитка.

Сестра Владимира Антонида, которая поддерживала постоянную связь с младшим братом, осенью 1944 года приехала домой по ранению. 20 августа 1944 года под Прагой – районом Варшавы – была тяжело ранена в голову осколком бомбы, когда зенитный дивизион отражал воздушную атаку фашистов. Весной 1945 года вышла замуж.

Старшая сестра Лена вышла замуж за летчика, служили на Дальнем Востоке, работала при полковой санчасти медсестрой. Вместе с мужем участвовала в военных событиях против милитаристской Японии на Халхин-Голе. В сентябре 1941 года авиационный полк был переброшен под Ельню. Летом 1943 года участвовали в воздушных боях над Кубанью. Муж Лены погиб в небе над Новороссийском, а через месяц, при перебазировании батальона авиационно-технического обеспечения на другой аэродром, погибла и Лена.

Старший брат Савелий после войны продолжал работать

в редакциях газет – сначала армейской, затем окружной. Дослужился до полковника. После демобилизации преподавал в Армавирском пединституте. Оставил троих детей и троих внуков, один из них – Челиков Вадим – работает телекомментатором, мы часто слушаем его репортажи.

При постановке на воинский учет Владимира Челикова направили в РОНО. После беседы предложили должность директора начальной школы в поселке Маяк Теучежского района. Работы хватало. После нашествия фашистов надо было восстанавливать сельское хозяйство, промышленность, образование. Школа требовала ремонта. Договорился в областном отделе образования о выделении средств. Убедил, что если создать бригаду по ремонту, то обойдется гораздо дешевле, чем закупать новое. За месяц перекрыли полы, заменили рамы, отремонтировали парты, поменяли электропроводку, переложили печи. Челиков сам возглавлял бригаду.

К 1 сентября школа радовала учеников своей ухоженностью и опрятностью. Перед началом торжественной линейки подъехали две военные машины. Вышла группа старших офицеров во главе с генералом. Челиков подошел, представился, спросил о цели прибытия. Генерал пошутил: «Все областные работники разъехались по школам, а мы напросились к вам – кавалеру двух орденов Славы, не хватает третьего». Владимир Иванович ответил: «Война кончалась – слышал, что посылали представление в Москву, видимо, не до-

шло, затерялось где-то в бумагах». Генерал попросил Владимира Ивановича: «Ну что ж, поздравляйте своих учеников и учителей с новым учебным годом».

После приветственной речи директора школы слово попросил военком: «Дорогие товарищи! Родные наши дети. Мне, старому солдату, сегодня выпала великая честь от имени Президиума Верховного Совета СССР вручить правительственную награду вашему директору Челикову Владимиру Ивановичу – орден Славы I степени. Теперь он полный кавалер ордена Славы трех степеней». Дети захлопали, взрослые бросились обнимать награжденного, строй рассыпался.

Челиков растрогался, вытирая слезы, приговаривал: «Жалко, ребят из эскадрона нет рядом, многих друзей за четыре с половиной года потерял. Вместе бы порадовались, это наша общая награда». Немного придя в себя, попросил: «Мария Степановна, подайте, пожалуйста, звонок к началу занятий!»

Генерал обратился к Владимиру Ивановичу: «Мы тут привезли кое-что. По фронтовому обычаю полагается обмыть». Челиков воспрепятствовал: «Очень вам благодарен за внимание, но сейчас нельзя, дети ждут, а вас приглашаю к себе после занятий».

За столом фронтовики разговорились. Генерал спросил: «Владимир Иванович, вы достойно воевали, чему подтверждением три ордена высочайшей солдатской доблести, храб-

рости и смекалки, к тому же – у командования дивизии на глазах, а всего лишь командир отделения, ефрейтор». – «Скажу по-честному, слишком я был дерзок, а порой и резок, характер – с начальством неуживчивый, одним словом, казачья вольная душа. Не любил подчиняться, не терпел, чтобы кто-то над душой стоял, поэтому и сам свою волю никому не навязывал. Мы в отделении с ребятами – это братья по крови и духу, одним словом, кубанцы. Правда, не раз вызывали, предлагали отправить на шестимесячные офицерские курсы – а кому бы я оставил своего Матвея? Друзей из отделения потом бы бросили в другую часть, а я очень трудно схожусь с людьми, а еще труднее расстаюсь. Так вот и провоевал ефрейтором, оно спокойнее и надежнее. Несколько раз хотели присвоить мне сержанта, но категорически отказывался, не хотел бойцов обидеть: не за лычки служили, а за честь и славу Отечества!»

Когда возникла проблема с учебниками, которых не хватало, пришлось при школе создавать переплетный кружок. По вечерам сюда приходили и родители. К Новому году все учебники переплели. Во время каникул организовывали дополнительные занятия с учениками – наверстывали пропущенное и забытое за годы войны. В день окончания учебного года в школе состоялось торжественное собрание, а затем концерт, подготовленный учениками и учителями.

Семья

На концерте Владимир Иванович заметил тихую, застенчивую круглолицую девушку с яркими лазоревыми глазами и копной кудрявых темно-русых волос. Приглянулась. И тут же вспомнил что ему уже тридцать, а он еще не обзавелся семьей. Хотя, конечно, девчата обращали внимание на рослого, статного, красивого мужчину, особенно при поездках в Майкоп на совещания, когда он надевал выходной пиджак с орденами Славы. Медали он не жаловал, называл их побрякушками. Разузнал, чья это дивчина, оказалось, живет тут, в поселке. Расспросил, что за семья. Сказали, что отец погиб на войне, девушка живет с матерью и сестренкой, ученицей второго класса. В летние каникулы пригласил родителей помочь в подготовке школы к новому учебному году. Пришла и Вера. Владимир Иванович наблюдал, как энергично и аккуратно она работает, с песнями, прибаутками. Подозвал и сказал:

– Вера, выходи за меня замуж, не обижу.

Вера покраснелась, ведро выпало из рук, прошептала:

– Что вы, Владимир Иванович, вы – ученый человек, директор школы, а у меня все образование – семь классов, к тому же вы меня не знаете...

– Вера, грамотешки у меня, может, и побольше твоей, но не в этом главное. Главное, чтобы люди уважали друг друга и

стремились к единению. Маму твою я знаю хорошо, думаю, она не будет против. Ты-то согласна?

– Как скажете, Владимир Иванович, так и будет. На все воля Божья и ваши устремления.

– Вот и хорошо, считай, что сосватал.

– Владимир Иванович, мы, Романчуки, родом из Пашковки, тут рядом, за Кубанью. Из старинного казачьего рода, рассказывают, что пришли из Запорожской Сечи. У нас там большой кирпичный дом. Когда стали создаваться колхозы, батюшка не захотел идти в артель, сдал дом, а сам уехал сюда, на хутор. Тут и живем уже пятнадцать лет.

Осенью сыграли свадьбу. И стала Вера Макаровна Романчук – Челиковой.

После окончания курсов усовершенствования учителей Владимира Ивановича Челикова направили работать директором неполной средней школы в поселок Молькино. Когда пришло время выходить на пенсию, Вера Макаровна настояла на переезде в родную Пашковку. Вырастили четырех детей: трех дочерей – Валю, Лену, Инну – и сына Александра. Сейчас у Челиковых семь внуков, – продолжателей рода.

Когда по совету председателя Совета ветеранов 4-го Кубанского казачьего корпуса я разыскал Владимира Ивановича Челикова, ему шел 90-й год. Он был такой же энергичный, взрывной и дерзкий, как в молодости, но плохо слышал. При воспоминаниях о прожитых годах глаза его светились, он весь преображался. Некоторые события остались в памя-

ти до мелочей, но многое стерлось, забылось. Так оно, может, и лучше – чтобы не травмировать ежедневно душу. Поименно помнил своих боевых товарищей, а вот командный состав – запомнил, может, потому, что слишком много сменилось командиров на его почти пятилетнем огненном пути.

Дегтяри

Великое переселение

Получив Жалованную грамоту от Екатерины II на вечное владение «островом Фанагория с окрестностями». Войско верных казаков начало переселение с Днепра на новые земли.

Флотилия под командой Саввы Белого отправилась морем и 25 августа 1792 года прибыла на Тамань. Конница и обоз следовали своим ходом под командой Захария Чепеги. Наибольшую трудность представляли переправы через Буг, Днепр и Дон. Кони реки переплывали, им это было не впервые, но обозы со скарбом, женщинами и малыми детьми переправлять через большие реки было опасно. Через Днепр перебраться помогли регулярные части. У Дона простояли несколько дней. Дон в том году был полноводным: хотя стояла жара, но в верховьях прошли обильные дожди, река вспучилась. Узнав о продвижении запорожцев, донские казаки предложили свою помощь. Сколачивали легкие настилы над огромными донскими челнами. Загоняли подводы и пускали челны вниз по течению, умело направляя их к противоположному берегу. За три дня переправили весь отряд Чепеги. Некоторые многодетные семьи упростили остаться у донцов,

которые говорили, что за Доном земли – непочатый край.

Когда обогнули Азовское море, стали попадаться лиманы, кишашие рыбой, но вода не радовала: была соленой. Начался ропот: «Куда привели? Где тут чернозем, когда кругом песок?» От куреней выделили верховых и отправили вверх по реке Её раззнать, что там дальше. Спустя сутки разведчики вернулись и доложили, что примерно через полдня хода на лошади начинаются черноземы, трава выше роста человеческого, встречаются низкие заболоченные места, но на гривках сухо, кое-где попадаются куртины леса.

Начались дожди. Обозы вязли в грязи. Атаманы приняли решение зазимовать на Ейской косе.

Переправившись через Ею, стали объединяться по куреням, как когда-то в Запорожской Сечи. Войско верных казаков собиралось со всей «неньки Украины». Черниговцы, деды которых сражались под Полтавой под началом Петра, называли себя петровцами. Таких набралось около полета человек: тридцать семейных, остальные – бобыли, вольные казаки. Многие говорили, что их суженые, просватанные перед уходом на Кубань, примкнули к последнему обозу.

Нестор, жилистый, тощий, светло-русый казак, женился на Буге в годах, когда уже седина в бороду лезла. Молодую жену оберегал: была на сносях. По ночам лежал под бричкой, посматривал на звездное небо и думал: «Не зря все-таки жизнь прожил. Родился еще в Запорожской Сечи, парубковал долго. Дрался на острове Березань, пластался на бастио-

нах Измаила. Телов десятках отметин – память о тех боях». Живуч оказался, после каждого сражения, немного отлежавшись, рвался к товарищам. В последнем бою в Бессарабии пуля застряла в берцовой кости. Идти было тяжело. Тягловая лошадь выбивалась из сил, везя домашний скарб, необходимый в семейной жизни. Холостому много ли надо? Хороший конь, острая дедовская сабля да ружье в обозе. Люлькой Нестор не обзавелся, дыма табака не переносил, зато после боя любил пару чарок горилки опрокинуть, поплясать в кругу, наплясавшись – попеть старые казацкие песни о былой славе Запорожской Сечи.

Галина побледнела, осунулась, часто плакала. Толстая темно-русая коса до пят стала осыпаться, пришлось обрезать до пояса. Нестор нервничал: ничем не мог порадовать свою голубушку.

Наконец выбрали для лагеря место между крутыми оврагами. Начали вязать камыш, сооружать жилища. Нестор нарезал два десятка снопов, устроил из них шалаш. Усадил в нем на шкуры Галю и начал рыть землянку в склоне оврага. Песчаная земля поддавалась легко, но через два аршина пошел ракушечник, который не осыпался. Съездил на Воронке вверх по реке, нарубил ветлы, соорудил двускатную крышу, уложил камыш, а по нему – дерн. Вода не затекала, как у других, и к тому же тепло не уходило вверх.

Когда мазал глиной пол, услышал из шалаша крик: «Нестор! Нестор!» Подбежал, а Галя просит: «Беги скорее

за бабой Марфой!» Для бабы Марфы было не впервые принимать на свет божий младенцев. Вскоре услышал детский крик. Баба Марфа, вылезая из шалаша, приговаривала: «Казак, наш, петровского роду, радуйся, Нестор. Иди натапливай свою хату да грей в чане воды, помыться Гале с дитем надо». Откуда-то появился в длинной рясе отец Макарий. Размахивая руками, приговаривал: «Слава Богу, что разродилась. Иваном назовем. Сегодня – Иванов день».

Забот у Нестора прибавилось: уход за женой и ребенком, за лошадьми – верховой и выездной.

В марте солнце стало настырно пригревать, поляны подсыхали. С Тамани прискакал гонец от Саввы Белого с требованием двигаться к общему месту сбора.

По прибытии на Тамань стали ожидать подхода остальных куреней. В августе 1793 года прибыл последний обоз. Захарий Чепега с атаманами объехал вверенную землю, размечая расположение куреней вдоль рек Кубань, Кирпили, Бейсуг, Ея. Было решено место куреням определять по жребию. Петровцам выпала земля тут же рядом, на протоке. День езды от лагеря. Старики ругались: стоило ли сидеть тут лето? Обносились, скотину поели, когда земля рядом. В дожди и слякоть лепили себе жильё: зима поджимала. Однако в декабре, после ноябрьской непогоды, установились погожие деньки с небольшими морозами. Мороз радовал станичников: чтобы рубить камыш, не надо бродить по воде. По льду его было легче заготовливать и перевозить. Глиняные ямы накрывали

камышовыми матами, чтобы не заливало водой. Камыш на стены, камыш на крышу, камыш на топливо. Благо его было несметное количество – знай руби и отвози.

Прозимовали сносно. Хлеба почти не ели: зерно берегли для посева. Питались в основном рыбой, которую ловили в лиманах и протоках. Мороз подтянул воду, заковал лиманы в панцирь, кислорода рыбе не хватало. Стоило сделать лунку, как рыба устремлялась к отдушине, чуть ли не выскакивая на лед. Казачата пробивали лед у берегов, а казачки пес-терями захватывали рыбу. Рыба соленая, рыба вяленая, жареная, вареная, сушеная...

К весне многие качались от нехватки зелени в пище, дес-ны кровоточили.

Нестор переживал за первенца. Расчищал снег на лугу и выкапывал корешки дикого лука. Растирал их, заворачивал в тряпочку и давал Ивану, тот с удовольствием чмокал каш-ицу из корешков. Галина малыша от груди не отнимала, хотя чувствовала слабость, ломило кости. Нестор настаивал, чтобы и жена ела дикий лук. Но она отнекивалась: «Прово-няюсь, и ты убежишь из хаты». Нестор отвечал: «Глупая ты, глупая, куда я побегу от вас, самых дорогих мне человекoв! Не молодой я. Посмотри, виски побелели».

Весна пришла бурная, солнце палило нещадно. Земля быстро подсыхала. Нужно было уже пахать, но неожиданно грянула беда. Ночью завыли собаки, заржали кони, замычали коровы. Казаки повыскакивали из хат и увидели, что взбун-

товалась Протока. Поверх покрытой льдом реки с ревом и грохотом катила вода, с каждым часом разливаясь шире и шире. Крайние хаты, смыло. Много ли надо камышовой постройке на глине? К вечеру вода подошла к Несторову двору. Не спали до утра. Нестор благодарил Галину за то, что настояла строиться на пригорке, убеждала, что у воды – опасно. Она помнила, как в детстве на реке Суре, когда выпало много снега, талая вода сносила мосты, овины, постройки. Станичники, у которых смыло хаты, перебрались к тем, кого беда обошла. К утру вода начала спадать. Лед на Протоке затрещал, застонал, вздыбился и с массой пришедшей воды ринулся к морю.

Иван подрастал. Белый его вихор мелькал то в одном конце двора, то в другом.

Из-за ранения Нестора к несению службы не привлекали. Решил построить новый дом – более основательно и подальше от воды. Половодье принесло много бурелома. На берегу лежали кучи деревьев, перемешанных с илом, – разбирай и стройся. Нестор натаскал бревен и начал строительство. Дом получился обширный, полный воздуха и света.

Иван рос подвижным, смелым, настырным. К шестнадцати годам стал настоящим казаком. Наравне со взрослыми участвовал в джигитовке. Для соревнований коня брал у дяди Степана. Свой состарился и годился только на легкие работы, а нового заводить было не на что. Нестор быстро старел, сказывались боевые раны. По хозяйству управлялась Га-

лина. Иван к восемнадцати годам вырос в косую сажень, появились еле заметные белесые усы. Чуб метелкой развивался из-под папахи. Подошло время служить, коня нет – значит, в пластуны.

Гвардейская сотня

В мае 1811 года в Екатеринодар прибыл молодой, 29 лет от роду, офицер, сын атамана Черноморского казачьего войска полковник Афанасий Федорович Бурсак. Приехал с распоряжением от императора сформировать из казаков гвардейскую сотню. Необходимо было отобрать грамотных, умелых, рослых, приятных лицом казаков. А.Ф. Бурсак лично подбирал кандидатов. В станице Петровской на смотре приметил Ивана Дегтяря. Сказал: «Конь и казак отменные!» На что Иван ответил: «Печально, только конь не мой. По старости и ранениям батюшка не смог справиться коня». А.Ф. Бурсак быстро отреагировал: «Не тужи! Был бы казак умел и ловок, а коня в бою добудешь. Забираю, на сборы два часа». Старый Нестор, стоя у калитки, беззвучно плакал. «Прощай, сын, боюсь, не увидимся: старый я. Ты у нас единственный, можно было бы и отхлопотать, но кто знает судьбу: где умирать – на печи или в бою».

1 марта 1812 года сотня храбрых гвардейцев появилась в Санкт-Петербурге. Гарцевали кони по каменной мостовой Невского, бодрились молодцеватые казаки. Народ с удивле-

нием и интересом рассматривал ладно сидевших в седлах казаков.

В марте же 1812 года лейб-гвардейский полк, состоящий из трех эскадронов и Черноморской сотни, под командованием генерал-лейтенанта В.В. Орлова-Денисова отбыл на охрану границы по реке Неман.

Иван за год службы обзавелся друзьями – не только черноморцами, но и донцами, терцами. Казаки полюбили молодого казака за выносливость, терпение, а главное – незлобивость. На розыгрыши не обижался, а сам залихватски смеялся, приговаривая: «Видел бы отец мои оплошности, стыдно было бы», с первых дней наполеоновского нашествия Иван принимал активное участие в стычках с неприятелем при городе Троки, под Вильно, под Пивоварками... И так каждый день. В бою Иван всегда был рядом с Тимофеем Полтавченко из Кореновского куреня, таким же безусым, как и он сам.

Полковник Бурсак в разведку всегда посылал этих неразлучных друзей – отчаянного Полтавченко и сдержанного, вдумчивого Дегтяря.

23 июня при Кочержишках по команде Бурсака казаки клином врубались в неприятельскую кавалерию и отразили атаку. В этом бою Иван получил первое ранение – колотую рану в левое плечо. Ранение было легкое, и через неделю рана затянулась. Однако в авангардном бою 9 июля Иван не участвовал: Бурсак запретил ввиду ранения. Полковник сам осмотрел рану, велел поработать саблей правой и левой ру-

кой. Видя, как при рубке левой Иван морщится, приказал: «Дегтярь, на этот раз передохни, на твой век рубки хватит».

15 июля под Витебском сотня черноморцев лихо врубилась в конно-егерский полк неприятеля, чуть не захватила в плен Наполеона, который находился при батарее. В этом бою погиб друг Ивана – Тимофей Полтавченко. 20 сентября Черноморская сотня снова отличилась – при Тарутино. После этого сражения слово «казак» на французов наводило ужас. За этот бой Иван Дегтярь был награжден орденом Святого великомученика и победоносца Георгия для рядовых и унтер-офицеров и получил чин урядника.

20 октября у деревни Ляхово черноморцы под командованием А.Ф. Бурсака захватили в плен генерала Ожеро. В этом бою Иван получил секущий удар палашом вдоль локтевой кости левой руки. Теряя сознание, вышел из боя. Конь прищипнул Ивана, ухватившегося мертвой хваткой за луку седла, к бивуаку. Врач настаивал ампутировать руку, но прискакавший Бурсак попросил: «Не торопитесь, кость-то цела, а как говорят в народе: были бы кости, а мясо нарастет».

На этот раз рана заживала медленно. Ивана Дегтяря отправили в город Калугу. Госпиталь располагался во дворе монастыря. Монашки, перевязывая казака, вздыхали и прятали глаза: уж больно он был ладен и пригож. Как-то спросили: «Раб Божий Иван, почему тебя кличут «Дегтярь»? Деготь вона какой черный, а ты голубоглазый, нежный такой,

волосы как солома – светло-золотистые». Иван ответил: «От деда пошло. Черниговские мы. Дед Никодим деготь гнал. Ранней весной отправлялся на север – в непроходимые леса, где рубил березы, обдирал кору на деготь. Осенью в бочках привозил в Запорожскую Сечь на продажу, там и прозвали – “Дегтярь”. Так и записали отца в Сечи Дегтярем. Мы ведем свой род от черниговских князей. Междоусобицы вынудили предков отказаться от княжеских почестей. До того доделились, что оставалось в княжении семь-восемь дворов, поэтому ушли на север и стали жить обособленно, чем сохранили себя. Дегтярь – это интересно, хоть и забавно».

Рана заживала, но рука не работала: сухожилие оказалось надсеченным. К весне 1813 года рана зарубцевалась. Рваный шрам тянулся от локтя до предплечья. А.Ф. Бурсак раненых из своей сотни отсылал на лечение в Калужский монастырь. Больше всех страдали безногие и безрукие казаки, особенно пожилые. Вечерами плакали: «Кому мы нужны, калеки!» Иван был молод и шутил: «Не убили – не умрем и это переживем. А что, нашим братцам, которые в земле лежат, лучше? А каково их семьям? Живые – и слава Богу». В мае шестеро искалеченных черноморцев отправились домой. За повозками шли выездные кони. Александр I дал указание: за доблесть и мужество наградить раненых казаков добротными лошадьми и двадцатью пятью рублями каждого, а за павших – выплатить семьям по пятьдесят рублей.

За Воронежем вытянулся большой обоз возвращавшихся

домой казаков. Молва обогнала их. Нестор каждое утро выходил за станицу, смотреть, не едет ли Иван. Душа Ивана не выдержала, и он, ловко управляя одной рукой, на своем Серко ускакал далеко вперед обоза.

За два дня до Троицы, на заре, перед воротами Нестора Дегтяря остановился казак на взмыленном коне, крикнул: «Кто есть дома? Это я, Иван!» Первой выбежала мать. Уцепилась за стремя и запричитала: «Иванушка ты наш, сыночек! Изгоревались мы, слышали, что погиб в сабельном бою!» Следом, прихрамывая, взмахивая руками, торопился отец. Дошел до калитки. Ноги отнялись. Сел на лавку, уцепился за край, хотел привстать, но тело не слушалось. Тихо шептал: «Сыночек, жив... Кровинушка моя, кормилец наш!» Иван спрыгнул с коня, обнял мать. «Мама, прости, я к тятю! – Побежал, упал перед отцом на колени: – Здравствуй, тятю! – Уронил голову на колени отца и заплакал: – Слава Богу, что вы живы и я снова дома!»

Иван начал хозяйствовать, помогать отцу. Левая рука не слушалась. В локте не сгибалась, но пальцы работали, косу держали цепко. Молодые казачки заглядывались на Ивана, но он не решался на женитьбу. Пойдут дети, как калеке поднимать их на ноги? Отец настаивал: «Сынок, женись, я старею, но пока есть сила в руках – помогу».

Мария, дочка станичного атамана, отказывала женихам. Родителям говорила: «Пойду только за Ивана». Отец-атаман злился: «Ну не сватают они тебя! Иван на игрища не ходит,

стесняется, что ни бороться, ни в городки играть не может, боится, а вдруг оконфузится». Однажды Мария встретила Ивана у станичного правления и спросила: «Ванюша, ты же знаешь, что я по тебе сохну, а я знаю, что любя тебе. Почему сватов не присылаешь? А то старой девой останусь. Если не тебе, то и никому! Не бойся, проживем. Не один ты калечным вернулся. Такие, как ты, давно переженились и живут, слава Богу!» Иван ответил: «Пусть будет так, как ты хочешь, только потом не плачь по ночам в подушку, не проклинай себя и меня».

В 1818 году, на Ивана Купалу, спустя несколько дней после разговора Ивана и Марии, в станицу прибыл А.Ф. Бурсак: он объезжал станицы, навещал казаков, которые сражались в его лейб-гвардейской Черноморской сотне в 1812-1814 годах.

Встретились с Иваном, обнялись, расцеловались. Присутствовавший при этом станичный атаман пожаловался, что Иван до сих пор холостякует. А.Ф. Бурсак спросил: «Невеста есть?» Атаман ответил: «Есть, да будь оно не ладно – дочь моя, Мария. Пять лет по нему сохнет. Знаю, что и она Ивану любя». Бывший командир внимательно посмотрел на Ивана. Тот покраснел, опустил глаза. «Что, казак? Стыдишься неуклюжей своей руки? Боишься, что с хозяйством не справишься? Свадьба за мой счет. Дарю на свадьбу своего коня. Зови отца и мать, поехали свататься!» Атаман опешил: «Так сразу?!» А.Ф. Бурсак ответил ему: «Если бы мы в боях

с французами так квасились, давно бы под французом были. Или ты забыл, как в свое время один по десятку турок в плен брал?!»

Свадьбу играли веселую, три дня гуляла станица. И пошли у Ивана и Марии сыновья: первый – Макар, за ним – Николай.

В 1825 году Иван узнал, что полковник Бурсак Афанасий Федорович утонул в Кубани при невыясненных обстоятельствах. Горевал страшно. Уехал в степь. Семь дней гонял по степи. Пил только воду. Душа не принимала пищи. На седьмой день разыскал его отец, силой заставил выпить кружку горилки и, сонного, привез домой. Сутки спал казак. После этого до конца своей жизни каждое утро Иван молился за упокой души раба Божьего Афанасия.

Малахов курган

Нестор более всех привязался к старшему внуку Макару. Лицом в мать: круглолиц, чернобров, приветлив, ласков. Любую работу выполнял безропотно, с охотой. Как только Макар возмужал, запросился у отца жениться. Отец видел, как внимателен Макар к соседской девушке Василисе. Сколько помнит Иван, дети с малолетства были неразлучны. Откладывать свадьбу нельзя – не случился бы грех. Тогда позора в станице не оберешься. Свадьбу сыграли тихую. Свататься ездить никуда не надо. С кумом Петром каждый

день через забор виделись, да и жены их – не разлей водой: сойдутся – не оторвешь друг от друга.

Пошли у Макара и Василисы детишки. Рождались девчонка за девчонкой... и так семь душ. Макар и Василиса горевали: едоков много, а земли – мало. Лишились коня: пал от мора. Атаманом станицы был уже не Мариин отец, и помощи ждать было неоткуда. Макар был стыдлив, несловоохотлив, на сходе не мог постоять за себя. Когда начались боевые действия в Крыму, попросился на фронт. Думал: если не убьют, то будет хоть какое-то денежное вознаграждение. Попал во 2-й пластунский батальон Черноморского казачьего войска, под командованием В.В. Головинского.

В Крым прибыли в сентябре 1854 года и с первых же дней вступили в сражения. Сначала под Балаклавой, потом отправили на Малахов курган. Макар выглядел тихим и неуклюжим, но на вылазках сатанел. Колол штыком направо и налево. Казаки боялись быть рядом с ним в атаке: а вдруг невзначай приколет как осеннюю муху приклепнет. Всего с начала боев Макар участвовал в тридцати двух вылазках. После каждой вылазки оставшиеся в живых получали по рублю серебром, за погибших семьям отправляли по тридцать рублей.

В одной из атак французов рядом с Макаром упала бомба, осколки посекали руки и спину: он успел упасть ничком, обхватив голову руками. Санитары тут же в укрытии щипцами вытаскивали из него осколки. Со спиной справились, но

на руках несколько осколков впилося в кости. Казака унесли с передовой. Вскоре руки начали гноиться, однако отправиться в тыл Макар категорически отказался. Что делать дома? Земли нет, коня нет, куча детей. Три месяца ушло на лечение. После взятия неприятелем Малахова кургана Макар вернулся в Севастополь. От батальон осталась одна треть.

Воевал Макар до 1856 года. В родную станицу вернулся с орденом Святого Георгия и сорока рублями в кармане. Дома новостей было много, одна другой печальнее: умер его любимый дедушка Нестор, погиб под Карсом единственный брат Николай, умерла от холеры младшая дочь Катюша.

Макар первым делом купил молодую крепкую лошадь для работы в поле и жеребенка для выезда. На оставшиеся деньги было решено отремонтировать еще добротный дедов дом: подвести фундамент и покрыть черепицей. Первые годы после возвращения Макара Василиса не рожала, хотя была на три года моложе его. Видимо, сказывалась нагрузка, которая легла на ее плечи без мужа. И только в 1861 году у них родился сын. Радости Макара не было предела. Он носился по станице на молодом скакуне Ястребке и кричал: «Казаки! Сын у меня родился, наследник рода Дегтярей!» Василиса за калиткой держала на руках сына и улыбалась теплому весеннему солнцу. Станичники подходили, поздравляли Василису с долгожданным сыном. Макар обскакал станицу и направился к дому. Ястребок легонько заржал, потянулся к малышу и лизнул ему ручки. Макар оповестил: «Казак будет на-

стоящий, Ястребок его лизнул!» Когда в церкви на крестинах рассказали священнику, что в день рождения конь лизнул ребенка, батюшка вымолвил: «Назовем его Филиппом – хранителем коней. Сегодня день святого Филиппа».

Последыш Филипп рос тихим, спокойным, приветливым. Тянулся к грамоте. Зачитывался книжками. Читал подряд все, что попадет под руку: Псалтырь, Евангелие, Библию, сказки. Ездил на Ястребке в соседние станицы, выпрашивал почитать у кого что есть. К шестнадцати годам стал набирать силу. Лицо округлилось, плечи раздались, мышцы налились силой, а то маленького дразнили: «Заморыш, заморыш!» Родители единственного сына баловали, к тяжелой работе не допускали, но когда он стал мужать, Макар возмутился: «Кто он у нас – казак или белоручка?! Жить придется в станице – пусть втягивается в работу!» Отца пугали глаза Филиппа. Они внимательно рассматривали человека, казалось, пробуравливали его насквозь. Утром могли быть светло-серыми, а вечером – темными. Родители, когда пришло время, предлагали Филиппу невест, но кроме Феклы из соседней станицы – дочери станичного писаря – он никого не хотел. У Феклы было лицо Божией Матери с иконы, сама высока, тонка. Души их тянуло друг к другу. Им было интересно находиться вместе, уединиться куда-нибудь и вести нескончаемые беседы. Решили пожениться после службы Филиппа.

Карс

В станице пошли разговоры о восстании православных братьев-славян – сербов, болгар, черногорцев – против турецкого ига. Филипп с друзьями пошли в станичное правление, чтобы записали их добровольцами в действующую армию и отправили на Дунай, но им отказали по малолетству. До призывного возраста надо было ждать год. Филипп постоянно надоедал станичному атаману, и тот наконец решил: пусть приходит отец и пишет расписку, что не возражает отправить единственного сына в действующую армию.

Макар пришел в правление взволнованным: «Это что получается? Дед гонял Наполеона, как зайца, я этих французов вышвыривал с Малахова кургана, пусть и сын попробует лиха! Думаю, он не опозорит род Дегтярей!»

Весной 1877 года Филипп был призван и направлен на сборный пункт в Новороссийск, оттуда пароходом до Поти. Когда новобранцы поняли, что они не на Дунае, стали роптать. Офицеры пояснили, что здесь, на Кавказе, бои жарче, чем в Болгарии. В Тифлисе Филиппа определили на курсы оружейников. Через месяц он ловко разбирал и собирал винтовку, умело натачивал кинжал.

В июле полк прибыл в Карс. Было несколько попыток штурмовать город, но безуспешно: турки яростно защищались. Русское командование приняло решение перекрыть

пути доступа в город и занять окружающие высоты.

Филипп тяжело переносил сорокаградусную жару. На Тамани лето тоже жаркое, но ветры с Черного моря приносили дожди и вечернюю прохладу. Активных боевых действий не велось, заедала скука. Когда объявили, что нужны добровольцы для глубокой разведки с целью выяснить, нет ли продвижения войск в осажденной крепости, Филипп вызвался первым, но ему ответили, что из оружейной мастерской не берут. Филипп самовольно пристроился к команде пластунов. Когда на привале обнаружили, что Филипп не числится в списках, командир группы приказал ему вернуться, но на следующем привале Филипп снова оказался среди пластунов. Отправлять обратно было опасно: хотя пластуны двигались только ночью, они уже отошли от своих позиций более чем на три десятка верст. Проводником был старый аджарец, который с детства знал эти горы. Отряд был вооружен пистолетами и кинжалами. У Филиппа пистолета не было, только кинжал с длинным и широким клинком. Пока был в мастерской, вечерами тренировался владеть кинжалами, бросая их в старое седло. Филипп показал, как владеет кинжалами. Казаки одобрили и признали своим.

На третью ночь зашли в большое селение, разделенное рекой на две части. За рекой в небо упиралась мечеть, а тут рядом – низкий храм с небольшим куполом и крестом. Настоятель храма, сносно говоривший по-русски, сообщил, что на той стороне прошел слух, будто сюда едет сам паша: на Бал-

канах дела у них плохи, султан приказал вытеснить русских с турецкой территории. А какая она турецкая – испокон веков была наша. Армяне живут тут со времен Тиграна II.

Казачи переправились на ту сторону реки, затаились под мостом. Вскоре дозорный дал знать, что видит приближающихся всадников. Решили разделиться по обе стороны моста, при въезде свиты на мост открыть огонь и захватить пашу. Как только группа въехала на мост, с той и другой стороны по ней открыли огонь. И хотя охрана паши состояла из янычар – хорошо подготовленных воинов, – на мосту началась паника. Охрана разворачивала коней, давя друг друга. Лошади вместе с наездниками срывались с моста. Казачи забирались на перила, сдергивали турок с лошадей и запрыгивали в седла. Но сам паша с горсткой янычар сумел пробиться и уйти. Казачи захватили трех человек и начали отходить. Бой был нелегким, потеряли половину бойцов. Двоих раненых занесли к настоятелю храма. Он сообщил, что вокруг храма живут армяне, они выходят русских, а потом переправят через границу. Попросили похоронить погибших в бою воинов в ограде храма. Командир отряда – казак из станицы Кушевской – приказал Филиппу и Кондрату из Каневской отходить другой дорогой, чтобы направить погоню по ложному следу. Отдали им захваченную лошадь с подбитой ногой. И ехать на ней нельзя, и ходко не пойдешь, зато следы оставляет заметные: рана на ноге кровоточит.

Вскоре Филипп и Кондрат увидели погоню. Радовались,

что хитрость удалась. Оставив лошадь, захватив провиант и две турецкие винтовки, стали быстро отходить на север. К вечеру поняли, что турки могут их догнать. Ночью идти не решались, боялись, что могут свалиться в пропасть. Стемнело. Кондрат и Филипп подобрались к остановившимся на привал преследователям. Подождали, пока те отужинают и улягутся спать. Уставшие от дневного перехода, турки вскоре громко захрапели. Филипп с Кондратом, как кошки, тихо собрали ружья, повытаскивали из-за поясов спавших турок ятаганы. Зная несколько слов по-турецки, казаки, бросив в догорающий костер шапку патронов, закричали: «Встать! Казаки! Плен!» Турки вскочили, под хлопки патронов из костра сбились в кучу. Филипп с Кондратом, не давая им опомниться, хватали по одному, перетягивали руки за спиной, подвязывали к шее. При попытке освободить руки петля сдавливала горло. Турки не сопротивлялись. Они знали, что их армия на Балканах терпит поражение за поражением. Это были люди из местного селения. Их спешно мобилизовали, всех окружили и отправили на преследование казаков. Среди них нашелся проводник, который не раз ходил в Грузию с товаром. Шли в дневное время: прятаться было не от кого, места глухие. На третий день вышли к Карсу.

Командование возило героев-казаков по частям, которые готовились к штурму Карса, рассказывая о подвиге разведгруппы, и особенно о Филиппе и Кондрате, которые вдвоем взяли плен двенадцать человек и привели их в лагерь,

связанных одной веревкой. От пленных узнали, что подмоги Карсу не будет. Войска, по указанию паши, были брошены под Плевну для спасения города. Казаки разведгруппы были награждены Георгиевскими орденами, а Филипп и Кондрат еще и именными кинжалами от командующего Закавказским фронтом.

6 ноября 1877 года Карс был взят штурмом. Деморализованные продолжительной осадой турки оказали лишь слабое сопротивление. Русские войска продолжали наступление в глубь Турции.

В январе 1878 года Турция приняла условия капитуляции. Весной стали выводить войска из тех мест, которые оставались за Турцией по условиям договора. Филиппу дел прибавилось. С утра до ночи приводил оружие полка в образцовое состояние.

В 1883 году по окончании срока службы Филипп вернулся в родную станицу. Повзрослел, возмужал. На Покров справил свадьбу со своим «ангелом души» – Феклой Павловной Диденко, Сказалась дедова наследственность – первые годы детей не было, потом пошли девчата. И только в 1890 году родился первый сын – Павел, за ним, в 1892-м, – Самуил, потом, в 1901-м, – Харлампий, а в 1903 году – Петр.

Когда принесли крестить Харлампия, батюшка в храме Фекле с Филиппом сказал: «Счастливые вы: день-то сегодня памятный – святого чудотворца Харлампия. Назовем младенца его именем». Мать ответила: «Слава Богу, что будет

носить имя святого чудотворца!»

Разделение

Сыновья Филиппа подрастали. Увеличивались семьи и у других станичников. Дома росли как грибы. Земли не хватало. Общественный клин с каждым годом уменьшался. Из-за нехватки земли многие казаки уходили в работники к зажиточным. Шло расслоение казачества.

Филипп, чтобы прокормить семью, мотался по лиманам, ловил рыбу. Времени на это уходило много, но доходов приносило мало. Казаки отправляли делегацию за делегацией в Екатеринодар, в войсковое правительство, с хлопотами о выделении земли. Наконец землю изыскали около Павловского юрта. Было решено переселить половину станицы. В 1903 году делегация во главе со станичным писарем обследовала выделенную землю. Место радовало: чернозем, много малых речек, недалеко – железная дорога. Однако переезд задержался из-за войны с Японией.

В 1906 году отмерили землю, разметили улицы, кварталы. В каждом квартале по четыре подворья на 60 соток земли. Бросали жребий, кому ехать. Разрешалось меняться. В жребии указывался квартал и место в квартале. Подготовка к переезду затянулась надолго. Место не ближе – до него 300 верст. Весной 1908 года начался переезд. Прощались братья и сестры, оставляя обжитые места, могилы родителей. Ехали

в неизвестное. Отец Филиппа – Макар – не перенес расставания со своей станицей. Здесь он родился, женился, отсюда уходил служить, тут вырастил детей. Просил только хоть раз в год навещать могилку, чтобы не затоптала ее скотина.

Харламбий, хоть было ему в ту пору семь лет, хорошо запомнил этот переезд и рассказывал о нем своим детям после Великой Отечественной войны, когда нужно было так же заново обживать землю, поднимать разрушенные фашистами станицы. Но это будет много позже, а пока подростки гурьбой бежали впереди обоза от одного телеграфного столба к другому, слушал как гудят провода, и с восторгом сообщали взрослым, что они подслушивали разговоры, которые передаются по проволоке.

Быстро стали обживаться на новом месте. Соседи, родня все по очереди строили дом за домом. Работы хватало всем: возили глину, воду, месили саман, крыли крыши, вставляли окна. К Покрову вдоль улиц стояло шестьдесят хат. Скот зимовал под навесами. Но и здесь, на новом месте, земли было ограничено: за станицей гуляли стада скота и табуны лошадей пана Кулишова. К началу 1914 года успели построить церковь и школу.

Судьбы

1 августа 1914 года. По станице с вымпелом скачет казак и охрипшим голосом кричит: «Станичники! Война с герман-

цем! Казаки седлают коней, собирают сумы, спешат на сборный пункт.

Павел

В первый же день войны отправился на фронт Павел, находившийся на сборах в лагерях. Павел был грамотен: Фекла старалась дать образование всем детям. Попал служить под Карс в ту же часть, в которой когда-то служил дед, и тоже оружейным мастером. Участвовал в операции по овладению турецкой крепостью Эрзурум в периоде 28 декабря 1915 года по 18 февраля 1916 года. Солдатский Георгиевский крест IV степени получил лично из рук командующего Кавказской армией генерала Н.И. Юденича.

Когда началась революция, Кавказский фронт распался. Грузия объявила свою государственность. Казаки эшелонами в течение месяца добирались до Кубани.

Июнь-сентябрь 1918 года. Второй Кубанский поход Добровольческой армии Деникина. Овладение западными районами Северного Кавказа. Только ночью провел Павел дома, как кто-то доложил в станичное правление о его возвращении. Атаман рано утром подскакал к Филипповой хате и прокричал: «Эй, Филипп, я слышал, сынок вернулся? Пусть придет в правление, разговор есть. Мы новой власти в Москве присяги не давали, по долгу надо послужить старой!»

Павел, позавтракав, отправился в правление и оттуда уже

не вернулся. В правлении находились офицеры Добровольческой армии. Павел узнал среди них начальника оружейных мастерских есаула Незабудько. Сначала казаков отправили на станцию Тихорецкая, а после формирования полка бросили под Царицын. В первом же бою Павел попал под артиллерийский обстрел. Снаряд разорвался недалеко. Павла подбросило, а потом швырнуло на землю так, что хрустнули позвонки. В полковой санчасти неделю вытаскивали мелкие осколки из спины, ягодиц, ног, затем казака комиссовали под чистую и с обозом раненых отправили домой. Ходить не мог. Лежал в углу на деревянной кровати. По нужде выводили под руки. Мать бегала по знахаркам, но толку не было. Дошел слух, что в Темрюке есть костоправ-осетин. Съездили, привезли высокого лохматого горца с длинными мускулистыми руками. Осетин оказался крещеным, православным. Успокоил домашних, что вылечит. Если бы сразу пригласили, то за неделю бы поставил на ноги, а теперь сложнее: позвонки сдвинуты, некоторые срослись, надо хрящи ломать и позвонки на место ставить. Плату запросил умеренную: «Он у вас мастеровой, выздоровеет, расплатится».

Через три месяца Павел осторожно ходил по двору, помогал по хозяйству как мог. О женитьбе не думал: куда немощному. Как только установилась власть, подался в Краснодар. Устроился работать на завод «Саломас» слесарем. Скопил денег, купил на Дубинке хату. Нашел свою любовь и почти в тридцать шесть лет женился, но детей у них не было:

видимо, сказалась контузия. Прибаливал, пожил мало, ушел из жизни в пятьдесят пять лет.

Самуил

Через неделю после начала войны ушел на фронт второй сын Филиппа – Самуил. В боях под Варшавой в 1915 году был ранен в грудь пулей навывлет. лежал в госпитале в Могилеве. Демобилизовали по ранению. Осенью 1915 года женился на любви своей – Оксане. Время настало беспокойное, тяжелое. Ранение давало о себе знать. Часто прибаливал. Ранней весной 1918 года через станицу налегке двигались колонны Добровольческой армии генерала Корнилова. Зима в том году была суровая, и среди корниловцев оказалось немало обмороженных. В станице объявили всеобщую мобилизацию. Оксана доказывала вошедшим в хату юнкерам, что Самуил еще не отошел от ранения, слаб, дорогу не перенесет. Юнкера были неумолимы, грозились, если не пойдет, расстрелять за измену. Сказали: «Забираем в обоз, будет ездовым».

Петр

Петр Филиппович Дегтярь был призван в январе 1942 года и через месяц подготовки отправлен на Юго-Западный фронт, 6-й кавалерийский корпус. Погиб в июньских боях 1942 года на Дону.

Харлампий

В апреле 1919 года от холеры умер славный казак Филипп Макарович Дегтярь. Гражданская война продолжалась. Осень 1919 года. В Кубанскую область вошли части Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Деникинцы оставили Екатеринодар.

В декабре 1919 года восемнадцатилетний казак Харлампий Филиппович Дегтярь был призван в Красную Армию и направлен для прохождения службы в Кронштадт. В феврале – марте 1921 года участвовал в подавлении кронштадского мятежа. Замерзал на льду, отморозил ноги, которые потом болели до конца жизни. Летом 1921 года воинскую часть перебросили на Кубань для борьбы с контрреволюцией и саботажем. осенью 1922 года Харлампий был демобилизован по болезни. В родной станице ему приглянулась дивчина Екатерина Сербина. Он несколько раз присылал сватов, но безуспешно. Родители отвечали, что Катя еще не готова к замужеству. По соседству росла статная дивчина Аня, дочь Еремея – друга Филиппа Макаровича. Друзья умерли от холеры в один месяц. Вдовушки помогали друг другу чем могли. Горе сблизило семьи. Аня росла тихой и незаметной. Война шла семь лет, парубков поубавилось. Кругом горе и нужда, не до гуляний. Фекле Аня нравилась: услужливая, послушная, чистоплотная, курносенькая, сероглазая дивчина хоть куда, только женихов в станице не было.

Фекла Павловна не раз говорила сыну: «Ну куда ты ле-

зешь? Сербины богатые, едва ли за тебя Катерину отдадут, посмотри, женихи за ней стаей ходят!» Харламий отвечал: «Не могу, мама, сердце по ночам ноет по ней...» При встречах так и называл ее: «Сердэнько мое!» Как-то, поссорившись с Екатериной, увидел в соседнем дворе Анну и прокричал: «Аня! Выходи за меня замуж!» Дивчина ответила: «Разве не видишь, с детства ты люб мне. Сватай. Буду верной тебе женой».

Ценил и уважал Харламий Анну за ее домовитость, уступчивость, но в душе, как игла, сидела несбывшаяся любовь к Екатерине Сербиной. Частенько скучал по ней и в старости, когда встречал, так и говорил: «Здравствуй, мое сердэнько-сербинка!»

В семье Харлампия после рождения сына Дмитрия стало трое детей. Харламий и Анна воспитывали детей погибших на войне родственников: дочь брата Самуила и племянника по матери. А потом пошли дочери – Нина, Катя, сын Иван. Итого шесть душ, как говорят казаки – едоков. Пришлось строить новый дом: в старом не помещались. В 1929 году дом был готов.

Перелом

Дмитрий рос непоседой: то корова мальчишку на рога поднимет, то он на черешне вниз головой повиснет, то с коня слетит.хлопот с ним хватало.

В 1929 году началось расказачивание. Бывшие сослуживцы из Добровольческой армии боялись говорить об этом вслух. Прятали на чердаках и в подвалах свою казачью форму. Осенью 1930 года началась коллективизация. Кто записывался в колхоз, обязан был свести на колхозный двор лошадь, скот, птиц отдать подводы, инвентарь, семенной материал, продукты. Вступившие в колхоз во время полевых работ питались на полевой кухне. Кто не вступал в колхоз, считался саботажником советской власти. Злостных противников коллективизации высылали семьями на Север. А те, кто вступал в колхоз, резали скот, прятали семенной хлеб. Многие казаки покинули станицу, бросив семьи на произвол. Харлампий отвел в колхоз лошадь, коров, отвез плуг, бороны, конную соломорезку, мешки с пшеницей Анна не давала, Харлампий грозился: «Не мешай, иначе плеть отхожу!» Но когда стал выводить корову, упала и заголосила: «Не пушу! Чем детей кормить будем?!» Вернулся с распиской, вечером, собрав котомку, отправился на станцию Крыловская, где поступил на строящийся элеватор рабочим.

Зима с 1931 на 1932 год была полуголодной. Доедали припрятанные запасы продуктов. Весной 1932 года поля не пахали, лишь кое-где чернели полосы колхозников. Кормами на зиму не запаслись. Начался падеж скота. Урожай был хилый. Все, что было выращено, отвезли на элеватор. Зимой начался голод. Первой умерла полугодовалая Надя. У Анны от голода пропало молоко, а коровы не было. Собирали

остатки силоса из силосных ям и ели. В школе занятия прекратились. Учительница с истощения не могла приходить в школу. Варили и жевали конскую сбрую. От переохлаждения и недоедания Дима переболел коклюшем и золотухой.

Когда пришла весна, было спасение в зелени, но от истощения умерла шестилетняя Катя. Летом Дима наловчился ловить хомяков – мясо варил, а шкурки сдавал. На вырученные деньги покупали крупу. Летом 1933 года в колхоз поступило два трактора. И хотя летом смертность в станице была еще большой, осенний урожай принес в жизнь облегчение. Чтобы быть ближе к семье, Харламий перебрался на станцию Сосыка, грузчиком на зерносклад. Семью перевез в станицу Павловскую. Здесь Дима пошел во второй класс. Харламий как-то встретил однополчанина, который стал уговаривать его переехать в Апшеронскую, объясняя, что там сытнее, спокойнее и есть работа. Переехали. Харламий устроился на буровую предприятия «Хадыжнефть».

В 1936 году Дмитрий перешел в четвертый класс. Научился плавать в горной речке Пшиш. Облазил близлежащие горы. В 1939 году его приняли в комсомол, чему он был безмерно рад. После окончания семи классов поступил в Тихорецкий железнодорожный техникум. Учеба не заладилась. Программы по математике, физике оказались очень трудными. В октябре с другом уехал к тете в станицу Новопетровскую. Погостив недельку, отправились домой. Весной 1941 года с другом Аркадием поступили на работу в изыскатель-

скую партию, а затем с геологоразведочной партией уехали в город Грозный, на нефтепромыслы.

С объявлением войны побежали в военкомат. Народу – тьма. Вернулись домой. 24 июня получили повестки. Ввиду того, что до призывного возраста Диме не хватало нескольких месяцев, ему предложили Грозненское военно-пехотное училище. Записали Диму не Дегтярь, а Дегтярев, но в комсомольском билете до осени 1944 года оставалась запись Дегтярь.

Полгода учебы показались каторгой. Двухгодичную программу уплотнили до шести месяцев. Однако учебные нагрузки были не напрасными: в боевой обстановке не раз спасали жизнь. Через три месяца учебы Дима получил письмо от отца, в котором тот сообщил, что его провожают в армию, и описал интересный факт: когда Диму проводили в Грозный, дома мать зажгла керосиновую лампу, и вдруг верхняя часть стекла ровненько лопнула и отвалилась, но не разбилась. «Тогда мы подумали, что хоть ты и откололся от нас, но не навечно». В сентябре курсанты по тревоге были выведены в лагерь Чишки на берегу реки Сунжа, у подножия гор, где занимались до конца октября. По возвращении из лагеря из числа курсантов был сформирован отряд для уничтожения чеченских банд, которые с началом войны множились, как грибы после дождя, и скрывались в горах и лесах.

В отряд был зачислен и друг Дмитрия Аркадий Андрихин, который был отправлен на фронт в звании сержанта и

погиб в боях под Сталинградом.

После нескольких неудачных схваток в горах отряд возвратили в училище, а на уничтожение банд была направлена воинская часть с авиацией и танками.

Учеба в училище продолжалась с утроенной силой. Положение на фронте требовало постоянного пополнения офицерского состава. Командование училища больше и больше нагружало курсантов: учебные тревоги, тактические занятия, многокилометровые броски, стрельбы. У Дмитрия командиром взвода был лейтенант Борис Дзайцев, типичный кавказец, невысокий, худощавый, стройный, эрудированный и очень требовательный офицер. Его присутствие во взводе покоя не сулило. Лейтенанта уважали и боялись. Под стать командиру был и его помощник старший сержант Вышкварка. В строю шагом ходили только тогда, когда надо было проходить с песней. В остальное время двигались бегом. На тактических занятиях сотни метров преодолевали по-пластунски. В программе появились новые предметы: конная подготовка и этика молодого офицера. С фронта поступали все более тревожные сводки Совинформбюро: фашисты продолжали продвигаться в глубь нашей страны. Зачитывали приказы о необходимости повышения бдительности и мобилизационной готовности. Приближался 1942 год. 28 декабря взвод вышел в поле на занятия. Было сыро, неудобно, шел снег с дождем, а курсанты – в летней форме одежды. Во время занятий прибежал рассыльный и передал распоряжение

командира роты лейтенанта Ананишвили: «Взводу по тревоге прибыть в казарму». На этом учеба закончилась. Шестьдесят безусых лейтенантов одели в офицерскую форму и отправили в город Воронеж, штаб Юго-Западного фронта. Из штаба группу из десяти человек, среди которых был и Дмитрий Дегтярев, направили в 3-й кавалерийский корпус, который дислоцировался недалеко железнодорожной станции Касторная. Дмитрий был назначен командиром сабельного взвода в эскадрон старшего лейтенанта Коломийцева.

Первый бой

Через два дня кавалерийский полк по тревоге бросили в бой. Январский мороз обжигал щеки. Полк двигался по заснеженной степи в обход населенных пунктов. Хорошо, что перед выступлением вместо позорных для кавалериста ботинок и обмоток выдали валенки. Ногам было тепло. На рассвете последовала команда: «Стой! Спешиться!» Дмитрий освободил правую ногу, но на левой валенок примерз к стремяни. Стал дрыгать ногой, конь вздыбился и помчался вперед. Дмитрий вылетел из седла, его потащило по снегу. От страха билась мысль: сейчас конь наступит задними ногами на туловище и оторвет ногу. Закричали: «Конь утащил лейтенанта!» Несколько офицеров штаба полка на лошадях бросились наперерез. Конь сбавил ход и остановился почти перед окопами противника. Немцы не успели отреагировать,

как седока снова усадили на коня, и все поскакали обратно. Противник открыл огонь, но с опозданием. Все обошлось благополучно. В эскадроне посмеивались: «Ну и казак! джигитовал ты лихо! Немцев перепугал, наверное, до сих пор стреляют, а может, бегут до Берлина». Дмитрий отшучивался: «Ладно, насмешники, время покажет, кто из нас казак, а кто – пришей кобыле хвост!»

5 января 1942 года 3-му кавалерийскому корпусу была поставлена задача наступать от станции Клетская в сторону Воронежа, отрезая вклинившиеся немецкие части. Фашисты отбивали атаку за атакой. Наступление проводилось при слабой артиллерийской поддержке. Однако наступательный порыв после разгрома немцев под Москвой был высокий. От солдата до генерала – всем хотелось выбросить фашистов с советской земли. Наступление велось в основном в пешем строю, по глубокому снегу. На белом фоне фигуры солдат в серых шинелях были очень заметны. По окончании наступательных боев к 26 января 1942 года от прежнего состава эскадрона осталось семь человек, трое из которых были серьезно ранены. Дмитрий стоял на дне оврага, прижавшись к коню, и почти плакал. Только подружился с ребятами в эскадроне, многие были с Кубани, а двое – из станицы Крыловской. Санитар перевязал ногу. Пуля задела мякоть ниже колена. Врач успокоил Дмитрия: «До следующего боя заживет!» После недельного лечения при полковом лазарете Дмитрий вернулся в строй. Готовились к новым боям. Полку

была поставлена задача выбить немцев из села, в котором, по разведанным, идет скопление сил. Наступать по глубокому снегу, на открытой местности, без авиационной и танковой поддержки – это самоубийство, но приказ есть приказ. Эскадроны полка попали под перекрестный огонь пулеметов, залегли. И только с наступлением темноты отступили, оставляя на поле боя убитых и обмороженных. При первой же атаке пуля навывлет пробила Дмитрию правый бок живота и правую ягодицу. Тут помогла учеба в пехотном училище, когда командир взвода заставлял ползать по-пластунски, сливаясь с землей. Разгребая снег, теряя сознание, Дмитрий отползал в тыл. Когда его подобрала санитары, от потери крови в нем чуть теплилась жизнь. На лечение был отправлен в глубокий тыл, в город Ереван.

Сталинград

Через три месяца Дмитрий вернулся в свой теперь уже 20-й кавалерийский полк, который вел боевые действия северо-восточнее Харькова. Советское командование просчиталось, ожидая наступление немцев на Москву с южного направления.

17 июля 1942 года немцы начали наступление по двум направлениям: на Сталинград и на Северный Кавказ. Полку был отдан приказ спешиться, окопаться и не пропустить врага. Двое суток фашисты при поддержке танков и авиации

штурмовали позиции полка. Казаки, неся огромные потери, отбивали по пять – шесть атак в день. В воздухе постоянно носилась вражеская авиация, невозможно было поднять головы. Траншеи осыпались, сохранились только индивидуальные ячейки. Полк не отступил, удержал вверенный участок обороны. Казаки показали мужество и верность присяге. На третьи сутки разведка доложила, что фашисты прорвали оборону и слева, и справа. Полк оказался окружении. Трое суток по ночам отходили к Сталинграду, отбивая атаки фашистов. Вырвавшись из окружения, организованно отходили на восток.

В начале августа 3-й кавалерийский корпус был переброшен в излучину реки Дон в районе станции Клетская. В полках корпуса осталось по сто – двести человек. Здесь 20-й полк в течение недели пополнялся людьми и лошадьми. Пополнение шло с Терека, Урала, из Сибири.

Дегтярев
Дмитрий Харлампиевич

После пополнения полк занял оборону на правом берегу Дона. На левом берегу сооружался второй оборонительный рубеж. Фашисты старались сбросить наших солдат в Дон, чтобы прорваться к Сталинграду.

Каждый воин понимал, что отступить некуда: дальше Сталинград. Фашисты с рассвета до заката солнца атаковали позиции полка. Перед фронтом обороны торчали десятки подбитых вражеских танков. Земля была покрыта воронками от вражеских снарядов, мин, бомб. От дыма и гари не было видно солнца.

16 августа на район обороны полка фашисты двинули более 50 танков с автоматчиками. С обеих сторон велся ураганный огонь. Артиллерия подбила несколько танков. Часть немецкой пехоты плотным огнем была отрезана от танков и залегла. Однако около 20 танков с пехотой на броне прорвалось к нашим окопам. Начался неравный поединок. Танки разворачивались над окопами, автоматчики с танков забрасывали окопы гранатами. Танк наползал на окоп Дмитрия. Защищаться было нечем. В руках – пистолет с почти расстрелянной обоймой. Свернулся на дне окопа. В это время сверху свалился на Дмитрия замполит Кочергин, крупный детина. Окопа для себя он никогда не рыл, так как считал, что надо находиться среди солдат и постоянно быть в движении – от взвода к взводу. Видя, что лейтенант тянется за пистолетом, прокричал: «Дегтярев! Это я – Кочергин, потерпи, сейчас атака закончится, наша артиллерия пристре-

лялась из-за Дона, точно бьет». Дмитрий услышал сильный взрыв и потерял сознание.

Когда лейтенант Дегтярев пришел в себя, было тихо, только слышались стоны раненых. По лицу и рукам текла кровь. Выбрался из-под замполита и увидел его развороченную спину. Брошенная с немецкого танка граната разорвалась над ними, замполит ценой своей жизни спас молодого лейтенанта. Мелкие осколки впились в ноги и руки Дмитрия. Каждое утро он ходил на перевязку в медпункт, где санинструктор выщипывал осколки и прижигал йодом. Это было третье ранение, хотя и легкое, но Дмитрий несколько дней не мог сгибаться и сидеть на лошади. Половину своего сабельного взвода потерял в тех боях лейтенант Дегтярев, но оборонительный рубеж был удержан.

Через день поступил приказ отходить за Дон. Полк пополнился новыми сабельниками, которые фактически выполняли задачу пехоты.

В 30 километрах северо-западнее Сталинграда полк занял оборону на важных стратегических высотах 220 и 127. По восемь – десять атак за день предпринимали немцы. Высоты по нескольку раз в день переходили из рук в руки. При занятии высот на них трава была по пояс, но на третий день боев от травы не осталось и корешков. Кругом все было изрыто и выжжено.

28 августа 1942 года эскадрон занимал оборону на стыке двух полков. Немцы обнаружили этот стык и бросили туда

штрафной офицерский батальон. Фашистам удалось ночью скрытно подобраться к окопам. Когда их обнаружили, было поздно. Завязалась рукопашная. Дрались штыками, прикладами, саперными лопатками. Дмитрий из пистолета убил трех фашистов, но кто-то из них с земли успел прошить его автоматной очередью. Две пули пробили верхнюю часть груди навывлет.

Когда Дмитрий начал выздоравливать, то при уплате членских взносов по молодости стыдился за свой пробитый и залитый кровью комсомольский билет. Страницы покорибились, и отметки об уплате членских взносов на распухших листочках можно было сделать с трудом. Дмитрий с облегчением вздохнул, когда при вступлении в партию сдал комсомольский билет. Позже пожалел, что не попросил оставить его на память о фронтовой молодости. После войны, когда потребовались справки о ранениях, Дмитрий написал письмо в Главное политуправление армии с просьбой разыскать комсомольский билет, пробитый пулей. Оттуда ответили, что сданные комсомольские билеты не сохранились.

В том бою погиб друг Дмитрия младший лейтенант Зимин из Москвы. Когда кончились патроны и немцы, обнаглев, окружили его, стараясь взять в плен, Зимин успел выдернуть чеку гранаты и взорвать себя с наседавшими фашистами.

Провалявшись два месяца в госпитале, Дмитрий рвался в бой. Объявил начальнику госпиталя, что, если его не выпи-

шут, он убежит на фронт. Спешил отомстить за погибших друзей и боялся, что могут отправить в пехоту. 15 ноября 1942 года был в родном кавалерийском корпусе.

Шла интенсивная подготовка к наступлению, дух которого охватил всех. Хотелось быстрее изгнать фашистов с родной земли. Земля кубанская была рядом. В ночь с 18 на 19 ноября 1942 года кавалерийский корпус сосредоточился в лесу у реки Дон между станицами Вешенская и Клетская. Выпал небольшой снег, крепчал мороз. В пять утра началась артподготовка. На том берегу Дона оборону держали румынские части. Они попробовали вести ответный огонь, но их батареи вскоре были подавлены. После артподготовки над окопами противника появились эскадрильи наших штурмовиков. Корпус начал переправляться через Дон небольшими группами. Ночью саперы на неокрепшем льду разложили маты и всю ночь поливали их водой. К утру получился мост. Переправа растянулась на несколько часов.

Переправившись через Дон, корпус не встретил сопротивления. По дорогам валялись румыны и брошенная техника. Вскоре настигли румынский полк на марше, который без сопротивления сдался. Встречали колонны румынской пехоты, которые шли с белыми флагами и спрашивали: «Где здесь русский плен?»

К вечеру корпус натолкнулся на сопротивление немцев, переброшенных с других участков фронта. В течение четырех схваток кавалерийский корпус при поддержке танковых

частей артиллерии, сбивая один немецкий заслон за другим, продолжал продвигаться в тыл врага.

23 ноября в районе станицы Кривомузчиненской корпус встретился с войсками Юго-Западного фронта. Кольцо окружения вокруг 6-й и 4-й немецких армий замкнулось. Фашисты любыми силами старались вырваться. Плацдарм, занимаемый немцами, с каждым днем уменьшался.

Разведка боем

28 декабря 1942 года полк продолжал боевые действия по уничтожению окруженной вражеской группировки. Продвижению вперед мешал сильный огонь противника. Вечером в расположение эскадрона прибыл командир полка подполковник Буйницкий. Штаб полка в течение дня отправил две разведгруппы, но ни одна не вернулась. Было решено провести разведку боем в ночное время верхом на лошадях с целью обнаружения огневых точек противника. Командир эскадрона капитан Коломийцев вызвал лейтенанта Дегтярева и приказал подобрать казаков-добровольцев. Командир полка поставил группе следующую задачу: подскочить к окопам гитлеровцев как можно ближе и галопом преодолеть полкилометра вдоль обороны противника, вызвав тем самым огонь на себя, а в это время артиллеристы засекут огневые точки противника. Поставив задачу, подполковник обратился к группе: «Выполнить приказ готовы?» Пятерка ответила

дружно: «Выполним!» Отозвал лейтенанта Дегтярева и потечески спросил: «Лейтенант, скажи прямо: не трусишь, приказ выполнишь?» Дегтярев понимал, что группа идет на верную смерть, и, преодолевая чувство страха, ответил: «Выполним, товарищ подполковник!» – «Тогда вперед!» Дегтярев подал команду: «За мной галопом!»

Когда группа приблизилась к окопам фашистов, они открыли интенсивный огонь из всех видов оружия, думая, что это конная атака. Наши батареи повели огонь на поражение, но многие снаряды не долетали до противника. Казаки поскакали вдоль окопов, и в это время были накрыты перекрестным артиллерийским огнем с обеих сторон. Дегтярева выбросило из седла, лошадь упала на него. Придя в сознание, он понял, что ранен: правую ногу прожигала нестерпимая боль. Выбравшись из-под лошади и прикрываясь ею от осколков, стал наблюдать за противником. Метрах в ста под обрывом стояли немецкие танки, выкрашенные белой краской. Дегтярев насчитал двенадцать машин. По ходу движения своей группы увидел лежащих на снегу трех лошадей, около одной из них опознал убитого казака Григория Трощенко, который одним из первых вызвался добровольцем в смертельную разведку. Дмитрий дополз до кустов. От потери крови кратковременно потерял сознание. Услышал шорох, вытащил наган, приготовился подороже отдать свою жизнь. Когда пригляделся, то увидел перед глазами шашку и понял, что перед ним казак. Узнал сержанта Усова. Тот левой рукой

придерживал правую, перебитую выше локтя. Культия была перетянута брючным ремнем. Сержант спросил: «Товарищ лейтенант, вы живы? А я думал, убиты. Давайте поднимайтесь, попробуем идти. Ребят побило, но я видел, кто-то успел вырваться из-под огня и проскакал к нашим». Поддерживая друг друга, тихонько поковыляли в сторону обороны эскадрона. Когда подошли к окопам, эскадрон готовился к движению вперед. Дегтярев стал докладывать командиру эскадрона, который поблагодарил старшего лейтенанта: «Спасибо тебе! Не подвел, выполнил задание. Мы обстановку узнали еще ночью: прискакал Овчаров и доложил. Благодаря вашей разведке полковая и дивизионная артиллерия нанесла мощный огневой удар по фашистам, после этого противник отступил. Командир полка посчитал вас погибшими и приказал подготовить документы о награждении посмертно».

Старшему лейтенанту Дегтяреву и сержанту Усову сделали перевязку и отправили в медэскадрон дивизии, оттуда в эвак. госпиталь № 4989 – в город Тамбов. Рана заживала медленно. В госпитале провалялся до мая. Друзья сообщили, что за участие в боях по окружению и уничтожению немецкой группировки командир сабельного взвода старший лейтенант Дегтярев за героизм и мужество награжден медалью «За отвагу».

Каждый день Дмитрий ходил на прием к начальнику госпиталя – настаивал на немедленной выписке. Знал, что его рода гнездо – станицы Петровская и Новопетровская – осво-

бождены, освобожден и Апшеронск, где до войны жили родители. Доказывал врачу, что его отец-старик воюет на фронте, а он, двадцатилетний парень, вынужден сидеть в госпитале. Под расписку, что будет оберегать незажившую рану и следить за ней, Дмитрия выписали.

Прибыл в район Курско-Орловской дуги. Кавалеристов там не было. Дмитрий настаивал, что он кавалерист и должен возвратиться в кавалерию. В отделе кадров армии к просьбе отнеслись с пониманием и направили Дмитрия в Тамбовское Краснознаменское кавалерийское училище, которое находилось в то время в городе Шадринске Новосибирской области. Объясняли, что в училище он и знаний наберется, и рана заживет, а повоюет еще успеет.

В августе 1944 года после окончания восьмимесячных офицерских курсов, где Дмитрий стал настоящим офицером-кавалеристом, его направили в 4-й Кубанский казачий корпус, в 42-й кавалерийский полк командиром 4-го эскадрона. Дмитрий был безмерно рад: во-первых, слава о корпусе гремела по всему фронту; во-вторых, эти родные и близкие сердцу слова «Кубанский корпус». Казаком Кубани он считал себя от рождения, там, на Кубани, его родная земля, политая потом и кровью предков.

Венгрия

Осенью 1944 года корпус перебрасывают в Венгрию, на

равнинах которой была возможность использовать конные массы в полную силу. Шли бои на подступах к городу Дебрецен.

Перед городом сильно укрепленное немцами село Надьбаркань. Полк спешил, рассредоточился на лугу в мелком кустарнике. Из штаба полка позвонили: срочно представить документы на принимаемых в партию. На приеме было два человека – командир эскадрона старший лейтенант Дегтярев и сержант Зозуля. Парторг эскадрона в течение недели несколько раз пробовал провести собрание, но эскадрон не выходил из боев, поэтому не было возможности собрать коммунистов. Наконец, выкроили время перед штурмом села. Пятеро коммунистов и двое кандидатов устроились на лужайке, улеглись голова к голове. Только начали обсуждение кандидатуры командира эскадрона, как метрах в сорока разорвалась мина. Продолжили разговор – метрах в двадцати разорвалась вторая мина. Третьей ждать нельзя. Дегтярев подал команду: «Бегом в укрытие!» Только отбежали – третья мина ахнула как раз на том месте, где они только что лежали. Собрание сорвалось. И только вечером, после взятия села, в освещенной комнате провели собрание. Собрались все. Во время штурма потерь среди коммунистов эскадрона не было. Тогда в партию вступали не за ордена, не за блага, а по зову сердца, за скорейшую победу Советского государства в Отечественной войне.

Когда Дегтярев рассказывал свою биографию, парторг

спросил: «Товарищ командир, это правда, что вы родом из станицы Новопетровской? Тогда ваша фамилия была Дегтярь». – «Совершенно верно». Парторг, обхватив комэска, тормошит его, целуя кричит: «Дмитрий Харлампиевич! Мы не только односельчане и родственники: ваша тетка замужем за моим дядей».

После взятия села Надьбаркань, с ходу проскочив передовые окопы, казачья лава ворвалась в селение Кетедьхаза. Среди немцев началась паника, они кричали: «Казакен! Казакен!» В середине дня село было очищено благодаря мужеству и отваге казаков и умелому командованию. 10-я дивизия расширила прорыв, за ней в брешь вошли другие части и стали развивать наступление на город Бекешчаба, который обороняли венгерские дивизии. Фашисты старались контратаковать казаков с фланга и остановить наступление.

Дивизию перенацелили на румынский город Орадеа-Мад. 12 октября эскадрон Дегтярева врывается в город. В течение суток шли уличные бои. Сражались за каждый дом, квартал, улицу. Яростные бои разгорелись за село Беретвоусторолу. 13-14 октября полк пополнился боезапасами, укомплектовался личным составом. 15 октября поступило распоряжение снова повернуть на Дебрецен. На пути стал городок Деречке. Начался штурм. Три раза полк ходил в атаку, но гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление. Было принято решение обойти городок и нанести по Дебрецену фланговый удар.

20 октября 1944 года эскадрон в составе 10-й дивизии с ходу ворвался на окраины Дебрецена. Шли жестокие уличные бои, в которых отличились казаки 1-, 2-, 3-, 4-го эскадронов. К вечеру город был очищен от гитлеровцев. Без передышки на рассвете следующего дня атаковали город Ньередьхаза. До вечера шел бой. Немцы понимали, что, сдав город, они откроют советским войскам прямую дорогу на Будапешт и, значит, потеряют Венгрию. Немецкое командование бросило сюда отборные части, разрезало фронт казаков на две группировки, которые оказались в окружении. 24 октября начались бои по прорыву кольца, и только 27 октября у поселка Надькалло части корпуса соединились. В этих боях особо отличились казаки 4-го эскадрона под командованием старшего лейтенанта Дегтярева Д.Х., который за умелое руководство и личную храбрость был награжден орденом Красной Звезды.

После передышки корпус начал боевые действия в направлении Будапешта. Осенние дожди размыли дороги, поля раскисли, лошади вязли по брюхо. 12 ноября взяли село Яскишер, вышли к городу Дьёндьёш. После двухдневных рукопашных боев город был взят. Дальше шла горная местность. Начались бои за перевалы. 24 ноября, форсировав реку Ипель, 42-й полк вступил в пределы Чехословакии. Здесь он ведет оборонительные бои и пополняется личным составом и боевой техникой.

Чехословакия

Ранняя весна 1945 года. Чехословакия. Советское командование ставит задачу наступать в направлении Братислава – Трнава – Брно.

25 марта 42-й гвардейский кавалерийский полк в составе 1-й гвардейской конно-механизированной группы войск получил приказ с ходу под прикрытием темноты форсировать реку Грон, выбить противника из населенного пункта Вельк, расположенного на расстоянии около километра от реки, захватить плацдарм и удерживать его, обеспечивая переправу основных сил дивизии.

Артиллерия выдвинулась к реке, чтобы прикрыть огнем переправу сабельных эскадронов. На рассвете, под покровом тумана, эскадрон под командованием старшего лейтенанта Дегтярева развернулся повзводно. Казаки верхом въезжали в грязный, холодный поток, несущий множество льдин. Лошади упирались, не хотели идти в воду. Алмаз, конь командира эскадрона, первым вошел в воду и поплыл. Казаки сваливались с лошадей и, держась за гриву и седло, стали переправляться. Из-за густого тумана фашисты не сразу заметили переправу казаков, а обнаружив, открыли плотный огонь. Наши батареи и пулеметы ответили огнем на подавление. От ледяной воды у казаков перехватывало дыхание, мокрая одежда тянула ко дну, у многих начались судороги. Отплы-

вущих льдин прикрывались лошадьми. Тяжкое испытание легло на животных. Слышалось ржанье лошадей и крики раненых казаков, но переправа продолжалась. Коснувшись ногами дна, лошади рвались к спасительному берегу. Вот тут нужно было успеть вскочить на коня. Обезумевшие от холода и страха лошади мчались вперед, некоторые без всадников. Немало казаков погибло в реке, вдали от родины, за честь и славу Отчизны. Дегтярев, который хорошо знал повадки горных рек, на своем Алмазе переправился первым и личным примером подбадривал казаков. Противоположный берег оказался крутым, это спасло от огня, но трудно было выбраться, сконцентрироваться и лавой устремиться в атаку. Преодолев крутизну мокрые, замерзшие казаки устремились к населенному пункту. Немцы не ожидали столь стремительной атаки. Из селения выдвинулись автоматчики при поддержке четырех бронетранспортеров и минометной батареи, но, увидев несущихся на них конников со сверкающими клинками, запаниковали: «Казакен! Казакен!» – и, бросив минометную батарею, побежали к поселку. Казаки на плечах отступающих автоматчиков ворвались в село. В этом бою у командира эскадрона ранило коня, но Дегтярев продолжал руководить боем, ведя коня в поводу. Село было очищено от немцев. Противника не преследовали: эскадрону стояла задача захватить село и обеспечить переправу войско. После боя Дегтярев думал, что от переохлаждения половина эскадрона сляжет с воспалением легких, но, к удивлению, ни один

казак даже не чихнул.

По наведенному понтонному мосту переправлялись артиллерийские, минометные, пулеметные расчеты, тачанки и хозбрички. С дымящейся походной кухней и сухой одеждой подъехал старшина эскадрона Боровой. Дегтярев спросил: «Как переправились?» – «Налетели немецкие самолеты и начали сбрасывать бомбы и обстреливать из пулеметов. Одна из бомб попала в центр колонны, где двигался наш хозвзвод. Взрывной волной сбросило нашу пулеметную тачанку и хозбричку. Погибли лошади и ездовые». – «Чем была нагружена бричка?» – «Запасами продуктов, боеприпасом, одеждой, документами. Там была и ваша, товарищ старший лейтенант, полевая сумка и гимнастерка с наградами». – «Очень жаль, но война есть война, без потерь не обходится».

На другой день эскадрон вел бои за село Фиш. Дегтярев умело руководил боем, и в течение часа село было очищено от фашистов.

Форсирование реки Нитра

Война шла к концу. Фашисты сопротивлялись яростно, цеплялись за каждый рубеж обороны. К началу апреля полк вышел к реке Нитра. Оба берега были укреплены железобетонными дотами. Разлившуюся в половодье реку с ходу форсировать не удалось. Немцы били из укрытий прямой наводкой из пушек и крупнокалиберных пулеметов. Пришлось

спешиться. Попытки перенаправить на надувных понтонах успеха не имели. Было решено отобрать добровольцев и ночью захватить плацдарм на другом берегу. Группу возглавил старший лейтенант Дегтярев. Во второй половине ночи, разбившись на две группы по 20 человек, начали выдвигаться к реке. На плечах несли две понтонные лодки. Обувь обернули тряпками. Стали переправляться, но, не проплыв и десяти метров, понтоны сели на затопленные кусты.

До берега шли в ледяной воде. Выбравшись на берег, полезли по раскисшему озимому полю. Наткнулись на дамбу, которую охранял часовой. Двое отчаянных молодых казаков бесшумно сняли его. Небольшими группами перебежали через дамбу. Подползли к немецким окопам и забросали их гранатами. Плацдарм был захвачен, что дало возможность переправиться полку через реку. За эту операцию старшему лейтенанту Дегтяреву Д.Х. был вручен орден Отечественной войны II степени. Полк продолжал наступать, форсируя реки и освобождая города Словакии. После переправы с боем через реку Морава полк ввязался в бой на подступах к городу Брно. Эскадрон старшего лейтенанта Дегтярева двигался в головном дозоре. Весна. Цветут деревья. Ярко светит солнце. Конец войны уже виден. Каждый думал: «Хорошо бы дожить до победы!»

Слева – горы, справа – лесостепь. Впереди взвод младшего лейтенанта Чернецова с пулеметной тачанкой. На горизонте просматривается костел. Вдруг из-за дерева застрочил

пулемет. Головной взвод спешил. Дегтярев приказал: «Эскадрон, к бою! Рысью вперед!» Связной доложил, что головной взвод наскочил на засаду. Подскакав к месту боя, Дегтярев приказал спешить и продолжал наступление в сторону населенного пункта. Короткими перебежками преодолели простреливаемое пространство и ворвались в село. Немцы не выдержали натиска и, отстреливаясь, отступили. Прочесывая селение, в одном из дворов казаки обнаружили немцев. Окружили. Дали несколько очередей. Из-за забора голоса: «Рус, не стрелять! Гитлер капут!» В калитке показался солдат: «Найн немец, австрияк!» За ним выстроилась цепочка с поднятыми руками. Старший лейтенант Дегтярев подал команду: «Выходи, оружие бросай у калитки». Когда первый австриец с поднятыми руками прошел калитку, раздалась автоматная очередь. Австриец упал, остальные подались назад. Дегтярев крикнул: «Кто стрелял?!» Вперед вышел сержант Чесебиев: «Это я – за погибших ребят, за повешенных родителей». Раздались голоса: «Не место самосуду!» Сержанта скрутили, отобрали автомат. Преодолев страх, вышло еще человек десять, сбрасывая оружие в кучу. Продолжая прочесывать селение, наткнулись на засевших в кирпичной двухэтажной школе немцев. Казаки, сосредоточившись у школьного забора, попали под огонь из второго этажа. Ни вперед, ни назад. К эскадрону примкнул словак, который называл немцев оккупантами. Воевал он напористо, храбро, был за разведчика и проводника. Попросил ручной пулемет, что-

бы с крыши сарайчика вести огонь по окнам школы. Только взобрался, пристроился и начал вести огонь, как был убит стрелком из снайперской винтовки. Казаки очень жалели отважного словака. Под забором нашли щель, расширили и протолкали пулеметчика со стволом от «максима» без станины. Пулеметчик открыл интенсивный огонь по окнам школы, что дало казакам возможность ворваться во двор и захватить первый этаж. Завязался бой между этажами. Немцы не выдержали интенсивного огня и через пролом в стене покинули здание.

На следующий день эскадрон вел бои на подступах к Брно.

Бой за Брно

К утру 26 апреля полк в пешем строю сосредоточился в оврагах перед городом. Эскадрон наступал на левом фланге полка. Цепь медленно продвигалась вперед. Неожиданно из затянутой туманом низины застучал пулемет. Эскадрон залег. Появились убитые и раненые. Остальные эскадроны продвигались вперед. Дегтярев приказал командиру пулеметного взвода младшему лейтенанту Кидинову прикрыть левый фланг. Немецкий пулемет замолчал, но только эскадрон поднялся, как снова раздались очереди. Эскадрон залег. Когда стрельба затихла, старший лейтенант Дегтярев поднялся и побежал вдоль цепи, повторяя команду: «Встать, вперед!» Однако бойцы лежали, боясь попасть под новые пу-

леметные очереди врага. Дегтярев бегал от казака к казаку, поднимая их за воротники, выкрикивая: «Вперед!» Но напрасно. Эскадрон лежал, только несколько казаков вскочили и перебежками устремились вперед. Войне конец, сработал инстинкт самосохранения. В этот момент Дегтярев услышал одиночный выстрел. Пуля прошла ниже пояса, прострелив обе ягодицы. Дегтярев слышал крик: «Комэска ранило!» Эскадрон вскочил и ринулся вперед, к окраинам Брно. Старшего лейтенанта Дегтярева брючными ремнями привязали к полевой кухне. Рана беспокоила его меньше, чем «барашки» от крышки котла, которые на колдобинах дороги впивались в тело. Повар гнал лошадей, чтобы быстрее вырваться из-под обстрела. Это было последнее, шестое, ранение старшего лейтенанта Дегтярева. Потом, при выписке из госпиталя, Дмитрий шутил над собой: «Это чтобы зад не показывал фашистам!» – и всегда стыдился говорить о своем шестом ранении. В автобиографии так и писал: «Имею пять ранений».

Радость победы

В столице Венгрии Будапеште в ночь с 8 на 9 мая 1945 года эшелон с ранеными поставили на запасной путь под загрузку. Ночь была темная и тихая, только слышались стоны раненых. И вдруг в городе началась стрельба, сначала неуверенная, а том охватившая весь город. В воздух летели сотни ракет, протяжно гудели паровозные гудки. Понеслись крики:

«Ура! Конец войне!» Тяжелораненные сползали с нар, плакали, обнимались, повторяя: «Победа! Победа!»

После излечения в госпитале в пригороде Будапешта – городке Геделе – в июне 1945 года старший лейтенант Дегтярев Д.Х. догнал родной полк на марше и принял свой гвардейский 4-й эскадрон.

Домой, на родину

Корпус двигался маршем из Чехословакии через Польшу к границе Советского Союза. Это был марш торжества, радости и скорби. Стояли теплые дни. Кругом благоухало, и казалось, что сама природа радовалась нашей победе. Радовалась, что мы живы и едем домой, на встречу с Родиной. Чехи, словаки, поляки тепло провожали советских бойцов, как освободителей от фашистских захватчиков. Наряду с радостью была и скорбь погибших товарищей, которые остались в чужой земле.

Советские солдаты знали, что западные районы страны в разрухе, поэтому командование ставило задачу сохранить и доставить на родную землю конское поголовье. За каждой бричкой вели по 10 – 12 лошадей. На повозках везли сено, фуры, продукты, жеребят. В пути догоняли приказы о демобилизации казаков старших возрастов. Не раз приходилось вступать в стычки с бандеровцами.

В июле подошли к польско-советской границе. Была

устроена торжественная встреча. Командир полка доложил встречающему командованию: «Товарищ генерал! 42-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский полк после разгрома гитлеровской Германии возвращается на Родину. Командир полка подполковник Гильман». На границе погрузились в эшелоны.

20 августа 1945 года полк прибыл в город Майкоп, а после разгрузки – своим маршем в станицу Гиагинскую. В сентябре 1945 года 10-я кавалерийская дивизия 4-го Кубанского корпуса начала подготовку к параду Победы. Во второй половине сентября в воскресенье, полки дивизии в боевом порядке при полном вооружении прошли по улицам Майкопа. Принимал парад командир дивизии генерал-майор Шмуילו Сергей Трофимович. В конце 1946 года 10-я кавалерийская дивизия была сведена в кавполк, который был передислоцирован в город Ставрополь. Так закончился боевой путь 42-го Кубанского казачьего полка.

10 июня 1946 года старший лейтенант Дегтярев Дмитрий Харлампович был демобилизован.

Когда Дмитрий вернулся в родные стены, его отец, демобилизованный в 1943 году по контузии, уже был дома. С осени 1941 года Харлампий Макарович Дегтярь рядовым бойцом стрелкового полка прошел боевой путь от Харькова до Сталинграда. При бомбежке в ноябре 1942 года был смертельно ранен. Посчитали мертвым. Когда хоронили в братской могиле, кто-то заметил, что он шевельнул ногой. Выта-

щили, отправили в госпиталь. После восьми месяцев лечения выписали и демобилизовали.

У истоков возрождения казачества

Вернувшись после демобилизации к родителям в город Апшеронск, старший лейтенант Дегтярев вскоре начал строить дом, с расчетом, что пришло время обзаводиться своей семьей. Познакомился с самой обаятельной девушкой Апшеронска – Галиной Беловой, заведующей лабораторией, направленной по распределению после окончания техникума. Немного подружили, сыграли свадьбу. Работал машинистом паровых турбин, председателем месткома профсоюза Апшеронской ЦЭС. В августе 1947 года родился первенец Виктор, в 1949 году – дочь Ирина. В 1951 году Дегтярева избирают председателем Апшеронского районного комитета профсоюза нефтяников. Работа ответственная, хлопотная. В 1952 году переезжает в Краснодар, где избирается председателем профкома нефтяного техникума. Дмитрий Харлампиевич Дегтярев участвует в общественной жизни города. Непосредственно занимается воспитательной работой среди студенческой молодежи. С уходом на пенсию включается в работу ветеранского движения. Входит в Совет ветеранов 4-го Кубанского казачьего корпуса. На протяжении двадцати лет – бессмертный секретарь Совета. Как потомственный казак стоял у истоков возрождения казачества на Ку-

бани. Является председателем Совета стариков офицерской сотни Кубанского казачьего войска, заместителем председателя Совета стариков Екатеринодарского отдела Кубанского казачьего войска. С ветеранами 4-го Кубанского казачьего корпуса проходил по Красной площади 9 мая 1995 года в Параде в честь 50-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Братья и сестры Дмитрия Харлампиевича трудятся на благо Отечества на земле российской.

7 ноября 2003 года казаки Кубанского казачьего войска торжественно отметили 80-летие Дмитрия Харлампиевича Дегтярева. Юбиляра поздравили атаман Кубанского казачьего войска казачий генерал В.П. Громов, атаман Екатеринодарского отдела, казаки офицерской сотни.

Коломийцы

Чужие на своей земле

1861 год. Указ императора Александра II об отмене крепостного права. Село Степное Запорожской области. Кругом степь, степь, степь, изрезанная буераками. В некоторых местах чернозем совсем исчез: выветрило. Осталась каменная малопродуктивная земля. Лесов совсем нет, кое-где по овражкам растет хилый бересклет да шеперистый тополь. Изредка попадаются сколки акации, которой не дают подрасти – по ночам втихаря подрубают. Старая акация что кость – в столбах долговечна, а молодая, неокрепшая, годится только на колья к тыну. Хаты в селе – мазанки, а сарайчики и хлева сооружаются из ивняка и обмазываются глиной, которую надо возить с речки. Полдня езды – ближе нет. Речки выверками текут по суходолам, вытоптанному скотом берегами. Степь... Земля истощена многовековой обработкой и ветрами-суховеями. Смешно, но черноземную степь надо удобрять навозом, чтобы хоть что-нибудь уродилось. Свободны, всегда свободны, но земля чужая – государственная... Хотя почему она чужая – непонятно, деды сказывали: когда ее заселяли – была ничейная. В старину по ней кочевники – сарматы и караимы – гоняли свои стада. Объедят траву, вытоп-

чут коренья и уходят, а заброшенная земля пылила и долго не родила, пока не зарастала сорняками. Но другой земли не было, и они продолжали тут жить. Население с каждым десятилетием прирастало наполовину. Земли не хватало. Шел ее передел, братья бросались друг на друга с кулаками, толкались, спорили, каждый доказывал, что этот участок должен принадлежать ему. Сзади стояли жены с малышней, тоскливо поглядывая на серую каменистую землю, изредка бросая реплики в поддержку мужьям. Подъехали на бричках и другие мужики с хутора, помнили, что по обычаю надо бросать жребий: кому что попадет, значит, так тому и быть. Братья успокоились, поняли, что за эти годы народу прибавилось, а земли уменьшилось. Целыешины стояли голяком, а другие поля стали неплодородны, истощились. Решили отправить делегацию к царю-батюшке. Сообщали, что государство расширилось: прибавились земли Сибири, и за Кубанью.

Через два месяца делегация вернулась с ответом. Кто пожелает, может ехать на новые земли. Кто поедет в Сибирь – будут давать дорожные деньги и первое десятилетие не взимать налоги. Кто поедет в Закубанье – он и его дети станут государственными людьми и будут служить пожизненно налогов на землю там не платят, а закрепленная земля является общественной собственностью. На хуторе за неповиновение пугали Сибирью, вечной зимой. А Кубань – тут, рядом, за Доном, говорили, там теплее и земля благодатная.

Незнаемая земля

Решили ехать в Закубанье. Долго спорили: по жребии и добровольно. Несколько молодых семей решили ехать добровольно, к ним присоединился Ярослав Митрофанович Коломеец с сыном Дием и невесткой. Набралось шестьдесят две семьи и шесть бобылей. Решили выезжать, как только подсохнут дороги. На переправе через Дон к ним присоединялись – еще и еще. На том берегу насчитали уже более четырехсот подвод.

На вторую неделю Пасхи 1864 года прибыли в Екатеринодар. Ухоженный, с прямыми улицами городок порадовал, расположился на сенном базаре. На другой день перед переселенцами выступил атаман Кубанского казачьего войска Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон. Пояснил, что земли закубанские – богатые и обильные, плодородные, пойменные, но бывают годы, когда река Кубань разливается широко, поэтому место для заселения надо выбирать возвышенное. Левый берег реки – низменный, болотистый, с резким переходом, возвышенность к подошве Кавказских гор. Хотя территория очищена от банд черкесов, но встречаются отдельные группы головорезов, готовых поживиться за чужой счет, поэтому кроме обработки земли, важно научиться отлично владеть оружием. Пообещал три года не привлекать к службе, но защищаться придется самим. Разбил по куреням,

долго выбирали атаманов дали сопровождение землемера. В полдень обоз переправился через Кубань. Вдоль реки по старицам заросли камыша дубравы и старые ветлы. Кое-где попадались широкие поляны разнотравья. В сторону гор шел лиственный лес с плотным кустарниковым подлеском из кизила, боярышника и шиповника.

К вечеру были на месте – на берегу реки Убин. Снова бросили жребий – по месту расположения. Атаманом куреня, в который попали Коломийцы, был Степан Северский. Он тоже запорожский, с соседнего хутора, видимо, предки его пришли с севера, отсюда прозвище, которое со временем переросло в родовое имя – Северские.

Выживание

Весна. Все кругом благоухало. Гомон птиц заглушал голоса. В реке плескалась рыба – плотной стеной шла на нерест. Разбили палатки, которые были выданы в войске. Приданная сотня казаков начала обследовать местность, чтобы в ночь на тропах выставить заслоны. Выгнали скот на выпас. Трава – выше колен. Начали строить землянки. Старые казаки из сопровождения подсказали, что это не степь – лес рядом, лучше строить дома не в заплот, а в паз. Рубили молодой дубняк, подгоняли. Щели замазывали вязкой глиной с обрыва. Вершили снопами из камыша, благо в плавнях было много старого, из которого вязали снопы. Прежде всего делали хаты

многодетным. Снимали аршин чернозема, засыпали галькой с реки, затем песком, а сверху глиной, которую утрамбовывали битами. В окна вставляли кусочки стекла. Три дня – и хата готова. Торопились: весна – время сева.

Приступили к подготовке пашни. Женщины, дети рубили кустарник. Поджигали траву. Под молодой травой – многолетнее переплетение старой травы. Сотенный отряд сопровождения предупредил, что поляны, которые выжигаются, надо окапывать канавами, а то огонь перебросится на лес. Хотя больше опасности и нет – в лесу лиственной подстил еще не просох с зимы, но кустарник горюч и огнеопасен. Вековая, нетронутая сохой земля. Сохи ломались. К вечеру люди падали от усталости. Мужики, выпив кринку молока, зажевав сухарем, тут же засыпали у костра на дерюжке. Откуда-то достали мешок кукурузы. Было решено высеять. На Троицу с полевыми работами справились, позже сеять было бесполезно.

Недрузги

Дий в ночь на Троицу спал беспокойно. Вспоминал свои юные годы: как гуляли на Троицу, умыкали девчат в кусты, шел сплошной визг и смех, как грешили в эту ночь. Водили хороводы, на лугу собиралось несколько сот станичников. Хороводы кружились, как венки купавницы, брошенные на воду. В Духов купались в реке от мала до велика: подростки,

старики, молодухи – все вместе.

Перед утром залаяли собаки. Никто не обратил внимание – летний сон крепок. На восходе солнца прискакал на взмыленном коне сотник, ударил в колокол, висевший на перекладине под крестом. Кругом валялись очищенные толстые дубовые бревна, заготовленные на строительство церкви. Народ сбежал площади. Сотник Чайка закричал: «Спите?! Бедда у нас! Двух казаков, что были в залоге, черкесы порешили, лежат с перерезанными горлами. Лошадей ваших нет – с выпаса угнали!» Побежали на выгон. Загородь разобрана. Лошадей нет. В это время с десятка лошадей, фыркая, выбежали из подлеска, видимо отбились от табуна и вернулись обратно. Хозяева бросили своим коням.

Собрали сход. Спорили долго. Решили создать свою дружину, вооружить ее и самим охранять скот. Атамана и казачка сотника отправили в Екатеринодар просить у правительства, чтобы выделили им огнестрельное оружие. Через три дня посланцы вернулись в сопровождении десятка казаков. С собой привезли три повозки, груженные ружьями и пушку. Сотник зачитал письмо наказанного атамана, где указывалось, чтобы мужчины-поселенцы каждое утро после восхода солнца два часа занимались огневой подготовкой, выездкой, рубкой лозы, кинжальным боем, а также предписывалось создать два расчета пушкарей.

Первое лето

Июль пришел с грозами. От ударов грома земля качалась. В горах начал таять снег, речка вспучилась и стала выходить из берегов, заливать поля, засеянные гречихой. По улице потекли потоки воды. Дороги раскисли. Невозможно было пройти от хаты к хате, и в поле не выехать. Неделю шли ливни, как начались неожиданно, так и внезапно закончились. На нижних полях лежала толстая корка ила, которая под палящими лучами солнца начала трескаться. Урожай погибал. Решили под пашню вырубить мелколесье в сторону гор. Почва не чернозем, коричневый суглинок, менее плодородная, но зато не заливаемая. Станицу, за которой уже прочно закрепилось название Северская, пришлось переносить и перестраивать заново – подальше от реки, поближе к ручьям. Многим пришлось рыть колодцы. Но это не украинская степь, где до воды десять и более сажений, тут через три – четыре сажени нападали на галечник – и вода наполняла колодец, а осенью и зимой стояла доверху – черпай, не ленись. Вода была мягкая, нежная, не то, что степная украинская, солоновато-горькая. У Дия вода была с привкусом медуницы – попал на горную альпийскую жилу. Станичники приходили за водой к Дию. Жито поспело лишь к концу июля, потому что сеяли с опозданием. Пшеница уродилась полноколосная. Налилась. Утвердела. С улиц чернозем

вывезли за околицу, дорогу засыпали галечником из-под обрыва реки. В августе сушь стояла три недели. В небе ни облачка, вода с заливных лугов ушла. Камыши оголились, их удобно было рубить и заготовлять на крыши. Трава на пастбище пожухла, скот пришлось пасти в лесу, где сохранились прохлада и трава.

Черкесы стали действовать группами, угоняя по две-три коровы или лошади. Охотились за лошадьми, так и за коровами. Степные коровы были черно-белые, крупные, молочные. Давали ведро за дойку. Черкесские коровы, которые круглый год паслись на подножном корме, были низкорослы, малопродуктивны. Доили их раз в сутки, и то вечером, но они были неприхотливы и приспособлены к местным условиям: умело пробирались в чаще, перепрыгивали промоины и речушки, в бескормицу могли питаться листьями и молодыми ветками.

Было принято решение: со стороны гор прорубить широкую просеку, выкопать по ней глубокий ров, за ним соорудить заборку и поставить сторожевые вышки.

В сентябре началась благодатная пора: жара спала, в огородах поспел богатый урожай. Приезжали новые поселенцы. Они помогали строиться. О топливе не думали – не то что в Запорожье. Там на зиму делали кизяки, собирали будылки и хворост к оврагам, а тут когда вырубали лес – топливом запаслись не на одну зиму. Люди радовались: земли бери – сколько осилишь, топлива – с запасом, урожай – отменный,

не на один год хватит, не то что в степях, где через каждые два года засуха. Молодежь по воскресеньям джигитовала, а старшее поколение за станицей тренировалось в стрельбе по соломенным чучелам.

Ночной бой с абреками

Всередине октября лес пожелтел, начала осыпаться листва. Небо стало бездонное, на горизонте просматривалась гряда птиц. В Покров казаки хорошо погуляли, справляя одновременно праздник урожая. Молились в новой церкви – пока без купола и без убранства. Среди ночи услышали: звякнул колокол и затих. Дий набросил на плечи зипун и вышел из хаты, увидел, как по улице метались люди, а за ними гонялись конники и рубили на всем скаку, поджигали факелами камышовые крыши, те, вобрав в себя летнюю жару, вспыхивали, как порох. Дий забежал в дом, крикнул жене и детям быстро собираться. Анастасии дал команду с малыми детьми к берегу реки, а старшим сыновьям бегом огородами – поднимать казаков. Схватив винтовку, выскочил к дубовой калитке, прицелился в ближайшего всадника. Раздался выстрел, всадник свалился. Второй всадник направил коня на Дия. Дий выстрелил почти в упор. В это время открылась стрельба по улице и со стороны церкви. Дий, перезарядив винтовку, помчался к сараю, готовый быть расчеченным скакавшими всадниками. Подбежал к сараю, стал

сбивать замок – не сбивается. Пролез под стреху, откатил пушку к противоположной стене и выстрелил, ворота разлетелись. В это время подбежал кто-то из пушкарей, начали палить вдоль улицы наугад. Стрельба стала стихать. Конники как внезапно появились, так же быстро исчезли. Из пожарки вытащили бочки с водой и стали заливать горящие дворы. Убирали с улицы посеченных людей. Урон набегом был нанесен огромный: семь сожженных подворий. От большей беды спасла безветренная погода. Оказалось двенадцать посеченных: четверо мужиков, три женщины, остальные – дети. Три семьи с краю от леса были забраны в плен и угнано много скота. Казаки приданной сотни в курене на краю станицы с вечера гуляли. Когда станичники подбежали к куреню, думая, что казаков перебили, то увидели, что ворота наглухо закрыты. Бревном выбили простенок. Казаки после попойки валялись мертвецки пьяные, в том числе и часовой. Отливали их водой. Казаки фыркали, ругались, отмахивались руками. Сход станицы решил: хватит держать нахлебников, пусть отправляются в свои станицы. Охранять станицу и пастбище будем сами.

С письмом в Екатеринодар отправили делегацию. Решение атамана войска: «Быть по сему!»

Согласие

Убрали кукурузы. Решили початки сохранить на семена.

Ездили на базар в Екатеринодар, там узнали, что кругом идет заселение земель прибывающими – как с Украины, так и из центральных губерний России. Мелкие разбои продолжались: то угонят коров из стада, то ограбят обоз, идущий на базар, то нападут на возвращающихся с базара. Посоветовались и решили отправить стариков на переговоры в ближайшее адыгское селение, чтобы жить в мире и согласии. Старики делегацию попросили Ярослава Митрофановича, отца Дия, грамотного, наиболее смышленного казака. Послали ходока в аул с сообщением, что будет казачья делегация. Старшины аула собрались в общественной избе. Решили: раз эти люди волею судьбы стали соседями, то остается один путь – жить в мире. Велели привести улицу в порядок, побелить домики, чтобы позориться перед русскими. Переговоры затянулись на целый день. Старики рассказывали друг другу о тяжелой доле земледельца, если не хватало слов, то объяснялись жестами. К вечеру забили барана, предложили отведать и остаться ночевать. Станичники стужевались: ночь для казаков всегда несет опасность. Адыги сумели убедить, что гость для них – это святое никто казаков не обидит. После сытного застолья гостей разобрали по семьям. Едва ли спали в ту ночь казаки, но было позорно показывать свой страх, так и пролежали до утра с рытыми глазами, держа кинжалы у груди. Утром, отведав горячих лепешек, замешенных на сметане, казаки попрощались. Старики адыги заверили, что из их селения никто не нападет ни станицу, ни на людей в

поле, но за другие селения они ручаться не могут. После этой встречи действительно перестали угонять скот, нападать в поле. Правда, разбои на дорогах были, но реже.

Расслоение

Край обживался. Расширялась станица. Подростало новое поколение. Стали жить вольготнее. Молодые строили добротные дома, рубленые, благо лес рядом. Появились свои мастеровые – печники, жестянщики, кузнецы, шорники, портные, степенно укреплялся казачий уклад жизни. Шло расслоение казачества. Хозяйства покрепче сооружали на реке запруды, ставили мельницы, маслобойки, кузницы. Выделилось купечество. В станице построили два магазина. Сход принял решение возводить каменную церковь. Мужчин в станице оказалось больше, чем женщин. Причин тому было несколько. Приезжали парубки – родственники из запорожских станиц и хуторов, тут и оставались. Были и беглые, хотя и существовал приказ пришлых не принимать, но рабочих рук в хозяйстве не хватало, посевные площади увеличивались. Много женщин умирало при родах. Зажиточные казаки держали работников. Бедные казаки зачастую были вынуждены брать в долг, а потом отрабатывать во время сева или уборки, усугубляя и без того тяжкое свое положение. Шло расслоение казачества на зажиточных и голытьбу.

Когда начались боевые действия на Дунае, 42 станичника

пошли освобождать братские балканские народы от турецкого ига. Дий, веривший в справедливость и честность казачьей жизни вдруг заметил, что сынки псаломщиков, купцов, владельцев мельниц и крупорушек исчезли из станицы, а у некоторых появились справки от полкового фельдшера о наличии немощи.

В станице прижилось несколько семей греков. По традиции предков занимались виноградарством. Родственники из Анапы посоветовали выращивать табак, утверждая, что это прибыльное дело. Производство наладилось. Табак кипами отправляли в Ростов, на табачную фабрику. Богатство накапливалось. Детей отправляли учиться в Екатеринодар. Черноволосые, курчавые, со жгучими глазами гречанки сводили с ума молодых казаков.

Сергей Коломиец рос отчаянным. К семнадцати годам перерос своих сверстников. На рубке лозы не было ему равных, но при преодолении рва зачастую перелетал через голову коня. Спасали длинные ноги: успевал вскакивать. Девчата заглядывались на Сергея, но он не обращал на них внимания. Через дорогу в доме грека Христофора Константиади подрастала дочь. Сверстники-казачата прозвали ее козой. Лазила по деревьям, как кошка. Ловко отплясывала греческие и горские танцы. Сергей заслушивался ее звонким нежным голосом. Анна напевала и дома, и в поле. Христофор видел, как краснел Сергей при виде Анны, и предупреждал Дия: «Пусть сынок не заглядывается, не для вас ее рощу. Просва-

тана еще с рождения, такой у нас обычай».

Братушки

Из станицы в станицу ходили слухи, что турки издеваются над братскими славянскими народами – болгарами и сербами. В поселке Ильском появился болгарин, бежавший из плена черкесов, которым его продали турки. Он ко всем обращался словом «братушки», и казаки прозвали его Братушкой. Болгарин рассказывал о зверствах турок на его родной земле под Пловдивом. Турки вырезали целые селения, оставляя здоровых и крепких для работ в каменоломнях, молодых девушек забирали в гаремы, а подростков – в янычары. Стариков, старух и жилых убивали. Говорили: «Нечего на них корм тратить». Реки крови текли по селению. Плач и крик он до сих пор слышит и не может забыть этих страшных картин. Речь его была близка и понятна, более точно определяла названия предметов и явлений, чем язык мовы. Братушка просил: «Дайте мне оружие други понадежнее – и пойдем со мной мстить басурманам за пролитую славянскую кровь!» Набралось около десятка добровольцев, но атаман не разрешил провести эту затею. Сказал: «Погибнете зря. Чтобы изводить турок, нужна мощь и сила, нужна армия и поддержка государя. Без этого получится пустая затея, обреченная на гибель». Братушка доказывал, многие сербы и болгары ушли в горы и продолжают борьбу. Как только на

Кубань прибыл А.И. Хвостов и стал набирать добровольцев, Братушка и с ним трое северских казаков отправились в Болгарию. Сергей переживал, что его не взяли по малолетству, но с весны 1876 года началась подготовка к войне, формирование кубанских батальонов.

Пластуны

Сергей Коломиец попал в 7-й Кубанский пластунский батальон. Атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Кармалин поблагодарил казаков за их стремление помочь братским славянским народам. Две сотни батальона были подчинены есаулу Баштаннику и 7 декабря 1876 года со станции Кушатская были отправлены в действующую армию под Кишинев. Пластуны дали клятву бороться не жалея живота своего и не быть позором для войска. С пластунами Александра Баштанника в разведку через Дунай ходил генерал Скобелев, пластуны души в нем не чаяли.

Сергей мужал на бойкой, своенравной горной реке. Тихий и спокойный Дунай не пугал его, когда он на связке камыша переправлялся ночью через реку. После взятия Систовских высот пластунические сотни вошли в передовой отряд генерала Гурко. При взятии высот турецкая пуля влетела Сергею наискосок в рот и вышла через левую щеку. Кровь долго хлестала. Сергей терял сознание. Три дня провалялся в лазарете. Когда вернулся в сотню, над ним гоготали: «Смотрите,

Сергей Коломиец пули глотает! Нам сейчас в бой идти не страшно, все пули проглотит, как щука пескарей!» Сергей сначала стыдился, но потом смеялся со всеми: «Я не только пули могу глотать, но и ядра на лету сдувать!»

Сергей не отходил от Александра Баштанника, который всегда был впереди атакующих – и ни ранения, ни контузии. Пластуны считали его заговоренным. Но 5 июля 1877 года при взятии города Казанлык погиб Александр Баштанник. Сергей под градом пуль вынес с поля боя бездыханное тело есаула. Слезы стояли в уголках глаз, была злость на врага и жажда отмщения.

11 августа 1877 года пуля пробила Сергею правую икру. Сергей не придавал этому значения. Рану быстро затянуло, но через три дня усилились боли. В лазарете рану вскрыли, почистили, но она плохо заживала, и в ноябре 1877 года Сергей вернулся в родную станицу с крестом на груди. Из пяти человек, ушедших на дунайский фронт, вернулся только он один. Как стало известно, остальные станичники погибли при обороне Шипки.

В 1879 году с Таманским полком в закаспийский поход ушел старший сын Дия Устин и не вернулся.

Случай

1881 год. Сборы казаков. Гарнизонный караул выстроился на плацу перед штабом. Взвод, в котором проходил служ-

бу Сергей Коломиец, назначен на охрану складов с оружием. Задание ответственное. Казаки знают, что сегодня помощник дежурного по караулам – штабс-капитан Причунда. Никто не знал, прозвище это или фамилия. Просто всегда было на слуху – Причунда да Причунда. Боялись его поболее других офицеров: за малейший пустяк бил кулаком по переносице. Казаки ненавидели его, хотя знали, что он из казачьего рода.

В октябре ночи прохладные. У Коломийца дежурство с трех до пяти – самое тяжелое. В сон клонит, глаза слипаются, хочется куда-нибудь прислониться. Чтобы не уснуть, Сергей штык подставляет под подбородок – больно, но сон одолевает сильнее и сильнее. Тело как будто само прислоняется к стене склада, винтовка сползает к предплечью... Сергея как кто-то шилом ткнул – проснулся и увидел удаляющегося человека. Осмотрелся, а винтовки нет. По-казачьи, по-казачьи следом. Причунда тем временем, поставив винтовку Сергея в пирамиду караулке, вызвал начальника караула Пестрю. Пока Причунда давал разнос, Сергей тихонько стукнул в окно караулки. Увидел друга Василия Пичку, жестами показал, чтобы тот передал ему винтовку через зарешеченное окно. Схватил винтовку и бегом на пост. Причунда вызвал командира роты сотника Хребто. Начальник караула успел шепнуть Хребто, что Коломиец на посту с винтовкой. Причунда вместе с командиром роты и разводящим двинулись на пост. Причунда потребовал, чтобы шли от него подальше.

Он наслаждался, как увидит часовой без винтовки, как его кулаки будут охаживать казака. Сергей Коломиец заметил их издали и, как положено по уставу, окрикнул: «Стой! Стрелять буду!» Ответа нет. Выстрелил в воздух. Причунда приближался. Коломиец прицелился в тулью фуражки штабс-капитана и выстрелил. Стрелок он был отменный. Фуражка отлетела в сторону. Причунда бросился за фуражкой, схватил ее с земли и на четвереньках за пакгауз, там приподнялся и, держась за голову, бегом до караульного помещения. Пуля опалила только волосы. После этого случая Причунда больше не проверял караулы.

Борьба за любовь

Вернувшись с Балкан, Сергей увидел, что Анна стала еще краше. Как-то пробегая мимо Сергея, Анна прошептала: «Я молилась за тебя, Сережа, чтобы ты живой и с победой вернулся. Спасибо вам, казакам, за освобождение Балкан. Турки – наши вечные враги!»

Братья обзавелись семьями, отделились. Сергей не спешил, хотя отец с матерью подыскали невесту – дальнюю родственницу. Сергей отшучивался: моя, мол, еще не подросла. Вечерами из-за калитки Анна махала рукой. Однажды Сергей не выдержал и подошел. Взял руки Анны в свои, и как будто молния пробила с головы до ног. Не помнил, что говорил. Когда Анна сказала, что к ним приезжали сваты, Сер-

гей опомнился, выпалил: «Никому не отдам, без тебя жизни нет!» Анна ответила: «И мне без тебя! Сколько надо, столько и буду ждать!»

После этого вечера несколько дней Анна не появлялась у калитки. Сергей спросил у отца: «Не знаешь, что с Анной? Давно ее не видел». Отец замечал, как тоскует Сергей по Анне. Сказал, как отрезал: «Не нашего поля ягодка. Они богатые, к нам относятся с пренебрежением, за голытьбу считают. Мы хоть и победнее их, но чести своей не уроним, забудь ее, сынок!» – «Нет, папа, мы клятву друг другу дали!» – «Тут сваты снова к Константиади приезжали. Анна отказывает всем. Отец неделю как в чулане ее держит, толкует: посидит в темноте, на воде и хлебе – опомнится».

Началась уборка табака, который в том году уродился на славу – высокий, шеперистый. Сердце Сергея ныло днем и ночью. Не выдержал, побежал на делянку, где работало семейство Константиади. Анна работала с краю, рядом с порослью молодого бересклета. Сергей тихонько свистнул и помахал рукой Анна, нагнувшись, сминая стебли табака, бросилась к Сергею. Обхватили друг друга, не помня себя, свалились в густую траву. Была любовь. Договорились, что в полночь Анна будет приходить в сад. Сергей находился в полузабытьи. Лишился сна. При виде Анны его начинало трясти. Так длилось две недели. Дий заметил, что Сергей осунулся, побледнел, плохо ел. Стал присматривать за сыном. Высмотрел, что тот бегает в сад к Константиади. Как-то за

ужином Дий спросил: «Ну что, сынок, сватов надо посылать? Смотрю, дело у вас с Анной далеко зашло. Сергей зарделся, выскочил из-за стола, проговорил: «Посылай, батюшка, мочи нет, и дня без нее не могу!»»

Но не пошел Дий сватать Анну: знал, что откажут, а это позор на всю станицу. Как-то, встретив Константиади у церкви, поздоровался и сказал: «Разговор есть, Христофор, серьезно. Дети наши любят друг друга. Давай не будем мешать им. Объединим их судьбы на радость нам и во славу Господа Бога. По-моему, другой дороги у нас нет». Христофор вскипятился: «Породниться захотел?! К богатству моему руку приложить, на готовенькое прийти?! Не получится!» Дий побагровел, подошел вплотную и с усмешкой ответил: «Напраслину, сосед, наводишь. Мы, Коломийцы, на чужое никогда не зарились! Своим трудом живем, хлеб в поте лица зарабатываем. Победнее вас, но не нищие. Я хочу детям счастья, а вот ты за наживой гонишься. Хочешь выдать Анну за богатея, а этим, кроме горя, Анне ничего не дашь. С Сергеем они жили бы в согласии и дружбе. Далеко зашла у них любовь, дите ждать надо».

Христофор, не сказав больше ни слова, сорвался как ужаленный, побежал домой. Схватив Анну за косы, потащил к фельдшернице, которая определила, что малыш уже большой, делать уже ничего нельзя – поздно. Православные мы. Грех это – лишать дитя жизни.

Анну отправили в Анапу к родственникам. Сергей два

раза верхом ездил в Анапу, но Анну не нашел. Весной жена Христофора сказала Сергею при встрече: «Сынок, казака подарила Анна». Через год Сергей разузнал, где Христофор прячет Анну. Снял в Анапе комнату и каждый месяц ездил на свидание к любимой. Родился второй сын. Христофор рассвирепел. Константиади советовала соединить их судьбы, но Христофор уперся на своем: «Единственная дочь ослушалась меня, пошла против воли родителя – не бывать этому!» Распродал хозяйство, забрал Анну с детьми и уехал в Грецию. Письма приходили редко. Дий переживал за Сергея. Когда дошел слух, что Христофор Константиади умер от сердечного приступа, было решено ехать в Грецию за Анной. Хлопотали оба рода – и Константиади, и Коломийцы. Испросили разрешения у атамана войска обратиться с прошением к царице Александре Федоровне. Описали подробности дела. Через месяц пришло высочайшее повеление: казака Сергея Коломийца откомандировать в Грецию за казенный счет, российскому посольству в Греции оказать всяческое содействие в возвращении на родину подданной Российской империи гражданки Анны Константиади с ее сыновьями.

Осенью 1897 года поехали встречать молодых оба рода – Константиади и Коломийцы. Венчали в новой – каменной – церкви. Народ и плакал, и радовался, что наконец соединены эти два любящих сердца, которые сохранили свою любовь в долгие оды разлуки. Святые люди. Славного казака Сергея Диевича Коломийца не стало в 1938 году. Анна прожила

долгую жизнь, воспитывая внуков и правнуков.

В 1898 году у Сергея и Анны родился третий сын – Гаврила.

Валентин – сын Гаврилы – в детстве не раз слышал рассказы деда Сергея, как в 1905 году он «ходил на узкоглазых», об отчаянных вылазках пластунов при деревне Донсязя, в долине Цинхе и местечке Цинсяйпао. Вернулся в станицу Сергей Коломиец с отличием на папaxe. К этому времени и семья увеличилась. Пять сыновей хотели жить отдельно. Хозяйство растащили по кусочкам на хутора. Сергей перебрался на хутор Михайловский. Земля здесь была иловая, наносная, плодородная. Но на снаряжение и обмундирование денег не хватало. Форму шили под векселя. И когда казаки вернулись с русско-японской войны, многие из них оказались в долгах. Собрались служивые в Северной и написали жалобу атаману Кубанского войска, где сообщали, что вернулись они с войны калеченые, раненые, больные, а с них требуют оплаты векселей. Началось выступление казаков. Целые полки выходили из повиновения. Атаман войска дал указание долги с казаков списать полностью.

Брусиловский прорыв

Душный жаркий день. По станице к храму скачет всадник с вымпелком на пике. Ударили тревожно колокола. Объявлена всеобщая мобилизация. Сергей во второй очереди призы-

ва. Всеобщее воодушевление: «Пора швабам и австриякам дать по зубам, чтобы не лезли к братьям-славянам!» На сборном пункте при осмотре врачи определили, что у Сергея в пояснице сидели осколки с русско-японской войны. Посоветовали: «Посиди пока дома, успеешь навоюешься». Весной 1916 года Сергей снова пришел на сборный пункт, заявил, что не может сидеть долго, когда род Коломыйцев на фронте. На коне сидеть было трудно. Через полчаса езды осколки начинали ходить в пояснице, страшная боль отдавалась по позвоночнику. Направили в батарею коноводом. Батарея беспрестанно была в движении, передавали ее то полку, то дивизии. В Брусиловском прорыве лошади падали от усталости. Солдаты сами впрягались в построение и тянули пушки. В Карпатах на спуске пушку не удержали. Она сбила Сергея, колесо проехало по ногам. Открытого перелома не было, но кости сильно наджабило. Ходить не мог. Два месяца провалялся в госпитале. Комиссовали. Когда вернулся домой, то увидел страшное запустение. В станице свирепствовал тиф. Люди вымирали семьями. Казаков от болезни умерло больше, чем погибло на фронте. Дух войны улетучивался из станичников. Хотели мирной жизни. Подрастали молодые казаки. У матерей был страх, что заберут их кровиночек и не вернуться они в родные края.

Смута

Февральская революция 1917 года. Народ надеялся, что новая власть утихомирит войну. Но провал июльского наступления обозлил станичников. Казаки на сходках возмущались, крестили Временное правительство на чем свет стоит: «Царица дала нам землю, другие цари приумножили ее. Мы им присягали, кто сейчас у власти?! Те, которые на горе народном множит свои капиталы». С фронта пришел искалеченный брат Гаврилов Иван, который твердил: «При царе в армии был хоть какой-то порядок, дисциплина, худо-бедно обмундировывали, кормили, снабжали боеприпасами, а сейчас – полный развал. Не поймешь, кто командует. Одни кричат: война до победного конца, другие: «хватит, навоевались, пошли по домам». Иван доказывал: «Правители, как и цари, приходят и уходят, а народ российский остается. Кто будет защищать Отечество от вражеского нашествия? Турки, наши вечные враги, тут, за хребтом».

В августе с фронта вернулась конная сотня. Жены и дети радовались. Старики возмущались: «На чью агитацию попались?! Кому границу открыли?!» Молодой сотник Пантелей Коломиец отвечал: «Старики, мы за последние сто лет растеряли наши казачьи обычаи, забыли наши корни. Когда-то все были равны перед Богом и друг перед другом, а сейчас только и слышишь: ваше высокоблагородие господин офицер. А

ведь раньше мы обращались друг к другу: товарищ, братич. То, что потеряли, надо возвращать. Посмотрите, что делается в станице. Пока казаки воевали, гибли – их семьи разорялись, голодали. А сколько расплодилось мироедов, которые сосут из нас последние капли крови. Так жить больше нельзя! Надо возвращаться к заветам наших предков: жить по совести, делиться друг с другом по-братски. Вспомните, как мы жили, когда прибыли на эту землю. Это была одна семья. В беде и радости мы были вместе, а сейчас родные братья смотрят друг на друга волком, потому что один вывернулся, ему удалось выскочить, обжиться, а другой не успел: то на службе, то в русско-японской войне, а то и пал на полях сражений с германцем. Справедливо ли это?» Старики загудели: «Не было такого в старину. Был один закон: один за всех и все за одного. Все жили одной семьей, в поте лица зарабатывали хлеб и защищали свои поля от врагов!» Иван продолжал: «Царя не посадишь снова на престол, слаб душой оказался. Временщиков тоже не хотим. Власть должна принадлежать народу – снизу доверху выборная, как велось у нас со старины». Старики поддержали: «Верно говоришь, сотник, только как будем выбирать атамана? У нас в станице иногородних стало больше, чем казаков». Иван в ответ: «Предлагаю избрать голову, главу – как хотите назовите, а в помощь ему – советников из наиболее энергичных и смекалистых казаков и казачек». Старики завозмущались: «Этого еще не хватало – казачек в руководство!» Сотник: «Стоп,

стоп! Когда казаки были на фронте, кто работал в казачьем правлении? Марфа Коломиец. Верно говорю? Он вел хозяйство, кто готовил молодежь к жизни? Старикам было некогда: они в поле дневали и ночевали или были в дозорах. Кто ваших внуков и внучек в школе учил? Анна Коломиец. Кто в фельдшерском пункте вас лечил? Аграфена Коломиец. Вот и получается, что, пока мы воевали, наши жены не сидели сложа руки: не только люльки качали, но и жизнь в станице обустроивали». Орина Затруба выкрикнула: «Пусть дед Игнатий голос не подает! Лучше бы молчал. Вместо того чтобы писарить и делом заниматься, у шинкарки днями просиживал, а по ночам бегал, старый кобель!» Ольга Коломиец подтвердила: «Верно служивый говорит. Жизнь не стоит на месте. Много воды утекло. Жизнь требует многие вопросы по-другому решать».

Колесо революции

В октябре в Петрограде новая революция – события в станице закрутились колесом. Кто-то за советскую власть, кто-то старые войсковые порядки. Со временем стало еще запутаннее – тут и белые, и красные, и зеленые. Карусель завертелась, брат шел на брата, сын на отца, кум на свата. Коломийцы поддерживали красных: больше было веры в них. Видели, что городские железнодорожные рабочие сочувствуют новой власти.

Гражданская война

В 1918 году в Екатеринодаре власть перешла советам. Сергея избрали председателем станичного совета. Хлопот много, в некоторых станицах стали образовываться коммуны. Сергей съездил, присмотрелся и убедился, что это глупейшая затея. Казаки за всю историю всегда имели свой угол, коня и земли. Веками складывалась определенная психология: семья – святое дело, хоть маленькое, но свое хозяйство, однако защищали – сообща. На сходе долго спорили. Иногородние (пришлые) были за коммуну, потому что своим хозяйством толком еще не обзавелись, а старые казаки – категорически против. Решили подождать – жить, как жили во все времена, присмотреться, что из этой затеи – коммуны – получится.

События развивались скоротечно. В марте на Кубани появился генерал Корнилов. Один из его отрядов прибыл в Северскую. Собрали людей на площади. Командир отряда полковник Закруткин выступил перед станичниками. Потребовал восстановления старых порядков – станичного атаманского правления. Народ зароптал: «Кого выбирать: мироедов этих, которые фронт открыли и немцев на Украину пустили? Продовольствие давать не будем. Дай Бог самим до весны дотянуть. Многие семьи с японской еще не оклемались, а тут – германская. Тифозный мор. Каждый второй двор без хо-

зьяна». Закруткин приказал привести председателя совета станицы. На круг вышел Сергей и отчеканил: «Нечего меня приводить, я тут. В японскую не бегал, а в германскую – тем более, хоть весь иссечен и переломан. Народ верно говорит. Нечего его насиловать. Пусть сам устанавливает ту власть, которая ему по душе». Полковник взвизгнул: «Выпороть супротивника!» Двое казаков-донцов схватили Сергея под руки. Старики вышли вперед, заслонили, завозмущались: «Мы его выбирали, мы и будем судить, если пойдет против воли народа. Пока умнее в округе нет. Делает все с разумением, не дергается, не торопится. Говоришь, что ты казак донской? Какой же ты казак, если выбранного и поставленного у власти хочешь, невинного, постыдно наказать?» Полковник Закруткин дал команду отпустить деда Сергея, но приказал забрать двадцать выездных лошадей. Предупредил: кто будет перечить – расстреляют на месте, как за саботаж власти.

После схода правление собралось у Сергея, советовались, что делать дальше. Решили молодых казаков призывного возраста с лошадьми отправить к красным в ставропольские степи. Слыхали, что ставропольские казаки организуют отряды сопротивления старой власти, которые возглавляет Семен Буденный, и что из станицы Дмитриевской уже ушел отряд с Иваном Кочубеем. Ночью Гаврила, сын Сергея, и с ним дюжина молодых казаков выехали из станицы и отправились по левому берегу в верховья Кубани. На рассвете около Усть-Лабинской переправились через Кубань. День провели в ле-

сочке за станицей. Пробирались по ночам. Переметные сумы пусты. Лошади перешли на подножный корм, благо по овражкам появилась зелень. Изредка выходили к чабанам, которые знали, что творится в ближайших станицах.

Чужой

В одном из боев у Гаврилы убило его любимого Вороного. Командир эскадрона Григорий Орляхин предложил: «Хошь, возьми моего пристяжного Зевса. Конь что надо. После боя беляками в поле поймали. Только не спеша вскакивать в седло. Обхаживай потихоньку, привыкай, приноравливайся, постарайся понравиться. Сильно своенравный. Не подружались мы с ним. Одним словом, не подошли друг другу».

Когда молодой – бахвальства много, кажется, что только ты можешь, больше никто. Гаврила подошел к Зевсу – огромному темно-рыжему жеребцу с белой звездочкой на лбу. Зевс лениво жевал овес из торбы, искоса поглядывая на казака. Гаврила просил друга Володьку Крыло отвязать повод от прясла и передать ему, а сам ловко запрыгнул на коня. Зевс присел на задние ноги, потом резко выпрямился. Володька передал повод, Гаврила понукал. Зевс не шелохнулся и продолжал хрумкать зерно. Гаврила дернул за повод – никакой реакции. Ударил каблуком под бока. Зевс мгновенно взвился на дыбы и помчал Гаврилу в степь. Резко рвал влево, вправо, взмывал на задние ноги, потом падал на пе-

редние, поднимал высоко зад. Набирал скорость, затем резко останавливался – так, что Гаврила еле удерживался в седле, повод выскальзывал из рук. Наконец конь сумел выбросить Гаврилу из седла в левую сторону, но правая нога всадника застряла в стремях. Сделав круг с болтающимся седоком на боку, конь сбавил ход и подошел к коновязи. Володька Крыло бегал за Зевсом, кричал – пробовал остановить. Подбежали казаки, освободили ногу из стремени, сняли обмякшего, перпуганного ездока. Подоспел командир эскадрона Орляхин, сказал со злостью: «Я что тебе, сопляк, говорил? Приноравливайся к коню, обходи его, полюбитеесь – а потом садись! Запомни, конь верен хозяину, а его седока недавно убили, он тоскует по нему, помнит его голос и запах, а ты... сразу в аллюр три креста!»

Три дня провалялся Гаврила на повозке с сеном. Ребра болели, нога ныла. Постепенно оклемался, подошел к Зевсу. Конь застоялся, ему хотелось резвиться, но никто не садился, боялись. Гаврила выменял несколько кусочков сахара за перочинный ножик. Подошел к Зевсу, тот виновато посмотрел на него. Гаврила протянул на ладони кусочек сахара, Зевс осторожно взял губами.

Целыми днями Гаврила крутился возле Зевса, разговаривал с ним, чистил, ласково похлопывал, расчесывал гриву. Каждое утро приносил по кусочку сахара. Через неделю Зевс положил голову на плечо Гавриле. Казак тихонько заседлал, осторожно забрался в седло. Зевс весело заржал. Гаврила

слез, отвязал повод от коновязи и уже смело вскочил в седло. Наклонился к уху коня и проговорил: «Ну, Зевс, пойдём погуляем». Натянул повод. Зевс медленно прошелся, размялся, потом перешел на рысь. Остановился, повернул голову к седоку, как бы говоря: «Ну, как мы с тобой, хороши?» Гаврила дал команду: «Вперед, аллюр!» Конь птицей помчался по степи... Вдоволь нагулявшись, подскакал к коновязи. Наблюдавшие казаки похвалили Гаврилу: «Молодец, нашел путь к сердцу коня. Подружились – похвально, это на всю жизнь!»

В каких только переделках ни был Гаврила, но Зевс всегда его выручал. Когда однажды взрывной волной казака вышибло из седла. Зевс ухватил за пояс и вытащил с поля боя. Обогревал его ночами, когда Гаврила спал под его боком. Во встречной атаке не раз сбивал грудью лошадей противника вместе с седоком, затем затапывал. Хватал зубами налетевшего врага. Реакция у него была мгновенная. В рубке проскакивал лаву противника насквозь. Гаврила махал клинком направо и налево, не успевая разглядеть противника.

В бою под Каховкой снаряд разорвался у самых ног Зевса. Гаврилу выбросило из седла. Санитары нашли полуживым. Позвоночник был поврежден. Гаврила мог двигаться только на четвереньках. Упросил санитаров попрощаться с конем. У Зевса было вырвано подбрюшие и разворочена грудь, но в нем еще теплилась жизнь. Гаврила прижался к голове Зевса. Тот открыл глаза, и крупные слезы покатались к

ноздрям. Гаврила заплакал, причитая: «Родной мой, спаситель мой, прости меня, что, уберег тебя, Зевсушка мой». Санитары сказали: «Мучается животное, давай пристрелим». Гаврила простонал: «Не смей!» Зевс закрыл глаза, и предсмертная дрожь пробежала по коже от головы к хвосту. Гаврила, всхлипывая, прошептал: «Все, ребята, потерял я верного друга, можете тащить меня в повозку». Три месяца провалялся Гаврила в госпитале в Воронеже. И днем, и ночью он ощущал рядом с собой Зевса, его бархатистую теплую кожу, слышал нежное ржание как при встрече. Умирая, говорил сыновьям: «Интересную жизнь я прожил, память оставил в детях своих, одного жаль – нет со мной моего любимца Зевса».

На Рождество 1921 года Гаврила Сергеевич Коломиец, возмужавший, окрепший, вернулся в свой хутор Михайловский Северского района.

Становление

Закончилась гражданская, стала налаживаться мирная жизнь. Люди устали от войны. Отряд народной милиции, которым руководил Гаврила, вылавливал в камышах так называемых зеленых. Банды разного сброда, пришедшие с остатками белогвардейских войск, летом промышляли около станций, скрываясь в камышах, а как только замерзали лиманы – уходили в горы.

Первые колхозы на Кубани стали создаваться в 1929 году. Сначала пробовали по типу коммун, думали, что они более подходят к куренной жизни, но казаки не захотели общего стола. Самое тяжкое для казака при вступлении в колхоз – это расстаться с конем, со своим кормильцем и радостью. Но когда в 1938 году в поле появились два трактора-колесника и за две недели вспахали весь пар, который пахали всей станицей, казаки вздохнули: «Слава Богу, не надо идти за плугом под раскаленным солнцем, поддерживать его на легких грунтах и давить на лемех тяжелых». Лошадей теперь использовали только на подсобных работах. Летом по полю стрекотали жнейки. Казачата ловко управлялись с лошадьми, оставляя ровные рядки пшеницы. Осенью обзавелись паровой молотилкой, цепы, серпы забросили на повита. Перед войной купили сноповязалки. Колхозники зажили справно. Стали строить хаты по городскому типу – рубленными в паз, с тесовой крышей, полы застилали дубовыми плахами.

Колхоз создал свою артель рыбаков, которая вылавливала рыбу в лиманах. Продажа рыбы давала отличный прибыль. В горах имелось три пасеки. Осенью янтарный мед бидонами развозили по дворам. Играли свадьбы. Молодежь после семи классов ехала учиться в город – в фабрично-заводские, ремесленные училища, в техникумы. Валентин в 1940 году поступил в сельхозтехникум.

Война

Первый курс закончен. Сданы экзамены. Всем курсом – на Кубань, кататься на пароходе. Прогуляли до рассвета. Попрощались до осени. Девчонки тогда не знали, что осенью многих сверстников уже не будет в живых.

Валентин вырос на полголовы выше отца, кудри закрывали глаза. Стеснялся своего роста, сутулился, отец не раз напоминал: «Казак должен быть строен, как пика!» Когда после катания по Кубани добрался домой – завалился спать на сеновал. Мать долго тормозила, не могла добудиться. Наконец заголосила: – Вставай, сынок! Война! Отец поспешил в правление. Фашисты окаянные, немцы проклятые, напали на нас!» Валентин вскочил, вылил на себя ведро воды из колодца. Стоял и думал: «Куда бежать? Ехать в техникум или идти в правление колхоза?» Пришел отец, увидел растерянного сына, сказал: «Не дергайся, сыну. Война надолго, успеешь навоюешься. Мне 42 года, будут брать во вторую очередь, а она рядышком. Месяца два-три – и я двинусь. Не впервой нам, Коломыйцам, врага вразумлять. Пойдем воевать вместе. К осени ты подрастешь, окрепнешь».

Осенью прошел слух, что формируется добровольческий казачий кавалерийский корпус из допризывников и казаков второго призыва, а также снятых с воинского учета. Инициатором создания корпуса выступил 82-летний Трифон, кото-

рый юнцом уходил добровольцем освобождать народы Болгарии и Сербии, был в закаспийском походе, а с первой мировой вернулся полным кавалером Георгия. Старик держался бодро, хотя все время покашливал – это осталось от газовой атаки немцев.

Осенью 1941 года отец и сын Коломийцы были в сабельной сотне Северского района.

Кущевка

В период со 2 по 5 августа 1942 года кубанцы вели ожесточенные бои в районе станицы Кущевской с отборными немецкими частями пехотной дивизии «Красная роза» и двумя полками СС. Про эти бои написано много. Надо отметить, что успех зависел не только от умелого командования, но и от морального фактора: враг пришел на родную кубанскую землю. На конях с саблями против танков – это безумие, но это было. Порыв людей был настолько велик, что удержать их было невозможно. Враг топтал родную землю, сжигал хутора, угонял людей в рабство. Противник стоял у порога родной хаты. В Кубанский корпус шли семьями: приходили братья, кумовья, сваты, отец с сыном... одним словом, кровная родня. Многие друг друга знали. Рядом с Гаврилой Коломийцем были его друзья по станице – Архип Жоннер и Иван Моисеенко.

Коломиец
Валентин Гаврилович

Перед атакой Гаврила предупредил сына Валентина, чтобы он не отставал ни на шаг. Атака конницы по танковой колонне,двигающейся по ложбине, началась с фланга. Следом за танками вытянулась цепочка автомашин с сидящими по бортам немецкими солдатами. Гиканье и свист покрыли долину. Немцы выпрыгивали из машин, готовясь к стрельбе из-за кузовов, атака была такой стремительной, что фашисты, не успев выстрелить, падали, рассеченные пополам. Один из танков развернул башню и открыл огонь из пулемета по казачьей лаве. Отец скомандовал Валентину: «К танку! Иначе он перебьет всех наших! Бросаем бутылки с зажигательной смесью! Целься в башню, смотри, не промахнись! Я на моторную часть». Пули, пчелы, гудели вокруг. Валентин направил коня на танк. Пулеметная очередь полоснула по коню, и тот, двигаясь по инерции, ударился грудью в танк. Валентин успел бросить бутылку на башню. Жидкость вспыхнула и огненными ручейками потекла в смотровые щели. Отец вздыбил коня и кинул бутылку в районе мотора. Двигатель вспыхнул. Гаврила крикнул сыну: «Уходи, прыгай мне за спину!» Прыжок оказался неудачным – Валентин успел только ухватиться за луку седла. В это время рядом с ним оказалась лошадь без седока. Гаврила узнал в ней Дружка кума Ивана. Стал звать: «Дружок, Дружок!» Конь услышал знакомый голос. Остановился, заскреб копытом, признавая своих. Валентин с трудом забрался на Дружка: руки онемели, пока держался за седло отца. Услышали звуки тру-

бы «отбой атаки». Поскакали за холм. Валентин обернулся и увидел горящие факелы танков и мечущихся между ними обезумевших лошадей без седоков.

Отступление

После Куцевки полк попал в полукольцо. Вырываясь, отходили в предгорья Кавказа – за Горячий Ключ. Здесь пришлось несладко. Зачастую вступали в оборонительные бои. Началась окопная война, о сабельных атаках и не думали. Переформировались. Хотя Гаврила и был еще не стар, но после контузии под Каховкой позвоночник давал о себе знать. На коне сидеть было невозможно. Боль иглами била по спине. Видя мучения казака, командир эскадрона Николай Васильевич посоветовал перейти в фуражиры, но Гаврила запротестовал: «Есть и постарше меня. Что, решили списать? Я еще саблю в руках держать могу». Он после очередного перехода сам подошел к командиру и попросил: «Сил нет сидеть на коне, пусть будет по-вашему».

Фуражир – должность собачья: надо добывать корм лошадей. Если человек терпит, то конь – нет. Без корма на четвертый день заваливается на бок. Отступление – это страшно. Нарушены все связи, никто ничего не знает, крутись как хочешь, а лошади должны быть накормлены и напоены чистой водой. Грязную, вонючую воду из луж лошадь пить не будет.

Сына Вальку, учитывая его учебу в сельхозтехникуме,

определили в автотранспортный батальон. Валентин быстро освоился с бензовозом, на котором ездил за топливом для транспортного полка.

Степняки

После боев за Ростов в начале марта 1943 года корпус отвели на Кубань. Погода зимняя, гололед, бескормица, болезни – лошади гибли десятками. Эскадроны поредели наполовину. Казаки насмешничали над безлошадными: «Растяпа, не уберег коня. Почему вовремя не перековал? Мог и лопатой поработать, добывая из-под снега неубранный хлеб». Хлеб из-под снега – это действительно было спасение. Голодные лошади поедали зерно вместе со стеблями.

В марте на станцию Куцевская пришел состав с лошадьми из Монголии. Казаки побежали смотреть. Состав сопровождали монголы. Многие впервые видели плосколицых узкоглазых людей. Однако некоторые из них неплохо говорили по-русски. Объясняли, что лошади необъезжены, выловлены арканами в стели и погружены в вагоны. Когда открыли вагоны, казаки увидели маленьких, низкорослых лошадок, неухоженных, со скатавшимися гривами, хвостами до пола и копытами как совковые лопаты. Гаврила смотрел и думал: «Как на таком коне в атаку ходить, если через него можно перешагнуть?»

Монголы, стреножив коней, по одному выводили из ва-

гона, заваливали на бок, обрабатывали потрескавшиеся копыта. Пожилой монгол набрасывал уздечку, запрыгивал. Лошадь освобождали от пут, и она, храпя, неслась по снежному полю. Прорвала сбросить седока, но конник был ловкий и умелый. Измотав лошадь, подъезжал к казакам и кричал. «Кому? Получай! Хороший конь! Не пожалее. Всем хватит. Вспоминать старого тола будете!» Казаки переглядывались. Гаврила вышел, протянул руку: «Давай! Скажи Чойбалсану спасибо за коня!» За Гаврилой потянулись другие. Два эскадрона были укомплектованы степняками. Казаки на монголах горя не знали. Кони легко в атаку по глубокому снегу. В мороз не нужно было согревать попоной: длинная шерсть оберегала от холода. На привалах разгребали снег копытами, находили траву или неубранный урожай. Вместо воды хватали губами снег. Гаврила не мог нарадоваться: забот о лошадях убавилось наполовину. Подобрал жеребца покрупнее, посильнее. Соорудил легкие сани. Чернец, так Гаврила прозвал коня, таскал груза гораздо больше, чем выездные кони. Степняки выручили конников в боях за Польшу в болотах Мазовии. Осень – проливные дожди, дороги раскисли, а степняки знай шагали себе, шлепая широкими копытами по лужам и мочажинам. В заснеженных Карпатах казаки молились на степняков: где не могли пройти ни танки, ни машины, наши породистые ухоженные скакуны – степняки с седоками и переметными сумами шаг за шагом преодолевали перевалы.

Купание в Днепре

2 ноября 1943 года корпус Плиева форсирует Днепр южного Запорожья с задачей прорыва на Никополь. По навешенному понтонному мосту войска шли непрерывным потоком. Автотранспортный батальон, в котором служил Валентин, шел в колонне как тыловая часть корпуса. Валентин осторожно вел свой бензовоз. Дверца кабины была снята. Когда был уже на середине моста, в воздухе внезапно появились «мессершмитты» и начали расстреливать колонну. Кони в страхе бросались в воду. После переправы полк недоисчитался около сотни лошадей. Снаряд разворотил моторную часть бензовоза. Если бы попал в цистерну с бензином – не миновать беды: цистерна взорвалась бы и застопорила продвижение войск. От взрыва Валентина слегка контузило и выбросило из кабины. Зимнее обмундирование быстро намокло, стал заглатывать воду. Стоящие по бортам моста понтонщики с баграми вытащили его и с очередной машиной отправили на берег. Там растерли спиртом, переодели в сухое. К вечеру Валентин догнал колонну, но затемпературил. Удивлялся: в зимние ночи спал на снегу, а тут короткая купель – захворал. Температура 40 градусов, но баранку не бросал. В глазах рябило, кости ломило, во рту першило, дыхания не хватало. Все время думал: только бы не вывалиться из кабины под колеса. Батальонный санинструктор достал

где-то американских красных таблеток. Температуру сбили, но вялость и слабость томила больше недели.

Комсорг

После боев за Мелитополь Валентина Коломийца назначили комсоргом автотранспортного батальона. Должность ответственная. Стал при штабе батальона правой рукой замполита. Хлопот под завязку: подготовка комсомольских собраний, выпуск боевых листков, встреча молодого пополнения, доставка писем, оформление документов на награждение комсомольцев. Валентин продолжал шоферить, но теперь на штабной агитационной машине, в которой готовилась и осуществлялась политическая работа. Надо было доставать и на привалах крутить кино. Если не ладился подвоз продовольствия, то и этот вопрос нужно было решать комсомольскому вожаку. Ломалась машина – первым рядом оказывался комсорг. Но была и главная задача – обеспечение конно-механизированной группы горючесмазочными материалами.

Операция «Багратион» завершилась, и механизированную колонну Плиева бросили в образовавшуюся брешь. Конники вырвались вперед, обходя узлы сопротивления противника. Когда танкисты застревали на дорогах, которые были заминированы или заблокированы, а свернуть нельзя ни влево, ни вправо – вокруг сплошные болота, тогда конни-

кам приходилось делать многокилометровые обходы, выбивая противника с флангов и с тыла. Группа Плиева прорывалась к предместью Варшавы – Праге. 31 июля 1944 года завязались бои на окраине предместья. Встретили упорное сопротивление противника, и продвижение стопорилось, подтянулись тылы. На другой день дивизия СС перекрыла дорогу, и группировка оказалась в окружении. С каждым днем таял боезапас, не хватало горючего, продовольствия.

Генерал Плиев вызвал к себе командира автотранспортного батальона со всем штабом, спросил: «Ваши предложения – что делать. Обратно прорываться – нет ни горючего, ни боеприпасов. Бросить технику и выходить группами из окружения стыдно и бессмысленно. Немцы переловят и перестреляют, у них много накопилось зла на казаков. Мы нагнали им страху, сейчас сами оказались в мышеловке. Сидеть и ждать, когда подойдут наши части, – значит, поставить себя в безвыходное положение. Бездействие смерти подобно». Предложений было много, но ни одно не подходило. Командир автотранспортного батальона обратился к генералу: «Товарищ командующий, тут мои комсомольцы интересную мысль предложили: надо прорваться навстречу нашим войскам, но предварительно пополнить боезапас и запастись топливом как минимум на две заправки. Не все же дороги перекрыл враг. Он оседлал основные магистрали, а проселочные дороги свободны. Мои комсомольцы решили, что по проселочным дорогам мы проскочим к своим, только дай-

те нам для сопровождения роту автоматчиков, переодетых в немецкую форму, и офицеров, хорошо знающих немецкий язык и машины чтобы были трофейные». Плиев помолчал, затем сказал: «Дерзко, риск большой, но другого выхода нет. Машины трофейные под боезапас найдем, а где топливозаправщики возьмем? Придется свои под немецкий камуфляж покрасить».

К вечеру колонна машин выстроилась на обочине. Чтобы отвлечь немцев, на левом фланге начали ложную атаку. А колонна тем временем тихо, на подфарниках прошла леском на восток. На опушке наскочили на немецкий патруль. Командир роты автоматчиков, ехавший на подножке первой машины, прикрикнул на патруль: «Раззявы! Не видите, что боезапас и топливо на передовую везем!» Выехали на шоссе. Здесь колонна пошла полным ходом, никто больше не останавливал. Навстречу шла наступающие немецкие части. Командир автоматчиков, расчищая дорогу, возмущался: «Бежите, крысы, надо организовывать оборону, а вы драпаете!» Немецкие солдаты вполголоса огрызнулись: «Побудешь в пекле, побежишь, поджав хвост, вояка!»

В полдень увидели мчавшиеся навстречу краснозвездные танки, которые были брошены для деблокирования корпуса Плиева. Командир автоматчиков замахал красным флажком и передал условными знаками пароль. Танкисты остановились. Командир автоматчиков предупредил, что впереди минное поле, а на развилке стоит противотанковая батарея, —

надо обходить. Спросил, где пункт боепитания. Быстро загрузившись, помчались обратно, обгоняя танкистов. Примкнули к немецкой отступающей колонне, а затем свернули на знакомый проселок и благополучно добрались до своих.

Утром передовые части корпуса, сменяя заслоны, пробились навстречу танкам. После встречи с танкистами пополнили боезапас и топливо и получили приказ, прикрывая танковую группу, вместе с ней возвратиться обратно. Командир автотранспортного батальона подошел к Валентину: «Ну и голова у тебя! Командующий велел представить к награде медалью “За отвагу”. Говорит: пока хватит, молодой еще, навоюешься – получишь орден». Валентин засмеялся: «Это третья “За отвагу”, первая – за сожженный танк, а вторая – и вспомнить совестно – за купание в Днепре, ребята до сих пор смеются: медаль “утопленника”».

Последние бои Великой Отечественной

После боев под Прагой варшавской старшего сержанта Валентина Коломийца отправили на двухмесячные офицерские курсы, по окончании которых присвоили первое офицерское звание – младший лейтенант. Когда вернулся, корпус вел бои в Венгрии, наводя ужас на тылы противника. Под городом Дебрецен группировка Плиева была окружена и прижата к реке. Немцы любыми силами хотели уничтожить казачью группировку. Если в прифронтовой полосе прохо-

дил слух, что казаки прорвались через линию фронта, – начиналась паника. Фашисты против Плиева бросили две танковые дивизии – «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова», вооруженные тяжелыми танками «тигр», «пантера» и самоходными орудиями «фердинанд». Легкие пушки не пробивали броню этих машин. Одна надежда – минирование дорог. Машины автотранспортного батальона носились от полка к полку, доставляя свои и трофейные мины.

Однажды в сумерках на одном из поворотов в лесу машина, в которой за старшего был Валентин, наскочила на немецкий танк. Уперлась носом. Танк остановился. Видимо, танкист принял их за своих. Валентин крикнул водителю: «Быстро в кузов!» Схватил мину, взвел взрыватель и с борта сбросил на танк, шофер – другую. Танк колыхнулся и загорелся, но и машину отбросило в овраг. Валентин был ближе к кабине – это его спасло. Выбрался из-под машины, посмотрел, как горит танк на взгорке, пополз по склону вверх, ища товарища. Около куста лежало распластанное тело солдата. Валя оттащил сослуживца за машину, а сам начал пробираться к своим. Встретил конный разъезд, попросил ребят забрать однополчанина. Вытащили из-за машины, занесли в лесок. Погрузили на коня, отвезли в походный госпиталь. Конники видели обгоревший «тигр». После прорыва кольца Валентин разыскал своего комсомольца. Похлопотал, чтобы быстрее отправили в тыловой госпиталь. За смелость и смекалку в единоборстве с «тигром» получил свой первый ор-

ден Красной Звезды. В Чехословакии получил второй орден Красной Звезды – за умелую организацию комсомольской работы в полевых условиях.

Победа. Корпус переформируется, стариков с почестями провожают домой, молодежь – на учебу. Валентина направили на курсы политсостава в город Ярославль.

Единственная

1946 год. Село Михайловское гудит: «Валентин – сын Гаврилы Сергеевича Коломийца – приезжает».

Село полупустое, тихое. Немало хат с заколоченными окнами – это или не вернулись хозяева, которые успели выехать перед оккупацией, или военное лихолетье разорило. Засуха, неурожай. Многие парни, которые остались от войны, подались в Краснодар на заработки. Кругом одни девчата: на ферме, в больнице, в школе, даже в рыболовецкой артели. Старики в войну от недоедания и от тоски по сыновьям поумирали. Немощные старики управлялись по хозяйству. Ранним утром, проводив на пастбище скотину, задерживались на окраине, у въезда в село, рассевшись на бревнышках, начинали судачить. О чем бы ни говорили – а все равно разговор сводился к мужьям, сыновьям, которые не вернулись с войны. Беседуя, поглядывали на дорогу, не появится ли путник со стороны Северской, не загудит ли машина: а вдруг ее суженый или сыночек возвращается. Баб-

ка Пелагея возмущалась: «Просмотрели мы с вами возвращенца! Вчера утром, на зорьке, Сашко Перепелица на трофейном немецком мотоцикле к дому подкатил. Полгода писем не было, думали, сгинул. Орденами вся грудь увешана. Подарков привез полную люльку». Старухи перекрестились. «Слава Богу, что вернулся живой и невредимый!» Пелагея с недовольством: «Радость, что вернулся, но как-то и нехорошо: подарки-то трофейные, получается, ворованные, стыдно ведь». Старухи зашумели: «Стыдно-то стыдно, а как фашисты здесь бесчинствовали: живность забирали, отнимали патфоны, швейные машинки, велосипеды – им значит, можно было, а нам нельзя?!» Пелагея: «На то они и фашисты, нехристи, а мы православные, нам брать чужое – грех! – Закручинилась: – Моему Степанушке ничего не надо, и домой не придет, и подарков не принесет. Лежит на дне Днепра и весточки не пришлет». Матрена Кругляк вставила словечко: «Ты, Пелагея, хоть знаешь, где твой, документ есть, пенсию начислили, а мне каково? Мой Федор где-то под Новгородом Великим в болотах исчез. Пишу розыски. Отвечают одно и то же: пропал без вести». – «Матрена, ты не отчаивайся, а вдруг в плену оказался, может, после освобождения американцы к себе вывезли».

Посидев еще немного, Матрена поднялась: «Ну, бабоньки, посудачили, пора и по домам. Сегодня уже никого не будет». Старухи, опираясь на клюки-посохи, побрели. Кто помоложе – обгонял их: непозволительно в летнее время дол-

го расслаживаться. Пелагея обернулась, увидела над дорогой облачко пыли, воскликнула: «Бабоньки, стойте, кажется, машина едет!»

Машина резко остановилась около женщин, обдав пылью. Те всполошились на шофера: «Ты че, суматошный, не видишь, что люди перед тобой!» Из кабины выскочил высокий загорелый курчавый лейтенант. Припал на колено, приложил ко лбу горсть придорожной земли и проговорил: «Здравствуй, сторонушка родная, земля отчая! Здравствуй-те, мои матушки! Наконец-то у родного порога!» Женщины опешили. Пелагея бросилась на шею воину: «Племянничек ты наш, солнышко ты наше, иди скорей к матери, она все глаза выплакала по тебе! Ждет не дождется! Бабоньки, да это Валька, не узнаете, Гаврилы Коломийца сын». Бабы обступили Валентина. Каждая хотела обнять, приласкать, как своего родного.

На другой день, обходя родню, Валентин решил навестить школу. Увидев через окно молодого стройного офицера, ребятня повыскакивала из-за парт и выбежала на крыльцо. Вышли учителя. Молодая учительница с русой косой, с большими лучистыми глазами попросила учеников вернуться в класс. Обратилась к Валентину: «Товарищ лейтенант – я верно называю? А можно я вас приглашу на урок, а вы нам расскажете о себе? У нас как раз тема “Моя Родина”». На крыльце появился директор школы: «Кого я вижу! Здравствуй, Валентин! Хорошо, что вернулся живой и здоровый.

Сейчас тебя забирает Маша, а потом побываешь и в других классах. Договорились?»

Солдат, сержант, офицер, комсомольский вожак, прошедший через горнило войны, в классе растерялся, краснел, сидя рядом с Машей. Класс плыл в тумане. Валентин видел только глаза Маши, слышал ее дыхание рядом. Когда на перемене Маша провожала Валентина в соседний класс, он спросил: «Можно я приду еще раз в ваш класс?» Маша опустила голову и кивнула. Валентин схватил ее руки и шепнул: «До завтра!»

И это «завтра» стало ежедневным. Учителя заметили, что к лейтенанту пришла любовь. Мать обратила внимание: сын спит плохо, крутится, вздыхает. Как-то за ужином отец проговорил: «Ну что, Валентин, намотались мы с тобой по белу свету, пора гнездо вить. Слышал про твою зазнобушку. Маша – девушка серьезная. Родители приезжали. Видел, даже беседовал, уважаемые. Невеста ладная, не стыдно в люди выйти, характером уживчивая. Если чужих детей любит, то своих и подавно будет любить. Будем делать свадьбу. Хоть и офицер ты, но свадьбу сделаем по-старинному русскому обычаю, как положено: со сватанием, ухаживанием, гостением и пиром».

Дело закрутилось. Из отпуска Валентин возвращался с молодой женой. И прожили они душа в душу пятьдесят лет. Через месяц после золотой свадьбы в результате несчастного случая Валентин потерял Машу. Горевал страшно. Полгода провалялся в госпитале, сдало сердечко. Славно жили. На-

рожала Маша Валентину троих детей: сына и двух дочерей. Выращены, выучены, у всех свои семьи, подрастают внуки, правнуки.

Китай

Осенью 1946 года лейтенант Коломиец прибывает в порт Дальний, в 10-й Киевский Краснознаменный бомбардировочный авиационный полк, на должность замначальника политотдела по комсомольской работе. На вооружении боевые самолеты ТУ-2, которые вынесли на своих крыльях Отечественную войну. Вблизи Порт-Артура и Дальнего базируются четыре полка бомбардировочной авиации. Начальник политотдела долго расспрашивал молодого конника-казака. В конце беседы сказал: «Ну что, лейтенант, будем служить Отчизне и дальше. Значит, с коня и на крыло. Чтобы над тобой не насмехались авиаторы – а народ наш – палец в рот не клади, люди интересные, обогащены современными знаниями, любят розыгрыши, могут отправить собирать жиклеры или компрессию искать, – поэтому три месяца занятий и по каждому предмету экзамен. Задания будешь получать у инженеров служб».

Лейтенанта Коломийца ввели в экипаж начальника политотдела, на штат стрелка-радиста. И закрутилась карусель летной и комсомольской работы. Два раза в неделю полеты. Углубление знаний по теории и практике летной подготовки,

прыжки с парашютом, комсомольские собрания полка, эскадрилий, боевые листки, корреспонденции в армейскую газету, художественная самодеятельность. Но главное в авиации – полеты, полеты, полеты.

1950 год. Корейская война. Американские эсминцы «падутся» в нейтральных водах. Бомбардировщики Б-52 постоянно нарушают воздушное пространство Советского Союза. Понесет боевое дежурство эскадрильями.

Осень 1951 года. Армейские летные учения. Начальник политотдела сопровождает комиссию. Старший лейтенант Коломиец попадает в боевой расчет молодого летчика Василия Копейкина. Экипаж провел успешное бомбометание по мишени в Китайском море. При выходе самолета из пике правый мотор стал давать перебои. Машина перестала набирать высоту. Правую сторону трясло. Встречный поток воздуха раскручивал винт. Экипаж растерялся. Коломиец вспомнил инструкцию, которую недавно учил, тот пункт, где говорилось, что в случае остановки мотора винты надо поставить во флюгерное положение. Передал по радио: «Товарищ старший лейтенант, поставьте винты во флюгер». Еще несколько секунд – и самолет перестало трясти. Винты развернулись по потоку воздуха. При развороте над аэродром потеряли высоту, хорошо, что отбомбились и топливо наполовину выработано. Самолет был в облегченном варианте С СКП (стартовый командный пункт) приказали заходить на посадку по прямой. Приземлились удачно. Экипаж при-

везли к предполетной подготовки. Стали выяснять причину остановки двигателя и разбирать действия экипажа в аварийной ситуации. Старший лейтенант Копейкин честно доложил, что изначально растерялся. Хотя сейчас может до словно рассказать инструкцию «Действия летчика в случае остановки одного из двигателей». Сказал, что из оцепенения вывел стрелок-радист напоминанием инструкции. Командующий спросил: «Ну что, комсомолец, будем переучиваться на летчика? Есть желание?» – «Есть, товарищ генерал!» – «Вот и отлично». Командир полка предложил: «Я бы рекомендовал его учить на летчика-истребителя – шустр, подвижен, реакция мгновенная, это, наверное, казачья закваска».

Летом 1952 года полк передали в Тихоокеанский флот. Капитана Коломийца политотдел рекомендовал на должность заместителя начальника политотдела по партийной работе в истребительный полк морской авиации, базирующийся в поселке Унаши.

Унаши

После Китая этот кусочек родной приморской земли показался раем. Тепло, зелень, река. Рядом море, уютные домики. Подокном благоухает сирень.

Еще в 1951 году вышел приказ министра обороны: офицеров, имеющих среднего образования, демобилизовать. Валентина вызвали в политотдел армии, предложили: или

учиться в вечерней школе, или демобилизоваться.

Ночь не спали. Решали, как быть. Машенька успокаивала: «Ну мобилизуют, это даже к лучшему: я пойду работать в школу, а ты будешь заочно учиться в политехе. Родители помогут вырастить детей». Валентин убеждал: «Машенька, пойми. Во-первых, без армии я уже не могу. А во-вторых, что подумают станичники? Скажут: дослужился – выгнали». – «Я согласна с тобой. Значит, решено. Осенью – в школу. Буду учить тебя и в школе, и дома. Ругаю себя, что не настояла раньше – потеряли три года».

Соседями по дому была семья Алексея Грищенко, молодого летчика. Его жена преподавала немецкий. Валентин решил поступить сразу в десятый класс. Маша уговаривала: «Не потянешь в десятом классе, ты все перезабыл, надо сначала в девятый». Валентин горячился: «У меня за первый курс техникума по всем предметам “отлично”!» Не послушался, пошел в десятый класс. Днем полеты, вечером занятия. Засыпал на уроках. Задания не успевал выполнять. Стал получать двойки – и по немецкому, и по русскому, и по математике. Маша в конце контрольной ставила скромную двойку и расписывалась: «М. Коломиец». Соседка по дому Варвара Павловна уговаривала Машу: «Ну, ставь ему хотя бы изредка тройки. Мне жалко их. Мои тоже учатся, одно горе, а не учеба». Маша отвечала: «Не могу, Варвара Павловна, это будет нечестно, он же на виду у других офицеров. В школу он ходит за знаниями. Что толку, если я ему поставлю трой-

ку? Знаний от этого не прибавится».

После первой четверти на семейном совете было решено: Валентину надо начинать с девятого класса.

Маша валилась с ног, по ночам капризничала дочурка, днем подготовка к урокам, вечером занятия. Решили организовать семейный детский сад. Приносили и приводили детей к жене командира части, и по очереди кто-то из женщин оставался с ней досматривать за детьми.

Время бежало. В 1953 году родилась у них вторая дочурка Олечка. Валентин получил аттестат зрелости и поступил заочно учиться в военное училище по полной программе в городе Благовещенске.

Станица Слепцовская

1959 год – время замен и переводов офицерского состава Вооруженных Сил Советского Союза. При переводе есть право выбора военного округа, но всем хотелось в Киевский, Одесский, Московский, Белорусский, не было желающих в Уральский, Волжский, тем более в Северо-Кавказский.

Вызвали в штаб, спросили: «На замену записывался? Тебе сменщик приехал из Северо-Кавказского военного округа, Чечено-Ингушетии». – «Я туда не записывался». – «Тогда будешь прозябать тут еще пять лет. Ты краснодарский, а это твой округ, дом недалеко».

Хотелось смены событий, офицеры рвались в европей-

скую часть Союза.

Станица Слепцовская когда-то называлась Сунженской, в 30-е годы 19-го столетия заселялась донскими, волжскими, уральскими казаками. После гибели боевого генерала Слепцова стала именоваться Слепцовской. Пережила все трагические события кавказских войн и гражданской междоусобицы. Рядом Троицкая – за красных, Ассиновская – за белых, Нестеровская – ровно посередине разделена рвом: что к горам – за красных что к пахотной земле – за белых. Так сражались друг с другом казаки Сунженского отдела, пока не была создана Сунженская женская казачья республика, которая позже была упразднена и вошла в Чечено-Ингушскую автономию. Станица расположена в пойме реки Сунжа, в предгорье Сунженского хребта, в равной удаленности от Грозного и Орджоникидзе – по пятьдесят семь метров в обе стороны. Впереди – Черный лес, за ним – Главный Кавказский хребет.

Июль. Жара. Из-за плетней висят кисти переспелой вишни. Лесополосы желтеют поспевающей жерделей. В полях уборка урожая. Днем и ночью идут интенсивные полеты. Погода позволяет. Вокруг станицы нарезают земельные наделы возвращающимся из Казахстана чеченцам и ингушам, которые до депортации жили в горных аулах. Дают безвозвратные ссуды, на которые спокойно можно построить два многосемейных дома. Станица закольцовывается когда-то враждебным народом. Правительство Хрущева ведет жесткую по-

литику по созданию национальных кадров. Заменяется районное начальство: райком партии, райисполком, милиция, профсоюзы, торговля, руководство лесоперерабатывающего и винного заводов, табачной фабрики, председатели и состав правлений двух колхозов-миллионеров. Только в школах и больницах остаются русские: заменить их некому – тут надо работать, и выкладываться полностью. Русской молодежи работать негде. Уезжают в Грозный, устраиваются на нефтеперерабатывающие заводы. Казаки, нутром предчувствуя надвигающуюся беду, потихоньку выезжают из станицы к родственникам в Краснодарский и Ставропольский края, в Осетию и Кабарду. Идет негласное выдавливание казаков из станицы.

Валентин Коломиец в должности замполита батальона авиационно-технического обслуживания входит в лекторскую группу райкома партии. Вечерами, когда не было полетов, выступал с лекциями и докладами в клубах станиц, а по воскресеньям – на полевых станах, разъясняя национальную политику правительства Хрущева. Дома бывал редко. Все заботы по хозяйству и воспитанию детей ложились на жену. Подросла старшая дочь Танюша. стала помощницей мамы.

Летом 1960 года авиационный полк перестраивается в зенитно-ракетный, вооружается комплексом С-75М. Летный состав переучивается в городе Улан-Удэ.

В 1961 году полк становится на боевое дежурство по охране воздушного пространства города Орджоникидзе – столи-

цы Северо-Осетинской АССР.

1963 году Маша подарила мужу долгожданного сына. Назвали Сергеем. Валентин, который в компании только пригубливал, тут на радостях три дня ходил навеселе. Маша радовалась не меньше. Смеялась, говорила: «Ну что, есаул, не исчезнет «казачий род Коломийцев?»»

В 1966 году огневые дивизионы полка, базировавшегося в станице Слепцовской, передали в Нальчикский полк, а штат и технический дивизион были ликвидированы. Семьи офицеров выехали. Станица опустела и притихла. Стала чужой и непредсказуемой. Тоска напала на Валентина Коломийца, потомственного кубанского казака. К этому времени оказалось, что не только руководство станицей было изъято из рук казаков, но и половина жителей выехала из станицы. Дома за бесценок скупались кунаками. В церкви собиралось не больше двух десятков прихожан. По субботам и воскресеньям уже не было вечеров отдыха. Не гуляла молодежь по мосту через Сунжу. Жить в станице стало тошно. Военный городок опустел. Руководство района, которое когда-то льстило майору Коломийцу, теперь при встрече не замечало его.

В Нальчике жил в офицерском общежитии. В Слепцовскую приезжал только по воскресеньям. Квартиру не обещали. Майору Коломийцу В.Г., заместителю начальника политотдела по партийной работе, предложили должность замполита огневого дивизиона. Эта точка была расположена в нескольких километрах от населенного пункта. Дети подро-

ли, им нужна школа. Маша стала настаивать: «Пора иметь свой угол к старости лет, да и детей надо учить». Решили демобилизоваться: 25 лет выслуги, с фронтовыми набирается тридцать. Только на родину, в Краснодар, благо родители рядом, в станице.

Председатель Совета ветеранов 4-го Кубанского казачьего корпуса

Коломиец прописался в Краснодаре, у тещи. В ожидании квартиры жили в селе Михайловском, в старом отцовском доме, который требовал капитального ремонта: нижние венцы подгнили, угловые столбы шатались, кровля прохудилась. Денег на восстановление хозяйства не было: надо было учить детей. Да и навыки, и хватку сельского мужика Валентин растерял. Дело к старости, работу по специальности, которую приобрел в армии, в сельской местности не найдешь. В райкоме в основном молодежь. К тому же сердечко стало пошаливать. Надо искать работу понадежнее и поспокойнее. Супруга успела окончить аспирантуру, защититься. Приложить знания в Михайловском негде. Определилась с работой в городе – взяли в политехнический институт, на кафедру высшей математики. Валентин устроился на работу в краевой партийный архив, заместителем начальника отдела.

9 мая 1975 года в честь 30-летия Победы собрались ветераны Великой Отечественной войны. Из сабельной сотни

Северского района осталось 12 человек, 64 казака погибли, 17 из старшего поколения умерли от ран и болезней. Остальные уехали в город или разбежались по России.

На встрече родилась идея создать музей Великой Отечественной войны, а в нем стенд о сабельной сотне. Пантелей Груша предложил: «Было бы, казаки, здорово, если бы собрались все ветераны корпуса». Долго судили-рядили, кому это дело поручить. Гаврила не выдержал: «Что бунтуете, лучше, чем Валька, никто не сделает! Он в архиве, у него списки и адреса, по долгу службы и исполнит. А мы от имени ветеранов Северского района обратимся в краевой Совет ветеранов, чтобы утвердили его в этом деле официально и оказали надлежащую помощь». На том и порешили. Работа закипела. Был создан музей 4-го гвардейского Кубанского казачьего орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова кавалерийского корпуса в станице Пашковской – в школе № 60, в станице Елизаветинской – в школе № 73.

9 мая 1980 года в честь 35-летия Победы собралось более двухсот человек – ветеранов корпуса. Избрали комитет, обратились к краевым властям. Наладилась организационная работа.

На 40-летие Победы съехалось более полутора тысяч человек. Было решено отныне праздновать день рождения 4-го Кубанского корпуса в день, когда в 1942 году произошло сражение под Кущевской, – 2 августа.

Почти 30 лет является Валентин Гаврилович Коломиец

председателем Совета ветеранов 4-го Кубанского казачьего корпуса. Радует его работа, но и огорчает: с каждым годом меньше и меньше остается участников сражения под Кущевской.

Герой Днепра

Посвящается офицерам и солдатам второй батареи 419-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 203-й стрелковой дивизии

Босоногое детство

Мать умирала медленно, тихо. Маленький Коля, стоя у края деревянной кровати, постоянно тормозил мать, гладил холодную руку, плача, просил: «Не засыпай, маменька, не оставляй нас, плохо будет без тебя». Младшая сестренка Тося сидела у изголовья, заглядывала в ярко-голубые полузакрытые глаза, кулачками растирала по щекам катившиеся бусинки слез.

Глаза матери еще жили, смотрели на детей с тоской, но в них была уже и отрешенность...

После похорон дом опустел. Тося сидела в уголке за печкой, всхлипывая, звала: «Мамочка, где ты, почему долго не приходишь?» Коля прятал за пазухой фотографию матери, украдкой вытаскивал и целовал. Спал в обнимку с большим шерстяным платком, в котором мать зимой ходила во дворе, управляясь по хозяйству. По ночам видел сны, как, ухватившись за руки, бегут они втроем по весеннему зеленому лугу,

утопающему в ярких цветах купавицы, взлетают к облакам, и мама растворяется в небе...

Дети были малы, за ними нужен был досмотр.

Через полгода отец привел в дом женщину из соседней деревни, старую деву, не знавшую материнства. Марфа беспрестанно понукала детей, зачастую давала тычки. Отец не заступался за детей, не ссорился с Марфой, боялся, что она покинет семью. За ужином, покрикивая на детей, Марфа грозилась: «Брошу, надоело. За какие грехи Бог дал мне такое испытание: кормить, одевать, обстирывать этакую ораву». Отец молчал, только крепче сжимал край столешницы, да с такой силой, что стол начинал потрескивать. Голубые глаза отца становились сталистыми.

Заводила

Домики села Беленка рассыпались по крутому берегу Большого Иргиза – притока Волги. Село считалось зажиточным, но Николай Терентьевич Давыдов никак не мог выбраться из нужды. Когда стали образовываться колхозы, одним из первых вступил в колхоз, затем в партию. Времени на воспитание детей не оставалось. От восхода до заката отец пропадал в поле. Колхоз все крепче вставал на ноги. Николая Терентьевича сначала поставили звеньевым, затем бригадиром.

Коля рос шустрым, подвижным, самостоятельным. Был

заводилой среди пацанов. В семь лет с доской под мышкой переплывал Ирғиз. Доска была надёжной опорой, если по пути встретится воронка, куда зачастую попадали мальцы, не рассчитав свои силы, или если ноги сведет судорога. Гоня по песку тряпичный мяч, набитый куделей, Коля был отчаянным забивалой – на его счету всегда было больше всех забитых мячей. Под обрывом реки мальчишки соорудили перекладину из старой трубы, которую предварительно несколько дней драили напильникам и наждаком. Нарасщивали силу, каждый день проверяя друг у друга тугие катышки мышц на руках. И здесь Коля был впереди всех. Если случалась заварушка – ребята с разбитыми носами бежали к Коле: он рассудит верно и сумеет помирить драчунов. Рыбалка – любимое дело сельских ребят. После смерти матери Коля часто убегал на речку, где под камнями ловил налимов и выронов. Научился кресалом и трутом разводить костер. Завернув добычу в лопух, жаривал ее в золе. В семь лет научился плести лески, знал, какой волос надо выдернуть из конского хвоста. Мастерил рыболовные снасти. Гнул, расковывал, закалял крючки. На столе не переводилась рыба, мачеха стала реже покрикивать на Колю, видя, что растёт смышленный парень. Перед школой он уже читал по слогам и учил своих друзей. Отец после каждой полочки покупал детям книжки.

Школа мужания

В 1932 году отец отправил Колю в первый класс. Занималась с ними старая-престарая учительница, которую в школу под руку приводила взрослая внучка. Вести уроки ей было трудно, но преподавателей не хватало. Первого сентября 1933 года директор школы завел в класс худенькую, бледную курносую девчонку с конопушками на щеках, подстриженную под горшок. Сказал ребятам: «Это ваша классная руководительница, она будет вас учить дальше, зовут ее Татьяна Ивановна». Ребята удивленно смотрели на нее и думали: «Какая она Татьяна Ивановна, она Таня».

Татьяна Ивановна приходила в школу аккуратная, голубая кофточка с заплатами на локтях и серая юбочка отглажены. В один из дней Татьяна Ивановна зашла в класс, придерживаясь за парты, устало села за учительский стол, но когда после звонка стала подниматься – покачнулась и упала. В беспамятстве шептала: «Хлебушка, хлебушка». Коля подбежал к питьевому бачку, набрал кружку воды и стал брызгать ей в лицо. Татьяна Ивановна открыла глаза и проговорила: «Извините, дети». Ребята помогли встать и гурьбой повели домой. Учительница жила в домике на окраине села. Хозяева уехали в город, и председатель сельского совета определил ее на постой в этот дом.

Татьяну Ивановну уложили на железную кровать, засте-

ленную серым солдатским одеялом. Коля заглянул в стол, на полки – кругом шаром покати. В тумбочке нашел мешок с несколькими зернами пшеницы, из которой Татьяна Ивановна, деля зерно по горсточкам, во дворе на таганке варила кашу. Каждый месяц полпуда пшеницы выписывали в правлении колхоза Татьяне Ивановне на пропитание. Но к концу срока мешочек оказывался пустым. Последние несколько дней Татьяна Ивановна пила только кипяток, бросая туда горсти рябины или корочки сушеных яблок.

Коля дал команду: «Девчата, по домам и тащите у кого что есть съестного». Сам с ребятами пошел за село, под буйраками набрали хворосту и будылей кукурузы и, перевязав брючными ремнями и бечевками, притащили в дом. Натопили печь, накрыли стол. Коля сбегал домой, принес кринку молока. Усадили Татьяну Ивановну за стол и стали потчевать. Татьяна Ивановна обнимала ребят, и крупные слезы падали в кружку с молоком. Спросила: «Можно я все это оставлю на потом? После голода нельзя наедаться досыта». Ребята, перебивая друг друга, закричали: «Татьяна Ивановна, мы решили, у кого есть корова, по очереди каждый день приносить вам кружку молока, по кусочку хлеба и у кого что есть. Татьяна Ивановна, не беспокойтесь, мы поговорили с родителями, они знают о нашем решении». После этого корзина, стоявшая на столе в углу класса, заполнялась продуктами.

Через пару месяцев Татьяну Ивановну было не узнать.

Щеки порозовели и округлились, волосы подросли, она заплетала их в две косички, что смешило ребят.

Весной Татьяна Ивановна вместе с учениками сажала огород. Колин отец, теперь уже председатель колхоза, где-то достал козу и пару курочек, завез два короба кукурузных кочерыжек для топки печи. Татьяна Ивановна бегала с ребятами на рыбалку, играла с ними в футбол. На фронте в минуты затишья Николай вспоминал эти чистые и светлые дни.

Коля учился прилежно, старательно выполнял домашние задания, на уроках был весь внимание, и, хотя на переменах ходил колесом, директор школы ставил его в пример. После пятого класса в летние каникулы отец стал привлекать его к работе по посадке деревьев в создаваемых лесополосах.

В 1938 году, в связи с переводом отца на новое место работы, семья переехала в город Пугачев. Здесь Коля успевал участвовать во всех школьных мероприятиях. Руководил спортивной секцией, был капитаном футбольной команды. На зимних и летних спартакиадах города он и его друзья занимали почетные места. Принимал активное участие в художественной самодеятельности, виртуозно играл на балалайке. Но любимым его занятием было плавание и прыжки с десятиметровой вышки.

Когда посмотрел фильм «Чапаев», а ребята, бегая в соседние села, умудрялись смотреть его по несколько раз, другие увлечения отошли на второй план. Чапаев стал любимым героем в играх. Право командовать Коля взял на себя. На

берегу Иргиза сооружались окопы, насыпался бруствер. Из досок, реек, палок мастерились винтовки. Из старого плуга, труб, самовара создавался пулемет, который громко та-рахтел, пыхтел и изрыгал искры. На железную бочку без дна натянули бычью шкуру – и барабан готов. Был свой Петька – Колин друг Валера Серегин и, конечно, пулеметчица Анка – Тося, сестра Коли. Никто не хотел быть в числе белых. Бросали жребий. В старое ведро насыпали белые и серые камушки, окатыши с берега реки. Кто вытаскивал белый – тот беляк, кто серый – тот чапаевец. Белые отходили к берегу, метров за четыреста. Коля взмахивал флажком. Барабан начинал монотонно стонать. Капелевцы выстраивались в плотный ряд и под оглушительные звуки барабана с винтовками наперевес двигались на чапаевцев. Нервы Чапаевцев на пределе, метров за сто до подхода белых чапаевцы с криками «ура!» выскакивали из окопов, держась по пять-шесть человек за жердь. Мчались вперед, оттесняя капелевцев к реке. Тут уже на помощь кидались зрители – малыши и взрослые, крича: «Дави гадов!» Капелевцев загоняли по шею в воду и, довольные, возвращались на исходные рубежи, возбужденно обсуждая: «Как мы им дали!» Каждый раз перед началом игры Коля просил: «Без моей команды в атаку не подниматься». Но это было бесполезно. Кто-нибудь выскакивал из окопов или подбегали зрители, крича: «Че лежите, бей беляков!»

1941 год. Закончен девятый класс. Коля бежит домой с

кучей похвальных грамот: за отличную учебу, за участие в самодеятельности, за гимнастику, за первенство города по плаванию, за меткую стрельбу.

Путь к ненависти

Днем 21 июня прибегает домой отец: «Война, сын, война серьезно и надолго, враг силен и опасен, объявлена всеобщая мобилизация». 24 июня, в день 17-летия Николая, семья прощается с отцом. Отец наказывал: «Смотри, Коля, если придет и твой черед, не посрами семью и род Давыдовых. Мы с честью и славой служили России, твой дед Терентий завоевывал и устанавливал советскую власть. Не было бы этой власти – не был бы я, крестьянский сын, председателем колхоза, а батрачил бы на какого-нибудь пузана. Вы с сестрой выросли и выучились, у тебя девять классов, а у сестры – семь. Иди и учись, все дороги открыты. Сестра уже помощница по хозяйству. 15 лет – можно сказать, невеста, тебе 17 – по крестьянским обычаям – мужик. Марфу берегите, хоть и не родная кровь, но она вас вырастила, выходила, малыши остались от матери, сейчас здоровье у нее неважное».

За неделю Николай повзрослел, почувствовал себя главой семьи, ответственным за дом. Игры были заброшены, рыбалка – только по необходимости. Надо было запастись топливом на зиму, кормом для коровы. Здесь, в Пугачеве, ввиду плотности застройки пришлось отказаться от живности,

оставили только корову.

Враг захватил Прибалтику, Белоруссию, Украину, подошел к Воронежу, шли бои за Ростов. Война приближалась к дому.

В первый день занятий осенью 1941 года в школе зачитали приказ военного комиссара области: «Все допризывники мобилизуются на оборонные работы». Зачем-то всем выдали противогазы. Объявили, что выезд от школы в 6 часов утра.

Утром десятка два полуторок потянулись за город, в сторону Саратова, на Лысые горы. Каждому отряду был определен участок работ. Рыли противотанковые рвы шириной и глубиной по два метра, за ними окопы для пехоты, в полный рост. Грунт – спрессованный известняк, работать приходилось ломом и киркой. К вечеру ломило спину, рябило в глазах. От рукавиц, которые выдавали перед работой, оставались одни лохмотья. Спали в палатках. Кормежка была не ахти: утром перловая каша, чай и ломоть хлеба, в обед густой суп из баранины и перловки, вечером долька селедки, хлеб и несладкий чай. После разгрома немцев под Москвой, по окончании работ на укрепрайоне в январе 1942 года старшеклассников отпустили домой. Был приказ Сталина дать возможность окончить десятый класс.

В старый Новый год семья Давыдовых получила похоронку на отца: «Давыдов Николай Терентьевич, политрук стрелкового батальона прорыва, погиб в наступательных боях под

Волоколамском».

23 февраля в школу пришел райвоенком и зачитал приказ о награждении орденом Красной Звезды выпускницы Пугачевской школы 1941 года Наумовой Юлии, радистки десантного батальона. Девушка погибла в боях за оборону Москвы. Вручая награду было некому В июне 1941 года вся семья добровольцами ушла на фронт, хотя отец Юлии – офицер запаса, танкист раненный на Халхин-Голе, – был освобожден по болезни. Мать – врач, начальник санчасти полка – погибла под Ельней. Орден передали директору школы. Коля с пятого класса был влюблен в Юлию, отличницу, непоседу, организатора вечеров в школе, с толстой русой косой и большими серыми глазами. Юлька об этом знала, поэтому всем ухажерам давала отбой, объясняя: «Мой жених скоро подрастет», – и трепала Колю за непослушный вихор пшеничных волос. Девушка часто приходила на берег реки, когда Коля рыбачил, подсаживалась рядом, молчала, вглядываясь в быстрые струи воды. Потом обнимала Колю за плечи и шептала: «Ну, Коленька, любовь моя, я пошла, хорошо?» У Коли замирало сердце, слова застывали в горле, лицо становилось пунцовым, и он кивал головой. Коля долго прислушивался к замирающим шагам Юлии, боялся обернуться – стыдился ребят.

Впервые после смерти матери Коля разревелся навзрыд, локти стучали о парту. Директор, сгорбленный, седой старичок, подошел, обнял: «Не плачь, солдат, скоро отомстишь за

отца и за Юлию. Юлия перед отправкой на фронт заходила ко мне и просила передать: «Если погибну, скажите Коле, что я его любила больше жизни»». После этого сообщения Николай стал молчалив, задумчив. В голове беспрестанно билась одна мысль: «Отомстить, отомстить за отца, за Юлию, за родных и близких, за поруганную землю». Каждый вечер бегал в тир и тренировался в стрельбе, пока не стал выбивать тремя пулями три десятки.

Как только Николай сдал выпускные экзамены, он пришел в военкомат и стал проситься на фронт, на что ему ответили: «Подожди месяц, в августе очередной набор в Пугачевское артиллерийское училище, у нас нехватка призывников со средним образованием». Николай, подумав, согласился: отца нет, в доме останутся две женщины, надо подготовиться к зиме.

Верность воинскому братству

В июле 1942 года немцы начали мощное наступление в районе Ростова-на-Дону, прорвали фронт севернее города по Северскому Донцу и Дону. Одна группировка войск рвалась к Сталинграду, другая – на Северный Кавказ. Немецкие самолеты бомбили Саратов. В августе по ночам за Волгой было видно полыхающее небо. Фашисты подходили к Сталинграду.

Началась учеба в военном училище по сокращенной про-

грамме. Готовили офицеров противотанковой артиллерии. Все школы города были переоборудованы под госпитали, а родная школа Николая была передана под военное училище, в котором он сейчас учился. Курсанты по редким выходным дням посещали госпитали. Местные ребята успевали забежать домой, чтобы прихватить для раненых кто что мог: тетради для писем, махорку, яблоки из зимних запасов. В госпиталях увидели тяжесть войны воочию. Солдаты и офицеры рассказывали о зверствах фашистов на захваченных территориях. Николай видел, как изменился город. Рабочие заводов не отходили от станков по 10-12 часов. Хлеб выдавали по карточкам, запасы горожан быстро истощались. Знакомые сообщали горестные вести о гибели родных, близких, товарищей, соучеников.

Первоначальная бравада скоро улетучилась из сознания, было одно желание: быстрее освоить технику и вооружение, которое они изучают.

В марте 1943 года младший лейтенант Давыдов Н.Н., успешно окончив училище, был направлен в 419-й отдельный истребительный противотанковый дивизион 203-й стрелковой дивизии на должность командира огневого взвода. Дивизия была сформирована в марте 1942 года в станице Лабинской Краснодарского края и уже имела опыт боев: форсировала реку Дон в районе хутора Верхне-Матвеевского, захватила плацдарм и удержала его, чем отвлекла на себя часть войск противника, прорывающихся к Сталинграду.

Дивизия участвовала в окружении и разгроме немцев под Сталинградом в составе Донского фронта. Вместе с Николаем в дивизион попали его земляки Партусов Сергей и Французов Валерий.

Сердца солдат и офицеров дивизии были полны ненависти к врагам, люди готовы были идти на самопожертвование, чтобы отстоять честь и свободу своей Родины. Дивизион состоял из трех батарей 45-мм орудий и роты ПТР. Солдаты эти орудия называли «прощай Родина», так как их пробивная способность была незначительной, они поражали только легкие танки, а у средних – бортовую броню. Противотанковые батареи были в составе полков и использовались на танкоопасных направлениях. Расчеты орудий были дополнительно вооружены противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Младший лейтенант Давыдов представился командиру батареи старшему лейтенанту Краснокутскому, высокому, ладно скроенному, лобастому, с аккуратно подстриженными усами, с двумя орденами Красной Звезды на груди. Давыдов уже знал, что старший лейтенант воюет с начала формирования дивизии, среди солдат славится бесстрашным, но строгим командиром, солдаты и офицеры любят его за расторопность и распорядительность. Командир батареи спросил: «Не крещен еще боем? Ну да что я спрашиваю – совсем еще малец». Николай смолчал, но при следующем вопросе: «Стрелять умеешь?» – выпалил: «Товарищ старший лейтенант, между прочим, я лучший стрелок

района по пулевой стрельбе, а на экзамене по огневой подготовке поразил все цели на “отлично”. – «Смотрел твою характеристику, думаю, не подведешь батарею, иди, принимай взвод».

Отмщение

В марте части дивизии входят в район Боково – Антрацит, а затем передислоцируются через Ворошиловград в район Каменское – около города Старобельск. В период мая – июня дивизион перевооружается 57- и 76-мм пушками. Вторая батарея вооружается 57-мм пушками. В конце августа – начале дивизия ведет кровопролитные наступательные бои на Северском Донце – в районе Голой Долины. Временами в воздухе находилось более сотни самолетов противника. Артиллеристы больше гибли от огня авиации, чем от поединков с танками. При передышках артиллеристы говорили: «Лучше бы с танками воевать: их видишь, чувствуешь на собственной шкуре, ведешь бои на равных. А тут сыплет сверху – никуда не спрячешься, окопчик зачастую становится могилой». Расчеты пушек в течение двухнедельных боев почти полностью поменялись. Николай удивлялся, кто и что бережет его в этом вихре огня и металла. Шло мужание молодого офицера, впереди был жестокий враг, и его надо было уничтожать.

Давыдов Николай Николаевич

Из характеристики на награждение младшего лейтенанта Давыдова Н.Н. медалью «За отвагу»:

«В районе Голая Долина взвод Давыдова Н.Н. вместе с

наступающей пехотой первым ворвался в село, уничтожив пять огневых точек, захватив гусеничный тягач. 23 сентября в районе Капговка взвод Давыдова Н.Н. уничтожил три пулеметные точки и более 20 солдат противника. Младший лейтенант Давыдов Н.Н лично прямой наводкой уничтожил огневую точку».

Кстати, захваченный в бою под Голой Долиной гусеничный тягач верой и правдой служил батарее до конца войны.

25 сентября батарея получила приказ поддержать танковый батальон в наступлении. При атаке два наших танка были подбиты. Давыдов засек немецкую батарею 85-мм орудий. Развернул свои орудия и прямой наводкой расстрелял батарею противника, уничтожив личный состав, захватив орудие, которое было передано в третью батарею. Танки, прорвав оборону немцев, устремились вперед. Противник начал с правого фланга контратаку. Впереди справа была болотистая местность, через нее тянулась гать с мостиком посередине. Когда первый танк выскочил на мостик, Давыдов сам стал за орудие, прицелился – и танк с перебитой гусеницей развернулся на мостике, закрыв дорогу остальным машинам. Это был первый подбитый младшим лейтенантом Давыдовым танк. Огнем батареи были подбиты еще два танка, остальные попятились. Танковая контратака была сорвана. Пехота успешно овладела селом Краснопольское.

Сражение за Днепр

419-й отдельный дивизион, приданный 610-му полку, второй день был на марше, сминал отдельные очаги сопротивления противника. Вражеские войска, боясь повторения Сталинграда, спешно отступали за Днепр. Был приказ Днепр форсировать с ходу, чтобы отступающим немецким частям не дать закрепиться на правом берегу.

27 сентября в двух километрах от излучины Днепра, в районе села Вовнич, под обрывистым берегом речушки командир дивизиона капитан Чкаусели собрал офицеров и зачитал директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года о представлении к награждению за форсирование водных преград. Было объявлено: кто при форсировании Днепра проявит смекалку и мужество, чья часть первой займет плацдарм на правом берегу и удержит его до подхода основных сил – те будут представлены к званию Героя Советского Союза. Капитан предупредил, что надо быть готовыми к переправе на подручных средствах – лодках, плотках. Напомнил, что правый берег Днепра крутой, местами обрывистый, что, по разведанным, вдоль Днепра идет сплошная линия обороны противника, в несколько рядов траншеи, проволочные заграждения, сплошные минные поля. Командирам батарей приказал установить взаимодействие с командованием подразделений, которые они будут

прикрывать при захвате плацдарма. Отдав приказ приступить к подготовке форсирования Днепра, командир дивизиона распустил офицеров во вверенные им части.

Батарея старшего лейтенанта Краснокутского должна была поддерживать 1-й батальон 610-го стрелкового полка. Командир батареи, проверив готовность личного состава к переправе, собрал батарейцев под старым вязом. Зачитал приказ, поставил задачи орудийным расчетам. Предложил старшине разлить трехдневную норму спиртного по фляжкам, но приказал: «Перед боем не употреблять, только после переправы. Вода холодная, земля сырая после дождей, на том берегу спирт пригодится больше».

Пожилые солдаты, сержанты обменивались адресами, выцарапывая их на котелках и ложках. Давали друг другу клятвы в случае гибели сообщить родным, а после войны помочь семье в воспитании детей, навестить старую мать. Обменивались на память фотографиями, кисетами.

В час ночи поступил приказ выдвинуться на исходный рубеж. Чтобы не гудели моторы тягачей, пушки катили к берегу на руках с помощью пехотинцев. Уже на самом берегу измотанный последними боями Давыдов прилег на плащ-палатку и провалился в такой глубокий сон, что связной от командира батареи долго не мог его разбудить. Придя в себя, Николай спросил: «Что случилось?» – «Вас срочно к командиру». В палатке при свете фонариков командир батареи рассматривал карту, разложенную на ящике из-под сна-

рядов. Попросив Давыдова подойти поближе, комбат стал разъяснять боевую задачу: «Сейчас на лодках отправляем разведчиков – и от пехотинцев, и от артиллеристов. Их задача – разведать огневые точки врага, расположение окопов от уреза воды. Задача взвода лейтенанта Давыдова прикрыть их и закрепиться на том берегу. Вам придают роту солдат и десятерых артиллеристов, на случай выбытия расчетов из строя. Вы форсируете Днепр первыми». Под ложечкой засосало, мысли бежали одна за другой, боялся, что могут подбить понтон на переправе, тогда пушки и расчеты окажутся в воде. Вода – это его стихия, он-то выплывет, а вот что делать дальше без орудий и расчетов – не миновать позора. Лишь бы выбраться на берег, хоть с одной пушкой, а там его голыми руками не возьмешь.

Катер на малых оборотах медленно тащил понтон вдоль левого берега против течения. Давыдов дал команду зарядить орудия и поставить на предохранители. Катер развернулся и под углом направился к правому берегу. На середине реки выключили двигатель, и катер с понтоном по течению стали приближаться к берегу. Метров за двадцать до берега с катера подали команду отцепить буксировочный трос. Затем катер развернулся, а понтон по инерции двинулся к берегу и врезался в песчаную отмель. Расчеты сбросили сходни и стали спускать пушки. Палуба понтона освободилась от груза, выправилась и издала громкий «вздых». Немцы выпустили десятки ракет. Берег осветился, расчеты были как на

ладони. Подбежали разведчики, разъясняя обстановку. Солдаты тащили сходни к обрывистому берегу. Пока вытаскивали пушки, немцы открыли ураганный огонь. Давыдов дал команду: «Открыть огонь по фашистам!» После нескольких залпов автоматный огонь противника утих. Пехоте был дан приказ продвигаться вперед, но два пулемета – с левого и правого флангов – прижали пехоту к земле. Пулеметы били по очереди: две-три минуты один, затем другой. По вспышкам месторасположение огневых точек противника определить было трудно, однако дзот правого пулемета разведчики засекли еще ночью. Орудийный огонь быстро подавил его, но левый пулемет бил безостановочно. Два орудия стреляли по предполагаемому месту расположения пулемета. У Давыдова мелькнула мысль: «Амбразура дзота прикрыта бронированной плитой». Подбежал к первому орудью, оно в это время замолчало – командир орудия сержант Сирота Иван Максимович лежал рядом с лафетом иссеченный пулями, а лучший наводчик дивизиона Летников Степан, держась за пробитую пулей голову, сидел неподвижно у затвора. Давыдов приказал заряжающему: «Заряжай бронебойным!» Тот бестолково посмотрел на Давыдова и проговорил: «Зачем? Там нет танков, нет...» Давыдов закричал: «Заряжай, приказываю зарядить бронебойным!» Немецкий пулемет в это время перенес огонь на другое орудие. Давыдов Хорошо видел вспышки, сам прицелился и выстрелил. Пулемет замолчал. Пехота ринулась к траншеям. Немцы, понеся потери от

огня артиллерии, покинули первую линию окопов. Давыдов дал команду: «Пушки вперед!»

Забрезжил рассвет, но густой утренний туман окутал реку. В окопе Давыдов столкнулся с командиром роты пехоты – молоденьким, худеньким, измазанным грязью лейтенантом. Прокричал: «Жив, лейтенант?» – «Пока живой». – «Связь есть?» – «Есть Рация, но повреждена, барахлит, связаться не могу». Светало. Подбежал солдатик, доложил: «Товарищ лейтенант, у берега кто-то в кукурузе шелестит». Лейтенант приказал: «Возьми свое отделение и прочеши кукурузу». Через несколько минут привели двух здоровых, упитанных немцев с рацией. Оказались немецкие разведчики, которые были посланы, чтобы узнать, какие силы высадились на берег. Давыдов приказал немцев не уничтожать, хорошо связать – пригодятся, а пока по их рации, совместив с нашими частотами, передал, что плацдарм захвачен. Командир полка ответил: «Держитесь, начинаю переправу на подручных средствах». Немцы открыли шквальный огонь из дальнобойных орудий, но туман мешал вести прицельный огонь. Когда солнце рассеяло туман, солдаты уже расширили плацдарм, захватив вторую и третью линии траншей. Через Днепр наводился понтонный мост. Над мостом завертелась карусель воздушных боев». Наши истребители не подпускали немецкие бомбардировщики к переправе, но дальняя артиллерия и минометы наносили значительный урон форсировавшим Днепр войскам. Понтоны разворачивало, орудия

и танки сваливались в реку. Заводились новые понтоны – и переправа войск продолжалась.

К десяти часам утра все орудия дивизиона были переправлены на отбитый у немцев плацдарм. Командир дивизиона капитан Чаусели объявил Давыдову, что будет представлять его к Герою Советского Союза, и передал, что командир батареи старший лейтенант Краснокутский тяжело ранен, на переправе ему оторвало правую руку. Командиром батареи назначен старший лейтенант Зуев Константин Тимофеевич.

Немцы беспрестанно вели по нашим позициям артиллерийский огонь, штурмующая авиация парами заходила, бомбила и расстреливала бойцов в окопах. Наша истребительная авиация была задействована на прикрытии переправы. Поступил приказ расширить плацдарм в глубину на 5-6 километров. Дивизия натолкнулась на вторую полосу обороны, более укрепленную. Немцы оправались, подтянули резервы. Контратаки следовали одна за другой. От артиллерийского огня погиб командир батареи Зуев и шестеро солдат. Связь не работала. Из офицеров осталось только двое – он, лейтенант Давыдов, и младший лейтенант Щербак Иван Петрович, который после окончания прибыл в дивизион перед форсированием Днепра. Давыдов объявил, что командование батареей берет на себя. Николая ранило. Осколок вошел в правое предплечье и застрял в кости. Санинструктор расширил рану и пинцетом пытался вытащить осколок, но не получалось. Вызвали мастера-оружейника, который кругло-

губцами вытащил осколок.

Около двенадцати часов немцы прекратили огонь и контратаки. По рупорам объявили: «Ждите важное сообщение». Нам была необходима передышка, чтобы отправить в тыл раненых, пополнить боезапасы, заменить выбывшие из строя орудия, ровно в двенадцать часов в небе появился легкомоторный немецкий самолет и стал разбрасывать над нашими окопами листовки, где сообщалось, что немецкое командование приготовило для русских мыло и мочалки – в час дня будут купать в Днепре. Над позициями стояла гнетущая тишина, только слышался стук кирок о неподатливый грунт. Дивизия закапывалась в землю. Батарее Давыдова достался участок шириной около 70 метров. Сориентировавшись на местности, Давыдов определил, что орудия надо расположить уступом назад, так как впереди был овраг под углом к передовой. Было ясно, что танки пойдут в обход оврага, подставляя бока под удар.

Ровно в тринадцать часов услышали тяжелый надрывный гул, подумали, что это массированный налет тяжелых бомбардировщиков, но небо было чистое. В это время разведчик доложил: «Товарищ лейтенант, танки!» Давыдов в бинокль увидел выдвигавшуюся из-за холма колонну танков, которая медленно разворачивалась в боевой порядок. Насчитал 40 танков и 20 автомашин с пехотой. Фашистские чудовища подходили все ближе и ближе. Из автомашин стали выпрыгивать солдаты мотопехоты, рассредоточивались за танками.

По телефону командир полка передавал: «Будем держаться насмерть!» Лейтенант Давыдов дал команду: «Батарея, к бою! Прицел шесть! Без команды огня не открывать». Пехотинцы, находясь впереди, занервничали и стали кричать: «Артиллеристы, стреляйте! Почему не стреляете? Стреляйте!» Батарея молчала. Танки подошли к оврагу и стали обходить его, подставляя свои бока. Давыдов дал команду: «Огонь!» С первого залпа были подбиты четыре танка, следом еще два. Огонь шел и с соседних батарей, а Днепра билась дальняя артиллерия. Пехота стреляла из винтовок, автоматов, пулеметов, снайперских винтовок, отсекая немецкую пехоту от танков. Прорвавшиеся танки забрасывали гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Фашисты не выдержали мощного сопротивления, начали отступать, оставляя на поле боя горящие танки, автомашины и раненых. Отошли за высоту, перегруппировались и вновь атаковали наши позиции. Вторая атака быстро захлебнулась: артиллеристы в первом бою успели пристреляться на местности, да и мощь противника была уже не та. Воинский дух немцев был сломлен, они с опаской продвигались к полю боя, прячась за подбитые танки, и как только высовывались из-за укрытия, тут же попадали под прицельный огонь.

После двух танковых атак враг оставил на поле боя 24 танка, 20 разбитых автомашин, массу личного оружия. Батарея Давыдова понесла большие потери: прямым попаданием полностью были выведены из строя два расчета. Погиб друг

Николая, земляк, командир орудия старший сержант Кузькин Василий Васильевич, погибли два отличных наводчика – Побасенкин Фома и Понаморов Михаил. Давыдов был ранен в шею, пуля прошла над предплечьем, слегка задев центральное сухожилие, голову развернуло влево, шея не вращалась, боль била в затылок. Трудно было говорить и двигаться. Собрал оставшихся в живых солдат батареи. Приказал раненых отправлять в санчасть, которая развернулась на берегу, под обрывом. Раненые солдаты и сержанты просили: «Товарищ лейтенант, давайте похороним боевых товарищей, прощаемся по русскому обычаю, а потом уже кто в госпиталь, кто в санчасть. Мы стали одной семьей, воюем вместе полгода, идем с боями из-под Сталинграда». Поступила команда собрать убитых и похоронить. Командир дивизиона капитан Чкаусели попросил разрешения похоронить артиллеристов отдельно. Николай стоял на коленях перед лейтенантом Зуевым и повторял: «Как же это тебя, Костя, угрозило, что скажу селянам?» Оба из одного района, только Зуев был на два года постарше, воевал с первого дня войны. Вместе окончили ускоренные офицерские курсы, дружили, делились друг с другой самым сокровенным. Лицо лейтенанта Зуева почернело от пороховой гари, курносый нос заострился. Давыдов закрыл глаза другу и, положив ладонь на его лоб, сказал: «Константин, не беспокойся, отомщу за тебя и погибших товарищей, постараюсь дойти до Берлина и пальнуть из нашей пушки по рейхстагу».

С закатом солнца немцы прекратили атаки. Капитан Чкаусели – среднего роста, со светло-кариими глазами и темно-русыми вьющимися волосами, с длинными усами, которые он постоянно подкручивал, подвижный, сыпавший шутками-прибаутками, частенько повторявший, что только он – гуриец родом из города Ланчхути – истинный грузин, а остальные грузины – мингрелы, сваны, имеретинцы, кахетинцы, аджары – «наши родственники», – построив остатки дивизиона, поблагодарил всех за выдержку, выносливость, за взятие и удержание плацдарма. Капитан особенно отметил огневой взвод лейтенанта Давыдова, который вместе с бойцами пехоты первым высадился на плацдарм, расширил его и удержал до подхода основных сил. За отвагу и проявленное геройство Давыдов будет представлен к званию Героя Советского Союза. Завтра документы будут оформлены и переданы командиру дивизии.

28 сентября немцы с утра начали усиленно бомбить боевые порядки полка. Дивизион нес потери. Николай, хватаясь за голову, кричал: «Лучше бы танки, там врага видишь, и бой выигрывает смекалка, выучка и смелость, а тут полное бессилие». В середине дня сообщили, что погиб командир дивизиона капитан Чкаусели. Солдаты и офицеры переживали: они любили шустрого, настырного, веселого, но требовательного командира.

Бои продолжались, о наградах тогда мало думали, была

одна забота – освободить родную землю. В день 50-летия Победы бывший командир орудия старший сержант Максимов Иван Евгеньевич спросил: «Николай, а где же твоя Звезда Героя Советского Союза? Я хорошо помню, как вечером 27 сентября 1943 года перед строем командир дивизиона объявил, что будет писать представление на тебя. На другой день меня ранило, и я провалялся по госпиталям». Давыдов ответил: «Иван, сам знаешь, не до героев было, тогда на плацдарме за три дня боев от Дивизиона из старослужащих осталось два десятка человек, а сейчас Союза нет, куда и кому писать, да и из дивизиона нас осталось, как видишь, двое».

4 октября 1943 года на плацдарм прибыла 8-я армия Чуйкова. 203-ю стрелковую дивизию вывели на переформирование.

Бои за новый плацдарм

Дивизия пополнялась личным составом и вооружением. Возвращались из госпиталей раненые. Давыдов каждый день бегал в штаб дивизиона и отбирал себе в батарею обстрелянных солдат: с ними спокойнее и надежнее, они и без команды знали свое дело.

10 октября 1943 года дивизию перебросили к Запорожью. Город был окружен советскими частями, но немцы оказывав отчаянное сопротивление, борясь за город как за будущий плацдарм для наступления. В уличных боях снова отлич-

лась батарея лейтенанта Давыдова. Поддерживая пехоту, батарея уничтожала огневые точки врага – как в подвальных помещениях зданий, так и на перекрестках улиц. 14 октября 1943 года Запорожье был взят. 29 октября дивизию перебросили южнее Запорожья – в район поселка Старый Кичкос. Форсирование Днепра началось 30 октября 1943 года. Правый берег был сильно укреплен, создана глубокоэшелонированная оборона. Левый берег был пристрелян дальней артиллерией. Фашисты понимали, что в случае захвата плацдарма южнее Запорожья их войска на выступе Днепропетровск – Запорожье оказались бы в кольце.

И снова, как и при форсировании Днепра в районе села Вовниче, дивизион – в передовой группе войск. Днепр здесь был гораздо шире, пехота форсировала реку с рассветом на подручных средствах уже более продуманно. Саперы сооружали плоты-катамараны, куда затаскивались крупнокалиберные пулеметы и даже 45-мм пушки. Тяжелая техника переправлялась двум понтонным мостам. Вода кипела от разрывов снарядов, мин, бомб. Кругом ухало, грохотало, стонало. Понтоны разрывало от прямого попадания бомб, но переправа работала, войска расширяли плацдарм. Дивизию ввели в бой с ходу, при взятии второй линии обороны.

Батарея Давыдова была поставлена задача подавить огневые точки противника на ширине фронта 200 метров. Танков на этом участке не ожидалось, так как местность была изрезана глубокими промоинами и оврагами с уклоном в сто-

рону Днепра. Через каждые 20 метров были огневые точки немцев – или дзоты, или бронированные колпаки. Они были хорошо замаскированы, оборудованы запасными позициями. Из-за холма по плацдарму били минометы и тяжелая артиллерия. Батарея несла потери. Давыдов после первого форсирования Днепра и боев за Запорожье не успевал запоминать лица и фамилии батарейцев. Контратаки следовали одна за другой, пространство впереди было усеяно трупами немецких солдат. Когда после артиллерийского обстрела первое орудие замолчало, Давыдов побежал туда и увидел, что расчета нет. Одних солдат засыпало землей, от других остались только части тел. Орудие завалилось набок. Впереди бил пулемет, не давая пехотинцам поднять головы. Давыдов подозвал пехотинцев, поставил орудие на станину, проверил – затвор работает, но прицел был искорежен. Через ствол прицелился на огневую точку, загнал в ствол бронебойный и выстрелил – пулемет замолк, вторым осколочным уничтожил расчет. Но соседний пулемет бил безостановочно по расчету второго орудия, не давая ему открыть огонь. Давыдов подбежал ко второму орудю. Возле лежали иссеченные пулями командир орудия и наводчик, а в окопчике сидел заряжающий. Давыдов крикнул: «Где остальные?!» – «Раненые они, отошли в тыл». – «А ты почему здесь?» – «Да не смог я, ноги перебиты». – «Подожди маленько, закончу с пулеметом, перевяжу тебя, а то ребята гибнут». Николай зарядил бронебойным. Прицелился в бронированный колпак.

Выстрелил. Колпак «вздрогнул», но снаряд не пробил его. Пулемет смолк. Давыдов снова зарядил бронебойным, прицелился под основание колпака. Пулемет в это время снова заговорил, и пули застучали по бронешитку. Давыдов успел выстрелить и спрятаться за щиток. Снаряд попал под основание бронеколпака. Колпак подскочил вверх и опрокинулся. Давыдов вытащил раненого из окопчика, разрезал сапоги и увидел, что стопы ног болтаются на сухожилиях. Удивился, что при таком ранении почти не было крови. Отсек ступни кинжалом, перетянул брючным ремнем у щиколоток и потащил солдата на командный пункт батареи. Приказал санитару оттащить к берегу на перевязочный пункт. Солдат тоскливо смотрел на Давыдова, криво улыбался и тихо повторял: «Спасибо, комбат... Спасибо, комбат... Степанов я, Петя... Из села Варваровка, я вас сразу признал, вы к нам приезжали с футболом командой, нам три мяча забили. Я вас не забуду, что спасли меня, не волнуйтесь, я живучий – выживу».

Продолжалась переброска войск на правый берег. У Давыдова от усталости подкашивались ноги, голова гудела, глаза слипались. Но в мыслях только одно: отбивать, отбивать контратаки. Давыдов собрал батарею. Два расчета были выведены из строя полностью, разбито одно орудие и еще одно повреждено. В других расчетах батареи осталось по два-три человека. Решили из двух покореженных орудий своими силами сделать одно. Давыдов доложил командиру дивизиона положение дел, попросил пополнения грамотными солда-

тами. Назначил исполняющих обязанности командиров орудий. Дал указание восстановить обвалку вокруг орудий и окопчики для расчетов и, отужинав спать. Подъем в четыре утра. Солдаты засыпали, сидя с кружками чая в руках, прислонившись друг к другу спинами.

Проснувшись, Давыдов нашел промоину, заполненную водой. Пробил сапогом лед и, обжигаясь холодной водой, обтерся по пояс. Боль в голове утихла. Подошел молоденький младший лейтенант с группой солдат и доложил о прибытии пополнения. Давыдов распределил солдат по расчетам, показал младшему лейтенанту его пушки, а сам с проснувшимися солдатами стал восстанавливать орудие. Приказал сменить некоторые огневые позиции, отрыть запасные окопчики в полный профиль. С рассветом в термосах притащили горячую пшеничную кашу с салом, чай, несколько буханок поджаренного, хрустящего хлеба. Тыловая команда собирала убитых.

Утром 1 ноября над позициями полка несколько раз пролетала немецкая «рама». С десяти утра немцы начали контратаку, но уже не такие массированные, как 30 октября. Вечером пришел приказ: «2 ноября начать наступление, овладеть третьей линией обороны и развивать наступление дальше». Фашисты подтянули резервы, основательно укрепили третью линию обороны. Дивизия три дня вела штурм, и только пятого утром, после ночных атак, оборона противника была прорвана.

В это время советские войска сражались за Киев, там шли уличные бои. Чтобы отвлечь наши войска от Киева, немцы 6-го ноября начали ложное контрнаступление на участке фронта 203-й дивизии. К середине дня в батарее Давыдова оставалось одно орудие и три человека расчета. Когда был тяжело ранен командир взвода лейтенант Щербак Иван Петрович, Давыдов сам стал к орудию и повел огонь по пехоте противника. Немцы бросили 12 танков на правый фланг дивизиона, надеясь на узком участке прорвать оборону. Танки поддерживала тяжелая артиллерия и авиация. Первый танк подорвался на mine, второй танк подорвал, когда тот обходил воронку и подставил борт. И в это время рядом с орудием разорвалась 250-кг бомба. Давыдова приподняло – от страха, как в детстве, он успел свернуться клубочком – швырнуло на землю, и сотни килограммов грунта обрушились на него. Ударной волной с него сорвало сапоги, и голые ноги торчали из земли. Вечером 6 ноября, откапывая убитых и раненых, обнаружили, что в лейтенанте есть признаки жизни.

...Месяц провалялся Давыдов в госпитале в скрученном состоянии, пока не привели его в нормальное положение. Еще два месяца не слышал, не видел, не говорил. Первое, что он услышал и увидел, была синица за окном, которая настойно стучала клювом по стеклу – просила пищи. Раненые зачастую ее подкармливали, прибив снаружи под форточкой дощечку. Был зимний солнечный, яркий день. Свет

резанул по глазам. Николай закрыл их, долго не открывал, думал, не сон ли это. Но стук повторился. Николай приоткрыл глаза и снова сквозь ресницы увидел синицу. Хотел закричать, сказать, что видит и слышит, но получилось лишь мычание. Давыдов соскочил, стал размахивать руками, показывая на синицу. Кто-то застучал костылями по двери. Прибежала медсестра. Увидела размахивающего руками и показывающего на окно Давыдова, обняла его и заплакала, приговаривая: «Слава Богу, родненький, видишь, выходила радость матери!»

Когда была завершена Корсунь-Шевченковская наступательная и Левитан по радио читал приказ Ставки о присвоении особо отличившимся в боях частям и соединениям наименованиях гвардейских и Корсунских, раненые, повскакивав с кроватей, стояли у репродуктора и кричали: «Ура! Ура! Ура!» Николай тоже пробовал, но какой-то комок по-прежнему мешал говорить, а так хотелось заорать... Но когда назвали его родную 203-ю дивизию, Николай вскрикнул. Все замолчали, обернулись к нему. Стали давать советы: «Давай, давай, лейтенант, выдавливай!.. Давай, мычи громче!» И Давыдов выкрикнул: «Наши там». Бросился по коридору, крича: «Наши там, наши там». Побежал к главврачу просить, чтобы выписали. Главврач вызвал лечащего врача, расспросил об истории болезни, попросил Давыдова: «Давай не будем торопиться, пару недель полечимся, это дело такое: сегодня речь есть, а завтра ее нет, так же, как зрение или слух.

Повоевать еще успеешь, впереди Европа». Давыдов согласился.

В апреле Николай выписывался. Попросил, чтобы направили его в свою часть.

Освобождение Европы

В августе 1944 года дивизия готовилась форсировать Дунай. Дивизион расположился в крупном селе. Войск было много, хаты переполнены. Давыдов, к этому времени уже старший лейтенант, разместив своих батарейцев, сам остался без ночлега. Заглянул в соседний двор, в глубине которого стояла не большая, свежевыбеленная мазанка под соломенной крышей. У калитки высокий плотный офицер раскуривал трубку, длинные курчавые волосы падали на глаза, он пробовал забросить их пятерней назад, но они снова падали на глаза. Офицер пробасил: «Ну что, старшой, остался без ночлега? Заходи, я тут ода места хватит...» Лицо и голос лейтенанта показались Давыдову знакомыми. Он подошел ближе и очутился в медвежьих объятиях. Лейтенант басил: «Комбат, родной, товарищ Давыдов...» Николай вспомнил: младший лейтенант Щербак Иван Петрович, командир второго взвода его батареи, учитель физики, сибиряк с Алтая, был тяжело ранен при повторном форсировании Днепра. Воевали-то вместе всего пять недель, зато воспоминаний – на всю жизнь. В батарее Щербак был неразлучен с ба-

яном, особенно любил играть вальсы Штрауса. За любовь к музыке и большие голубые глаза его прозвали «морской сибиряк». Давыдов знал, что Щербак отлично играет и на баяне, и на гитаре, и на трубе. Поэтому, заметив, что Иван тоскливо смотрит на гитару, висевшую на стене, Николай спросил: «Иван, сыграй». Щербак вытащил правую руку из кармана брюк, на руке отсутствовали фаланги указательного и большого пальцев. Давыдов спросил: «Это там, на плацдарме 5 ноября? Но при таком ранении – подчистую». Иван ответил: «А кто будет мстить за моих двух погибших братьев? Только вот за форсирование Днепра и бои за переправу кроме полосок за тяжелые ранения ничего не имею, но не обижаюсь, винить некого, командиры гибли один за другим, радуюсь тому, что я живой, прибыл в свою родную дивизию на должность командира артиллеристов четвертой батареи». Давыдов тут же написал представление к награде на лейтенанта Щербака Ивана Петровича и побежал с ним к командиру дивизиона.

После форсирования Дуная, на границе с Венгрией батареи Давыдова и Щербака оказались рядом. Давыдов стал наводить справки и узнал, что в боях на румынской земле Щербак И.П. снова отличился и был приглашен на вручение награды к командующему армией, который, узнав, что Щербак учитель физики, уговорил его ехать учиться в артиллерийскую академию.

В районе Дебрецена немцами была окружена объединен-

ная группировка под командованием генерала Плиева, куда входил 4-й Кубанский казачий корпус, который громил тылы врага. Корпус вел бои с немецкой танковой дивизией «Мертвая голова», которая была вооружена тяжелыми танками «тигр» и «фердинанд». В помощь группировке 4-го казачьего корпуса была брошена армейская артиллерия, куда входил 419-й отдельный истребительный противотанковый дивизион. Командование дивизии на деблокирование казаков выдвинуло всю противотанковую и зенитную артиллерию. Дивизион расположился на танкоопасном направлении. Батарея Давыдова стала в створе между двумя оврагами, которые сходились позади батареи. Танки сначала шли фронтальной атакой, но по мере приближения вытягивались в колонну по два.

Когда до танков оставалось метров триста, батарея Давыдова открыла огонь, но танки продолжали двигаться. Давыдов видел как снаряды выбивали искры из лобовой брони «тигров» и рикошетом отлетали в стороны. Восемнадцать снарядов выпустил расчет, которым командовал Давыдов, но «тигр» продолжал двигаться. Разворочено снарядом одно орудие батареи, за ним другое. Артиллеристы гибли один за другим. Давыдов сам припал к прицелу, руки дрожали, пот заливал глаза. Танк выскочил на проплешины метрах в пятидесяти от позиции. Давыдов прицелился по правой гусенице. Выстрел. Танк дернулся, прополз метра три и завалился в промоину, подставив левый борт, но продолжал ве-

сти огонь. Давыдов снова прицелился, на этот раз под башню, стараясь вывести из строя поворотный механизм, вторым снарядом заклинило башню, третьим снарядом поразили моторную часть. Танк загорелся. Выскочившие танкисты побежали в овраг, но расстреливать их было некому. Второй танк, обходя первый, подставил борт, и расчет второй пушки с двух снарядов поджег его. Дорога на батарею между оврагами была перекрыта. Задние танки стали разворачиваться и отходить в тыл. С воздуха на отступавшую колонну «тигров» и «пантер» пара за парой заходили штурмовики. Немецкие танки вспыхивали один за другим и горели дымными кострами.

Батарее был дан приказ выдвинуться вперед и срочно развернуться к бою. Давыдов стал в бинокль рассматривать позиции противника. Внизу из-за густого дубового леса выскакивали конники и рассыпались в лаву, впереди развевалось красное знамя. Солдаты закричали: «Наши! Казаки! Ура!» Взвились зеленые ракеты. Приданная пехота и расчеты орудий выскакивали из окопчиков, бросали вверх пилотки, палили из автоматов. Николай, размахивая флажком, побежал вниз по склону. Навстречу мчался знаменосец. Передав знамя ординарцу, с коня ловко спрыгнул пожилой казак с лохматыми усами, выющим из-под кубанки чубом, высокий, статный. Схватив Николая в объятья, целовал, приговаривая: «Спасибо, сынок, выручил! Раньше мы фашистам жару давали, а тут они нас крепко зажали танками. Мы бросались

из одного места в другое, ища бреши. Мы на конях, а каково раненым. Спасибо вам и командованию дивизии. Вовремя подоспели, а то от «тигров» и «пантер» отбою не было, наша легкая артиллерия их броню не берет. Войне конец, сынок. После войны жду тебя на Кубани, в станице Новодмитриевской, Григорий Гуща я, найдешь, меня там все знают. Давай на память портсигарами махнемся». Давыдов, виновато улыбаясь, ответил: «Не курю я». Казак обрадованно: «Да я тоже не курю, но от тоски иногда балуюсь, портсигара-то нет, а вот кисет есть – это память, дети из школы, в которой я учился, прислали». Закурили... Подскакали остальные конники, и мощное «ура!» стояло над широкой долиной. Победа была рядом.

После боя под Дебреценом 203-ю дивизию перебросили в Чехословакию. Был апрель, в долинах стояло солнце, а в горах лежал снег. Тяжело давались горные перевалы. Дороги были разбиты, машины буксовали, пушки приходилось вытаскивать на руках. Чехи и словаки встречали советские войска как освободителей. В каждом селе артиллеристы были желанными гостями. Немцы отступали, оставляя отдельные очаги сопротивления на перевалах, переправах, узлах пересечения дорог.

203-й дивизии был дан приказ рассечь немецкую группировку войск генерала Венцеля восточнее Праги. После освобождения Праги нашими войсками отдельные части армии Венцеля продолжали оказывать сопротивление. Последний

бой батарея Давыдова провела 12 мая 1945 года в районе села Штаенберг вблизи границы с Германией.

Маньчжурия, Хинган

После короткой передышки дивизию перебросили на Дальний Восток, и в начале июля она вошла в состав Забайкальского фронта.

Батарея усиленно готовилась к боям с японскими войсками. С 8 августа после преодоления Хинганского перевала сражались в Маньчжурии, освобождая города Чехар и Меле. Давыдов Николай Николаевич после разгрома Квантунской армии продолжал служить.

Давыдов Николай Николаевич родился 24.06.1924 г. в селе Беленка Саратовской области в бедной крестьянской семье.

1928 г. – умирает мать.

Отец – председатель колхоза, председатель сельсовета. В октябре 1941 г. призван в Красную Армию. В январе 1942 г. погиб под Москвой.

1932 – 1942 гг. – учеба в школе.

Август 1942 г. – март 1943 г. – курсы младших лейтенантов.

Март 1943 г. – 12.05.1945 г. – фронт в составе отдельного истребительного противотанкового дивизиона, командир

взвода, командир: батареи, трижды ранен (один раз тяжело).

08.08. – 02.09.1945 г. – участник войны с Японией.

1948 г. – курсы усовершенствования офицерского состава.

1951 г. – курсы политсостава.

1952-1954 гг. – Высшая школа пропагандистов СА и ВМФ

До 1971 г. – служба в Советских Вооруженных Силах, пропагандист высшего военного училища, начальник политотдела, полковник.

1971 г. – преподаватель истории КПСС в Краснодарском политехническом институте.

1972 – 1989 гг. – преподаватель истории КПСС в КубГУ.

В рядах Вооруженных Сил – 29 лет, прошел путь от рядового до полковника.

Сейчас заместитель председателя Совета ветеранов университета по патриотическому воспитанию молодежи.

Несмотря на свой возраст, выступает в школах вузах, училищах, разъясняя роль и задачи Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны, воспитывая молодежь на подвигах своих однополчан.

Мужество

Нашествие

Село вторую неделю жило в напряжении. Хотя фронт был далеко, но по ночам над горизонтом полыхало зарево. Земля содрогалась – немецкие самолеты бомбили соседнюю станцию. Из дома в дом передавалось незнакомое, устрашающее слово – эвакуация. В школе был организован призывной пункт. Стояла длинная очередь – мужчины, женщины, дети. Военком выбегал, садился на ступеньках, закуривал, хватался за голову. Проблем было много: негодные к службе старики требовали, чтобы их записали, доказывали, что они имеют на это право: воевали в германскую и гражданскую, у них есть опыт, а молодые пусть подрастут, окрепнут и научатся воевать. Многие приходили семьями и просили направить их в одну часть. Молодые девчата, держась за руки своих суженых, настаивали, что пойдут служить с ними вместе. Парторг, бледный, тощий, постоянно кашляющий – после финской две пули сидели в легких, – собрал в правлении актив, инструктировал по методам подпольной работы: распределял обязанности, определял явки, разъяснял правила конспирации на случай прихода фашистов. Председатель колхоза – грузный мужчина, с широким лбом, лысый, –

стоя в бричке, мотался по селу – от фермы к конному двору, от амбаров с зерном к правлению. Собрать народ было трудно, некоторые еще два дня назад, узнав, что фронт прорван, ушли на восток. Вроде и паники нет, но люди то бежали на призывной пункт, то мчались на выгон забирать свой скот, то, стоя группами, смотрели на немецкие самолеты, которые, как коршуны, черной стаей летели на восток. Председатель, понимая, что хлеб не вывезти, дал команду бригадирам раздать хлеб по домам по количеству едоков. Старики, бабы, подростки покатали тачки, хватали оставшихся в конюшнях лошадей, запрягали и ехали к амбарам. Стадо коров успели угнать за реку. Председатель дал команду: кто хочет эвакуироваться – забирайте лошадей и организованно после обеда отправляйтесь, отъезжающих будет сопровождать парт-орг. Селяне стояли у калиток, и лишь немногие решились уезжать из родного дома. Куда? Сейчас лето – тепло, а придет зима? Остаться без крыши над головой, без хозяйства, а чем жить? Многие помнили, как в 1918 году немцы пришли и быстро ушли. Люди думали, что и теперь это временно. Красная Армия сильная. Заманит гитлеровцев, а потом как даст им по шее и погонит обратно.

На закате в село вошла отступающая часть. Солдаты были в пыли, грязные, обтрепанные, с натертыми ногами. На нескольких машинах и повозках везли раненых. Председатель дал команду затопить бани, напечь хлеба, обстирать солдат. Через полчаса дымилась полевая кухня. Селяне нес-

ли кто что мог. Грузили на солдатские подводы. Многие раненые были совсем плохи. Командир части – майор с землистым лицом, обвисшими усами – попросил председателя оставить тяжело раненных в селе, предупредив, что это опасно, – пусть жители скажут, что это их мужья, сыновья, родственники, немцы могут быть тут ночью, хотя оставлены заслоны на реке, но боеприпасов хватит на час боя, не более.

Прихватив колхозные повозки и заправившись бензином, отступавшая часть ночью покинула село. Нависла гнетущая тишина, только порой слышно было, как воют собаки, тоскуя по своим хозяевам, которые ушли, побросав родные очаги. На заре петухи не возвестили о начале утра, какой-то молодой прикукарекнул, но тут же смолк. Воробьи не купались в дорожной пыли. Багровое солнце медленно поднималось над домами. Было слышно, как за леском, у реки идет бой. Прилетели самолеты, раздались глухие удары взрывов бомб – и смолкло. А через несколько минут из-за дубравы выползла черная танковая змея.

Оккупация

Выстрелы разорвали деревенскую тишину. Танки вели огонь по церковной колокольне. Колокольня наклонилась и рухнула. Из дворов бросались на черные чудовища собаки. Немцы, гогоча, расстреливали их. За танками в село въехали автомашины, в которых сидели немцы, многие играли на

губных гармошках. Остановились на площади в центре села. Люди, прячась за калитки, заборы, поглядывали, что будут делать немцы. Появился счетовод Ефим Подколодкин с домочадцами и рядом с ним Колька Свистунов, который отбыл срок за разграбление сельского магазина. Подковылял и Марк Степанович – колхозный кладовщик, отец которого до революции владел маслобойней и магазином. Подбежал дед Устин, староста церкви. Хотя церковь и была закрыта с 1935 года, но дед Устин следил за порядком и сохранностью и не допустил, чтобы в церкви сделали клуб. В школе преподавал немецкий. Был начитан. Опрятен, рассудителен. Селяне любили деда Устина и шли к нему за советом. Дед Устин стал отчитывать немецкого офицера за разрушенную колокольню: «Вы говорите, что коммунисты безбожники, но они не насмеялись над чувствами верующих, сохранили церковь, она не только украшение села, но и памятник деревянного зодчества». Немец внимательно слушал деда, говорившего на чистом немецком языке, но когда дед Устин сказал: «Как вам не стыдно, вы же христианин», – резко хлестнул Устина стеком по лицу. Дед схватился рукой за скулу и выкрикнул: «И это культурная Европа, это высшая раса!» Офицер кулаком в перчатке ударил Устина в переносицу. Устин упал. Немец с каким-то звериным удовольствием пинал Устина, пока тот не перестал стонать. Фашист крикнул: «Убрать!» Два здоровых солдата ухватили Устина и потащили к церкви, положили у входных дверей.

На площадь въехал автобус, из которого повыскакивало до двух десятков человек с повязками «Жандармерия».

Ефим Подколодкин распределил немцев на ночлег по домам. До утра слышались пьяные песни, крики детей, визг поросят и вой собак. Утром фашисты уходили из села, оставляя груды мусора, поломанные палисадники и плачущих обезбещенных девчат.

Женщины открыли церковь, отпели Устина и похоронили в ограде. Он имел на это право – хранитель храма.

Жандармы разместились в школе. Днем всех – от мала до велика – согнали на площадь. Объявили, что старостой села будет Ефим Подколодкин, а Марк Степанович – его помощником. Кольке Свистуну поручили формировать отряд полицаев: «Кто не захочет добровольно – заставим силой». Колхозный амбар превратили в тюрьму. Жандармы ходили по дворам с Ефимом Подколодкиным, искали раненых красноармейцев.

Староста

Ефим вначале как-то совестился, потому что всех знал, в колхозе к нему относились уважительно. Вышел встречать немцев, опасаясь, что найдется какой-нибудь прихвостень и погубит людей ни за что. Немцев знал по первой мировой. В 1915 году в Польше попал в плен. Три года был в плену. За свою смекалку был у крупного бауэра за управляющего.

После капитуляции Германии в ноябре 1918 года домой возвращаться не спешил – порядка тут было больше, чем в России. Но тяга к родным местам, а главное престарелые родители понудили Ефима вернуться на Родину. Немецкую речь понимал, даже сносно говорил. Ему не верилось, что трудолюбивый немецкий народ можно так исковеркать, пробудить в нем звериные инстинкты.

Жандармерия проводила перепись населения от 12 до 60 лет, особо обращала внимание на подростков. Через неделю списки были готовы. Но ночью школа загорелась. Полиции успели повыскакивать, а списки сгорели. Той же ночью в окно к Ефиму Подколодкину влетел камень с запиской, что если и дальше он будет прислуживать немцам, то сожгут его вместе с домом. Ефим испугался больше, чем прихода немцев. Дома старая жена и малолетняя внучка Анфиса. Начались облавы. Жандармерия перебралась в здание больницы. Колька Свистунов извивался перед жандармами, обещая найти поджигателя. Селяне отправляли подростков в соседние села – к знакомым и дальним родственникам. Но ребята возвращались, сообщая, что там молодежь вербуют для отправки в Германию. В селе по ночам стали появляться пробирающиеся на восток красноармейцы. От немцев был строгий приказ: кто будет укрывать – расстрел.

Комсорг школы

Колька Свистунов выловил в селе до десятка старшеклассников. В амбарах их пытали. Село по ночам не спало, слышали, как оттуда раздавались душераздирающие крики. Вину за поджог школы взял на себя Саша Федоров, комсорг, сын директора школы. Директор школы с женой и тремя детьми уехали на Урал. Саша, видимо, был оставлен для подпольной работы.

В воскресенье с утра моросил дождик. Народ согнали на площадь. От амбаров перевязанного колючей проволокой вели Сашу к виселице, установленной напротив правления. Когда-то кудрявые темно-русые волосы от крови слиплись на голове. Один глаз был выбит. Мускулистое тело было в синяках и кровавых подтеках. Перед помостом Саша попросил распутать проволоку. Остановился и во всю глубину легких прокричал: «Не становитесь на колени, бейте фашистов, наши придут!» Офицер ударил его парабеллумом по голове. Саша упал на колени. Прохрипел: «Поднимите! Советские люди не умирают на коленях». Немцы потащили Сашу к виселице, прикладами автоматов нанося удары в грудь, в лицо. На подмостках Саша уже был мертв. Фашисты долго надевали петлю. Люди отворачивались и плакали. Повесили на грудь доску, на которой было написано: «Партизан». Остальных ребят выпустили.

Дима Перепёлкин был рад, что никто на допросах не проговорился. Это они втроем – Саша Федоров, он и Петька Крюков – подожгли школу, вылив на стены два бидона керосина.

После этой беды Ефим Подколоткин слег. Старостой села назначили Марка Степановича.

Зверь

Марка как будто подменили. Упоенный властью, он стал выгонять из домов тех, кто когда-то был причастен к его раскулачиванию, а также активистов колхозного движения, грозился повесить всех комсомольцев. Наложил оброк на селян, чтобы по очереди каждый день его с Колькой Свистуновым и начальником жандармов приглашали в гости, ставили бы четверть самогона, и чтоб обязательно были молодухи. Гулянье шло до утра.

Через три месяца жандармерия из села ушла, остались начальник жандармерии и десяток полицаев во главе с Колькой Свистуновым. Двое полицаев были свои, пятерых Колька разыскал в соседних селах, и трое из дезертиров-красноармейцев. Во время гулянок троицу охраняли полицаи, расставленные вокруг дома. Из степенного Марка Степановича Занозы бывший кладовщик превратился просто в Занозу. Жена и дети ушли жить к бабушке.

Свой день рождения Заноза справлял у себя дома – широ-

ко. Полицаи были со своими зазнобами. У Занозы появилась какая-то пришлая любовница – молодая грудастая девица, певунья и плясунья. Утром выпал первый снежок. По селу разнеслась весть: Колька Свистунов и Заноза повешены, а в доме Занозы валяются связанные пьяные полицаи без штанов и с вырезанными мошонками. Кто-то сообщил в управу соседнего села. Приехал карательный отряд. Всех мужчин и подростков погрузили в грузовики и отправили на станцию. Каратели неделю зверствовали в селе, но так и не узнали, кто это сделал. Селяне сами гадали, кто это мог сотворить. Горевали по мужьям и детям, но и гордились: «Отомстили, на колени не встали».

Чужбина

На станции селян рассортировали, отделили стариков, мужиков и подростков. Питались теми запасами, что успели прихватить из дома. Пригоняли, привозили народ из соседних сел. На третий день начали формировать эшелон. В вагоны-теплушки набивали под завязку. Голый пол, печка-буржуйка, два ведра с водой и старое ведро в углу для отходов. В один вагон с Димой попали восемь подростков из родного села. Он знал их – это были его товарищи по школе, кроме двух, которые уже окончили курсы трактористов. Договорились, что будут держаться вместе. Дима управление группой взял на себя. Заняли один из углов вагона, поближе к

окошку. При посадке успели натаскать угля и щепок – собирали на путях. Со скрипом звякнула дверь. Охранники замотали задвижки проволокой. Четвертый день в пути. По дороге Дима слышал, как стучали буфера: подцепляли дополнительные вагоны. Ночи стали холоднее. Буржуйка была накалена докрасна, но даже возле нее не было жарко, а по углам вагона – совсем холодно. В щелях свистел ветер. Начались потасовки за место у печи. Отнимали друг у друга скудные запасы еды. Дима решил бежать. По доносившимся на станциях голосам он догадывался, что поезд идет через Польшу. Юноша за эти дни вытянулся, скулы обострились, щеки ввалились, на лбу, над переносицей появилась складка, карие глаза поблекли, в них запала тоска. Его все время мучили вопросы: «Как там мама с двумя братишками и сестренкой? Что с отцом, где воюет, жив ли?.. Так больше нельзя, надо действовать». Обследовал вагон: на окнах колючая проволока, на полу толстые доски, оторвать их нечем. Единственное место, через которое можно выбраться, – это отверстие для трубы от буржуйки. Охотников бежать через узкое отверстие больше не нашлось. Чужая страна: куда побежишь, к кому пойдешь? Остудили печь, вытащили трубу, отодрали лист железа, через который она проходила, и выпихнули Диму. Едва он успел растянуться на крыше вагона, как поезд влетел в туннель. Справа была скала, слева – обрыв к реке. Диму одолел страх, возникло желание вползти обратно, но, вспомнив судьбу Саши Федорова, он стал спус-

каться по скобам вниз. Темнота ночи пугала неизвестностью. Отцепившись от последней скобы, Дима полетел под уклон насыпи, обдирая лицо и руки о колючий кустарник. Бултыхнулся в воду, которая холодом обожгла тело. Поток потащил по камням. Кое-как перебрался на противоположный берег. Знобило. Набрел на тропинку, которая привела к сторожке. Светало. Поднялся по ступенькам и без памяти упал на помост. Проснулся. Двое здоровых пожилых мужчин растирали его тело мочалкой, смоченной в спирте. Жарко топилась печь. Стал понимать кое-какие слова из разговора незнакомцев. Испугался – это немцы. Дима бредил. Кричал по-русски. Звал маму. На третий день пришел в себя.

В неволе

Через неделю Диму привели в небольшой горный поселок. Дима напрягал память и вспоминал немецкие слова. Стал соображать, что находится в Австрии. Кто-то сообщил в управу. Приехали жандармы и забрали в лагерь, который располагался за перевалом, в долине.

В лагере находились французы, бельгийцы, норвежцы и несколько русских, которые остались в Австрии после первой мировой войны. Лагерь был обнесен колючей проволокой, охранялся часовыми на вышках и собаками. Жили в бараках. Жилье было сносное. Двухъярусные нары, дерюжное постельное белье. Каждую неделю баня. В 6.00 подъем,

в 7.00 завтрак: ломоть черного хлеба и кружка ячменного кофе. 7.30 – построение, проверка. В 8.00 спуск в шахту. В 14.00 обед: миска овощного супа на комбижире и кусок хлеба. Вечером поварешка ячневой каши и чай из диких сушеных яблок. Конец работы в 20.00 Вечерняя проверка и отбой в 22.00. От усталости люди снопами падали на лежаки. С ними в шахте работали местные жители – бригадирами, взрывниками, откатчиками руды. После взрыва ломками, кайлами, кувалдами, кирками разбивали руду на мелкие куски и грузили в вагонетки. Надсмотрщики не давали передохнуть ни на минуту. Пыль забивала легкие. Дима догадывался, что это не железная и не медная руда. В кусках руды были большие темно-серые вкрапления. Австрийцы говорили, что это молибден. Ходили слухи об урановой руде. Через полгода работы люди начинали слабеть, душил кашель. От недоедания, рабского труда, замкнутости пространства и безысходности рабочие таяли, как свечи, и по утрам после подъема на работах оставались лежать холодные тела. Если кого отправляли в лазарет в соседний барак, то оттуда никто не возвращался.

Дима решил бежать. Раздобыв стеариновую свечу и клубок суровых ниток, после обеда незаметно уходил в выработки, блуждал по туннелям старых разработок, оставляя метки, чтобы не повторять свой путь. Через несколько дней нашел подземный ручей. Недалеко обнаружил второе отверстие, видимо, ручей когда-то изменил русло. Отверстие – широкая дыра, отшлифованная водой за столетия, – уходи-

ло вверх, откуда проникал слабый свет. На другой день Дима принес кирку и, делая выемки, стал пробиваться на поверхность. Щель постепенно расширялась, подниматься стало легче. На седьмой день выбрался наружу. Спустился обратно. У местных рабочих стал спрашивать, что за местность. Выяснилось, что недалеко итальянская граница. Дима стал основательно готовиться к побегу. В июне в горах поспели лесные ягоды. Дима запасся крепкой десятиметровой веревкой. По выходным на солнышке сушил сухари. Учил немецкий по детским книжкам, которые приносили ему австрийцы. Приглядывался к другим пленным: в дороге нужен надежный напарник. Диме нравился жилистый, лет тридцати француз Жак. Объяснялись на смешанном французско-немецком языке. Оказался член французского Сопротивления, спортсмен, чемпион Савойи по вольной борьбе. Тайну побега Дима не раскрывал, проверял. Говорил, но не договаривал. Знал, что француз пробовал бежать, но был схвачен собаками. На ногах плохо заживали рваные раны от укусов собак. Когда Дима раскрыл суть побега, француз обрадовался. Ходил по бараку, хлопал товарищей по плечам, те не могли понять, чему он радуется. Француз стал убеждать Диму: «Мы убежим, а другие останутся погибать? У нас есть тайный комитет, хотя всем доверять нельзя, могут оказаться предателями, но двум-трем товарищам я скажу, пусть после нашего побега подождут месяц и действуют по своему усмотрению».

Свобода

Конец июня. Заранее спрятав в штольне веревку, кирку, продукты, одежду, Дима с длинноногим отощавшим французом после начала работы незаметно устремились по выработке к выходу. Оказавшись наверху, свалились от усталости под деревом. Француз тормозил Дмитрия: «Надо идти, а то могут хватиться и пустить по следу собак». Подъем был крутой. К середине дня поднялись на вершину хребта. Вдали на юг виднелись горы, покрытые снегом. Дима подумал: может, вернуться обратно? В бараке есть угол, горячий обед, но там была неволя. Воздух один и тот же, но в лагере он тяжелый, давящий. Француз торопил, окликал Диму по-своему: «Дюма». К вечеру спустились в долину. Если на хребте свистел ветер, то здесь было тихо и тепло цвели дикие розы, журчал ручей. Размочив корочки хлеба, закусывая дикой земляникой – отобедали. Наломали веток для лежанки, улеглись спать. Костер разводить побоялись. К утру похолодало. Повскакивали, умылись из ручья и по распадку стали подниматься к снежной вершине, зная, что за этой горой Италия. Поднимались целый день, цепляясь за уступы скал. Утопая по колено в снегу, взобрались на перевал. Солнце катилось к закату. Руки и ноги окаменели, насквозь пронизывал жгучий ветер. Над перевалом стоял туман. Сил идти не было, хотелось прилечь, но француз кричал: «Дюма! Нельзя ложиться,

надо спускаться вниз». Связавшись веревкой, по снегу катились вниз, тормозя толстыми сучьями. На середине горы зиял обрыв. Дима неумело затормозил и повис над пропастью. Жак, упершись в сосну, успел задержаться. Вытаскивая, ругал Диму: «В горах надо быть внимательнее, я родился и вырос в горах Савойи, в местности Энье-ле-Бен. Горы всегда таят опасность». Подниматься и обходить обрыв – опасно: по хребту граница. Решили спускаться здесь.

Опустили веревку, метра два не хватало до выступа. Напустили брючными ремнями, закрепили за сосну. Первым спускался француз. Повис на конце веревки и ухнул на выступ скалы. Прыжок оказался неудачным. Дима видел, как француз морщился от боли. Привстав, он дал команду спускаться Диме. Тот ленно заскользил по веревке, боясь сорваться. Уцепился мертвой хваткой за ее конец и завис. Жак приказал: «Дюма, прыгай!» Дима отпустил веревку и оказался в объятиях товарища. Упали вместе на щебень. Француз посетовал: «Дюма, у меня что-то с ногой неладно, не могу встать, посмотри». Дима ощупал. Кость цела, но у щиколотки припухлость. Дима и ребята из футбольной команды часто вывихивали ноги, а его бабушка их выправляла. Дима видел, как это делается. Предложил: «Жак, потерпи, я все исправлю». Покрутил ногу влево, вправо и дернул. Жак вскрикнул, капельки пота выступили на лбу. Посидели, попросил: «Давай попробуем идти, уже ночь, мы тут замерзнем».

Нога ныла, но наступать было можно. Поддерживая друг друга, стали спускаться по расщелине. Постепенно спуск становился положе. Появился кустарник. Держась за ветки, сползали по уклону. Достигли зарослей березняка. Хотя светила луна, но под деревьями было темно. Ощупью спускались ниже и ниже. С долины повеяло теплым ветром. Только к утру, путаясь в густой траве, попали в долину – ободранные и голодные.

Уснули крепким сном у копны свежескошенного сена. Когда проснулись, увидели, что стадо коз обступило стожок. Два курчавых подростка с длинными палками в руках рассматривали незнакомцев. Француз вскочил, стал спрашивать по-немецки: «Кто вы?» Мальчики что-то говорили на мягком, певучем языке, француз медленно заговорил на своем языке, подростки отвечали на своем. Жак схватил Диму в охапку и закричал: «Дюма, это итальяно!» Дима понял: они в Италии. Это свобода! Один из подростков стал отгонять коз от сена, а другой, назвавшийся Роберто, повел беглецов к пещере. У входа горел костер. В чане варился сыр. Кипел чайник. Жак и Дима усадились на стол, сплетенный из прутьев, на скатерти лежал каравай хлеба. Им отрезали два огромных ломтя и налили в глиняные кружки молока. Француз понимал итальянский – его детство прошло по соседству с итальянской семьей.

Сопротивление

К вечеру пришли два рослых бородатых итальянца с карабинами за плечами, обвешанные гранатами. Француз долго объяснялся с ними, часто показывая на Диму. Те повторяли: «О русино, о Москва! Гитлер, Муссолини капнут». В сумерках забрали беглецов с собой. При луне привели в небольшой лагерь под огромной скалой. Несколько палаток стояло под густыми развесистыми дубами. Завели в командирскую палатку. Невысокий, седой, с короткой профессорской бородкой и озорными глазами командир долго беседовал с пришельцами. Отряд носил имя Гарибальди. Здесь была основная база партизанского движения севера Италии – Трентино-Альто-Адидже. Партизанские отряды действовали вдоль железной дороги Больцано – Инсбрук, взрывая полотно и туннели. Немцы бросили целую дивизию на подавление партизанского движения. Вверх по ущелью в огромной пещере располагался госпиталь коек на сто, со своей электростанцией. Лучшие хирурги работали тут. Их приглашали из престижных клиник.

Диму определили в техническую группу по изготовлению взрывных устройств. Жак напросился в подрывную группу, убедив командование, что у него личный счет с немцами. Дима за три месяца освоил итальянский. Когда началась битва за Сталинград, по вечерам окружали приемник. Страдали и

верили. А когда сообщили, что 6-я армия Паулюса окружена, лагерь бушевал до полуночи. Все стремились обнять Диму, похлопать по плечу: «Виват советико!» Понимали, что победа под Сталинградом – это и их победа. Более десятка железнодорожных составов пущено под откос, сотни немцев и итальянцев-предателей уничтожены. Но и своих потерь много. Сколько бойцов Сопротивления лежит вдоль партизанских троп, напоминанием о них служат каменные глыбы на могилах.

Жак и Дима были неразлучны, но группа подрыва уходила надолго, иногда на две-три недели. Дима стал проситься на задание. В лагере люди менялись постоянно. Одни уходили, другие приходили. В феврале, когда узнали о полном разгроме окруженной в Сталинграде немецкой группировки и пленении Паулюса, Дима настоял, чтобы его взяли в отряд подрывников. Жак обрадовался. Они снова были вместе.

В апреле группа попала в засаду. Бой длился около двух часов. Из окружения вырвались пять человек. Жака среди них не было. Было решено через сутки вернуться, а сейчас оставаться нельзя – немцы прочесывали лес вдоль железной дороги. В группе было двое тяжелораненых, надо было отходить. Через сутки, отправив тяжелораненых в госпиталь и пополнив боезапас, укомплектованный новыми бойцами отряд вернулся на место боя. Нашли четырех убитых товарищей, но Жака не было. Дима облазил все кустарники, заглядывал за каждый валун, но друга не нашел. Горькие думы

одолевали Диму: тяжело раненного немцы взяли в плен. Докладил командиру отряда. Было решено подготовиться к перемещению лагеря. На дальних подступах выставили охрану. Минировали тропы, делали запасные схроны. Прошла неделя – немцы не появились.

В сентябре 1943 года на юге Италии высадились американцы. Началось освобождение страны от фашистов. Но север оставался под оккупацией. Американцы с самолетов сбрасывали в места расположения партизанских отрядов продовольствие, боеприпасы. Проводники приводили пополнение. Отряды Сопротивления активизировали свою деятельность. На перевале Бреннер отряд вел бои с немецкой колонной, которая переправлялась в Австрию. Силы были неравны. Немецкая дивизия развернулась в боевой порядок. Отряд был прижат к скале. Командир попросил добровольцев остаться на прикрытие, чтобы дать возможность остальным выйти из-под огня. Дима к этому времени стал отчаянным и дерзким подрывником. Возмужал, подрос, окреп. Попросил разрешения остаться с группой прикрытия. Отряд уходил, оставшиеся бойцы вели интенсивный огонь, но гибли один за другим. Немецкие мины сыпались беспрерывно, осколки свистели со всех сторон, укрыться от них было невозможно. Диму несколько раз ранило. Фашисты осмелели и шли напролом. Пули откалывали осколки от валуна, за которым лежал Дима. Друзья были убиты, Дима огня не вел – кончились патроны. Немцы перестали стрелять. Превозмо-

гая боль, Дима приподнялся. Привалившись к скале, выхватил из-за пояса гранату и бросил под ноги окружившим его немцам, но граната не взорвалась. Сбив Диму на землю, бросили его на плащ-палатку и понесли к колонне. Доложили командиру дивизии об уничтожении отряда и поимке партизана. Перед тем как повесить, командир дивизии приказал допросить. Принесли окровавленного, иссеченного осколками русоголового мальчишку, который то приходил в сознание, то впадал в забытие, вскрикивая: «Мама, мама, где ты?» Немецкий генерал понял, что это не итальянец, а Русский. Решил узнать, кто он и откуда. Отправили в лазарет. В Австрии, в Инсбруке его оставили в госпитале для военнопленных. Поздней осенью 1943 года всех мало-мальски державшихся на ногах загрузили в эшелоны и отправили во Францию, на побережье Ла-Манша – строить оборонные сооружения, так называемый «Атлантический вал».

«Атлантический вал»

Холодный сырой ветер с пролива пробирал до костей. Дощатые бараки продувало ветром, отапливались они плохо, бурый уголь шлаковался в печах. Кормежка была скудной, во много раз хуже, чем в Австрийских Альпах. Люди умирали от голода и непосильного труда. Трупы вывозили на баржах в пролив. Из-за концентрационных лагерей эшелоны привозили новых и новых узников. Работа была адской. Рыли глу-

бокие рвы, перед ними устанавливали надолбы, бетонировали бункера под огневые точки. К концу дня пальцы дрожали, руки не держали носилки с раствором. Обреченные падали и не вставали.

Однажды Дима увидел в соседней группе узника, похожего на Жака. На другой день постарался работать поближе к этой бригаде, когда поравнялись – окликнул: «Жак!» Француз остановился, но глаза его смотрели куда-то поверх Димы. Дима повторил: «Жак, это я – Дюма». Жак сделал несколько шагов в сторону Димы, упал на колени и простонал: «Дюма, как я рад, что ты жив и снова рядом со мной. Дюма, я погибаю, еще несколько дней, и я буду кормить рыбу в проливе». Было видно, что из-под его рубы торчали ребра, тело посинело, в глазах смертельная тоска. Дима спросил: «Как ты здесь оказался?» Жак рассказал, как его, раненого в том бою, взяли в плен. Пытали. Жгли раскаленными прутьями. Допытывались, где партизаны, но он твердил одно и то же: в облаву попал случайно, бежал из лагеря в Австрии и пробирался вдоль железной дороги домой во Францию. Сделали запрос в этот лагерь, оттуда подтвердили, что это правда. Они бежали вдвоем с русским... Стали спрашивать, где русский, Жак ответил, что русский замерз на перевале. Отправили в концлагерь, а потом сюда, уже три месяца тут. Дима рассказал, как он попал в плен.

Каждый день они находили возможность несколько минут видаться. В конце октября немецкую охрану сняли и отпра-

вили на Восточный фронт, где дела у немцев были совсем плохи. Русские форсировали Днепр. В лагере действовало подполье.

Земляки

Немецкую охрану заменили русскими, почему-то их называли власовцами. В форме немецкого фельдфебеля Дима узнал дядю Васю с соседней улицы. Мужчина лет сорока, бывший конюх, с носом лепешкой и пухлыми щеками. С его тремя сыновьями Дима ходил в одну школу, а летом оравой мотались на лошадях в ночное. В лагере дядя Вася возглавлял отделение охраны двух отрядов узников. Как-то Дима приблизился к дяде Васе и прошептал: «Дядя Вася, это я, Дима Перепелкин, сын ветеринара Петра Устиновича. Я вас помню, мы с вашими ребятами – Колькой, Петькой и Наумом – вместе в школу ходили и лошадей пасли». Дядя Вася пристально посмотрел и спросил: «Ты, что ли Димка Перепелкин, сын Петра Устиновича?» – «Я, – подтвердил Дима. – У меня тут есть друг Жак, ему надо помочь, иначе он загнется». Начальник охраны тоже оказался земляком. Договорились, и Жака перевели в один отряд с Димой. Дядя Вася отводил их в готовый бункер, где они из щепочек разводили костер и в консервных банках варили морские водоросли, моллюсков. Дядя Вася где-то достал им пачку настоящего чая, иногда незаметно совал по галете.

Жак постепенно стал приходить в себя, оживать. Рассказывал Диме, какая у него чудесная жена и дочери – пяти и семи лет. Лагерный комитет передал, что французское Сопротивление помнит Жака и что Шарль де Голль наградил его орденом. Жаку стали приходить посылки и письма от друзей по Сопротивлению и от жены. Весной 1944 года Жак решил бежать. Стал уговаривать Диму. Дима отвечал: «Не могу, придут наши, арестуют дядю Васю, кто его защитит». Жак горячился: «Мы его защитим». Но Дима упорствовал: «Здесь вы защитите, но нас отправят в Союз, кто его защитит там. Его могут расстрелять за измену и пособничество фашистам или осудят лет на девять, а дядя Вася уже немолодой, может сгинуть в тюрьме и не увидит своих сыновей».

В апреле 1944 года группа французов ночью была выведена из лагеря. Лагерному начальству доложили, что они умерли и их вывезли в овраг.

Возмездие

С территории Англии каждый день налетали сотни самолетов и бомбили немецкую линию обороны. Рвы осыпались, минные поля перемешивались с горами песка, колючая проволока кусками болталась на столбах, но надолбы стояли, а бомбы не пробивали бункера и доты. В мае все линии обороны заняли немецкие части. После налетов авиации лагерников выгоняли восстанавливать укрепления.

На рассвете 6 июля 1944 года к берегу подошли десантные корабли. Высаживались англо-американские войска. По всему горизонту виднелись корабли, которые вели непрерывный огонь по огневым точкам фашистов. Узники были в лагере. Власовская охрана арестовала фашистское руководство лагеря и взяла охрану лагеря в свои руки – на случай непредсказуемых действий фашистов. Комитет лагеря совместно с власовцами стал организовывать оборону лагеря. Союзники, используя фактор внезапности, к середине дня заняли первую линию обороны, но на второй застряли. Фашисты подтянули резервы. Бой шел до вечера. Лагерный комитет решил отправить к союзникам связных, которые знали расположение огневых точек и проходы в минных полях. Комитет просил передать, что при огневой поддержке они могут ударить по фашистам с тыла.

Связные вернулись к рассвету. Было решено начать действия в то время, когда немцы обычно обедают. Ровно в 14.00 с кораблей открыли огонь артподготовки. Через полчаса, когда артподготовка закончилась, союзники пошли в атаку. А отряды Сопротивления с тыла врываются в бункера, уничтожая огневые точки противника. Вооружившись немецким стрелковым оружием, продолжали выбивать немцев. Громовое «ура!» разносилось над песчаными дюнами. Вторая линия немецкой обороны была прорвана. Десант союзников устремился в брешь. Пехота при поддержке боевой техники, несмотря на фланговый огонь, продолжала расши-

рять плацдарм. Стали подходить другие суда. Как выяснилось, по замыслу союзного командования, здесь был отвлекающий удар, а основные силы высаживались в 40 километрах северо-восточнее.

После боя союзники заставили военнопленных вернуться в лагерь.

Награда

У ворот лагеря Дима увидел Жака с группой бойцов Сопротивления в красных беретах. Жак размахивал руками и кричал: «Русо, Дюма, это я – Жак! Идем с нами!» Диму посадили на джип и повезли в небольшую рыбацкую деревню. Жак представил его высокому мужчине с крупным носом, в головном уборе, похожем на кастрюльку, с большим козырьком. Прошептал: «С тобой хочет беседовать де Голль, я рассказал ему о тебе». Дима в лагере освоил французский и лихо отрапортовал: «Дмитрий Перепелкин, заключенный под номером 6837. – Подумав, добавил: – Дюма». Французы заулыбались. Де Голль говорил быстро и долго. Французы встали по стойке «смирно». Дима понимал, что он рассказывает о его биографии, участии в Сопротивлении, мужестве и стойкости в борьбе с фашизмом. В конце речи де Голль пожал Диме руку, взял со стола медаль, прикрепил ему на грудь и торжественно проговорил: «За заслуги в

борьбе с фашизмом, за пролитую кровь, за участие в советском, французском, итальянском Сопротивлении». Попросил, чтобы Дмитрия переодели в форму французского солдата. На прощание сказал: «Мы рады будем видеть Вас гражданином Франции или гостем». Дмитрий ответил: «Служу народу Франции и Союзу Советских Социалистических Республик». Стоявшие вокруг захлопали.

Дмитрий попросил, чтобы Жак помог дяде Васе и тем военнопленным русским, которые были в их отряде. Вернулись в лагерь, где уже работала комиссия, рассортировывая заключенных. Французов, бельгийцев, норвежцев, датчан, итальянцев отпускали домой, вручая им документы, что они находились в концлагере. Советские военнопленные и власовцы были размещены в разных бараках. Жак упросил, чтобы дядю Васю перевели от власовцев к узникам лагеря, снабдив его документами, что он помогал французскому Сопротивлению.

Возвращение

Диму с объяснительной запиской передали представителю советского посольства во Франции. В августе 1944 года Дима возвращался в Союз с английским караваном, который шел в Мурманск. На траверсе мыса Киркенес конвой встретил советские корабли. Представленный командиру советского конвоя Дмитрий остался на флагманском корабле.

В кают-компании рассказывал о своей эпопее. Капитан 2-го ранга – симпатичный офицер с маленькими усиками и большими залысинами – сказал: «Мы ценим и уважаем свободлюбивых французов и преклоняемся перед мужеством и отвагой бойцов французского Сопротивления, но будет лучше, если мы тебя переоденем в форму советского моряка, а эту оставишь на память. Пришло время служить и тебе. Оставайся на нашем корабле. Мы сохраним твое сержантское звание бойца итальянского Сопротивления». Дима попросил разрешения хоть на денек съездить домой. Ведь там даже не знают, жив ли он. По прибытии в Мурманск обстоятельства доложили командиру базы. Диме дали отпуск на месяц.

Утром 1 сентября старшина 1-й статьи Дмитрий Перепелкин стоял на пороге школы. До дома оставался всего километр, но Дима не мог не зайти в родную школу. Во дворе перед школьниками стояли директор и учителя. Дима подошел строевым шагом и доложил: «Товарищ директор школы, ученик девятого класса Дмитрий Перепелкин прибыл для продолжения учебы. Учителя и ученики удивленно смотрели на ладного моряка. Дима доложил и опешил: ни среди учителей, ни среди учеников никто его не узнавал, только старенькая учительница географии, сгорбленная, седая Мария Исааковна, признала Диму. Всплеснула руками, обхватила его и заплакала: «Это Дима Перепелкин, а мы считали, что тебя нет в живых. Был ли у матери? Беги скорей к ней.

Она каждое утро приходит на росстань встречать тебя. Потом придешь в школу. У нас после занятий педсовет, расскажешь о себе и о ребятах, которых с тобой угнали».

Дима бросился домой. Облокотившись на калитку, приложив ладонь к глазам, на дорогу смотрела мать. Дима перебросил вещмешок через изгородь, перемахнул через калитку, обхватил мать, стал целовать ее лицо, руки. Мать опустилась на колени, прижалась к ногам сына и шептала: «Димочка родной мой, как долго ты не приходил, сердце мое выболело по тебе». Дима стал расспрашивать: где отец, братья, сестра? Мать сообщала: отец воевал, под Вязьмой попал в плен, бежал, был в партизанском отряде у поляков, погиб осенью 1943 года, неделю назад пришел пакет из Польши, где сообщалось о его подвигах и о награждении польским крестом. Братья и сестра, слава Богу, живы. Обоих братьев после освобождения от немцев взяли на учебу в ремесленное училище, теперь они работают в городе на военном заводе, по выходным приезжают домой. Сестра вышла замуж за офицера, лежал тут в госпитале. Уехали на Дальний Восток.

Месяц прошел как один день. Гулять было некогда. Раза два заходил в школу. Старых учителей осталось только двое, некоторые уехали. Учителя математики фашисты повесили за связи с партизанами. Молодых учителей-комсомольцев отправили в концлагерь, что с ними стало – пока никто не знает. За три года дом покосился – нижние бревна подгнили. Плетень завалился, а дальние звенья его сожгли в печи.

Дима нашел в соседнем селе дядю – маминого брата. Вдвоем подрубили два ряда под домом. По воскресеньям помогали приезжавшие из города братья. Срубили новую баньку, поправили огород. Вечерами Дима садился на лавочку перед домом. Тельняшка плотно облегла широкую грудь. Собиралась молодежь. Водили хороводы. Кто постарше – пели песни под трехрядку. Дима подробно рассказывал обо всем, что случилось с ним за эти годы. Потом извинялся: «Завтра рано вставать. Вы гуляйте, а я пойду посплю, устал за день сильно».

В начале октября 1944 года старшина 1-й статьи Дмитрий Перепелкин прибыл в Мурманск на свой эсминец. Сопровождал караваны, участвовал в охоте на немецкие подводные лодки. Через три месяца Дима был классным специалистом дизельной группы.

Друзья

В день десятилетия Победы над фашистской Германией к Дмитрию приехал Жак с женой и дочерьми-невестами. Пригласили в сельский клуб. Жак надел французские ордена. Дмитрий в звании главстаршины, пришел в морской форме с медалями «За отвагу» и французского Сопротивления. Он работал военруком в школе. Жена – фельдшерица Зина – родила ему двух лобастых, белоголовых мальчуганов.

Жак погостил неделю: воспоминания, воспоминания.

Каждый день ездил в районный центр, выступал перед студентами техникумов, школьниками, рабочими... Дни и часы были расписаны по минутам.

Дмитрий с женой смог выехать во Францию только в сорокалетие Победы над фашизмом. Надел сохранившуюся французскую форму, но она оказалась тесновата. Муниципалитет Гренобля заказал ему новую форму, но с тельняшкой Дмитрий не расставался.

В поселках и городах Франции аплодировали двум седым бойцам Сопротивления.

Взлетная полоса

Беда

21 июня 1941 года командир полка зачитал приказ о перебазировании 2306-го полка на запасной аэродром. Личный состав переучивался на новые самолеты, а старые было приказано законсервировать и готовить к перегону на центральную базу. Шла интенсивная переподготовка летчиков и техников. Инженерно-технический состав эскадрильями проходил обучение в Васильково, под Киевом. На одной стороне взлетной полосы стояли старые самолеты, на другой – две эскадрильи новеньких МиГ-3, готовых к перелету на запасной аэродром.

Перед рассветом старший инженер полка майор Воскресенский, в годах, поджарый, невысокий, в очках, с покрасневшими от усталости глазами, прошелся вдоль аккуратненьких, пахнувших краской самолетов. Дежурные техники звеньев доложили о готовности самолетов к перелету. Майор Воскресенский, напомнив о соблюдении мер безопасности при обращении с бензином, кислородом и сжатым воздухом, уехал в военный городок.

Накануне – в субботу – холостые летчики и техники отгуляли на вечере отдыха в гарнизонном доме офицеров и те-

перь крепко спали в общежитии. Разбудил глухой гул и покачивание земли. Выбежав из общежития, офицеры увидели страшную картину. В небе гудели чужие самолеты с крестами на крыльях. На городок сыпались бомбы. Было видно, как над аэродромом взлетали огненные вихри.

Николай Пятерко, с перепуганным лицом, в тапочках, галифе, с голым мускулистым торсом, с планшетом в руках, мчался на аэродром. Пара за парой заходили вдоль взлетной полосы «мессершмитты», расстреливая самолеты, которые вспыхивали факелами. Море огня бушевало над аэродромом. Горела колонна бензовозов, стоявшая за аэродромом.

Николай добежал до стоянки своего самолета, но увидел лишь искореженный, обгоревший остов машины. Побежал через взлетную полосу к штабу полка. Двухэтажное здание было разрушено. На месте левой половины зияла глубокая ворону В правом крыле вылетели окна. В комнату дежурного по части забежали офицеры и разбирали оружие. Пятерко заскочил в дежурку, нашел свой пистолет, набил в карманы галифе коробки с патронами и только тогда сообразил, что он полураздетый.

Кто-то сообщил, что дом, где жили командир полка и начальник штаба, разрушен. Заместитель командира полка по полетной подготовке подполковник Середа, не останавливаясь, бежал около штаба, наконец пришел в себя и подал команду: «Семейным – по домам, спасти семьи, а холостякам

– в казармы к личному составу своих эскадрилий».

В военном городке техники и солдаты аэродромной роты под командованием старшего инженера полка майора Воскресенского расчищали завалы. Пятерко быстро дошел до офицерского общежития. Деревянное здание общежития догорало. Тушить было некому. Пожарные машины были на аэродроме, пробовали спасти горящие самолеты. Казарма личного состава от прямого попадания была разрушена полностью. В живых остались единицы, и то контуженные и раненные. Военный городок был в огне. Женщины искали своих детей, дети искали родителей. В оставшихся служебных помещениях организовывали лазарет. Подъехал на мотоцикле майор Воскресенский. Рассказал, что в эту ночь было тревожно, не спалось. Несколько раз выходил на улицу покурить и первым услышал гул самолетов и разрывы бомб. Успел забежать в квартиру, разбудить жену и дочь, вскочил на мотоцикл и помчался на аэродром. Следующая волна самолетов накрыла городок.

Солнце медленно вставало из-за горизонта. Подполковник Середа, не скрывая волнения, обратился к офицерам: «Обстановка чрезвычайная. Надо принимать меры по спасению людей и оставшегося имущества. Передаю командование гарнизоном майору Воскресенскому. У него получится лучше, чем у меня. Я научен только руководить полетами» Майор Воскресенский согласился: «Раз сложилась такая ситуация согласен принять руководство. Вам, товарищ под-

полковник, собрать летный состав и построить здесь через час. Командиру аэродромной роты приступить к исполнению обязанностей командира батальона авиационно-технического обслуживания Разыскать заведующих складами – и ко мне. В десять часов общее построение. Передать в летную и техническую столовые, чтобы готовили завтрак». Нашлись начальники продовольственной и вещевого служб лейтенанты Неделько и Сапожников, которые доложили, что расположенные в полуземлянках за аэродромом вещевые и продовольственные склады не пострадали, фашистские самолеты наносили основной удар по взлетной полосе и военному городку.

Связь с дивизией и округом не работала. Пробовали связаться по радио, но частоты были забиты, стоял сплошной треск. Майор Воскресенский на своем мотоцикле отправил в штаб дивизии связного. Отдал указание накормить сначала летно-технический состав, затем солдат и семьи военнослужащих.

В десять часов построились эскадрильями. В первой эскадрилье было два техника, один летчик, шесть механиков, во второй – шесть летчиков, шесть техников и одиннадцать младших авиационных специалистов. Третья эскадрилья была почти в полном составе. Личный состав отдельного батальона авиационно-технического обслуживания (ОБАТО) был представлен караулом и сокращенным расчетом, остальные еще неделю назад выехали для подготовки запасного

аэродрома. Офицеры и солдаты стояли в строю кто в чем успел выскочить. Майор Воскресенский приказал открыть вещевые склады и одеть офицеров, солдат, семьи офицеров и вольнонаемных, кроме того, семьям выдать постельное белье.

В середине дня вернулся связной из дивизии и передал приказ: «Летчиков отправить в штаб армии, аэродром привести в порядок и быть готовыми к принятию самолетов. Подполковнику Серede остаться для организации встречи самолетов, старшему лейтенанту Пятерко приступить к исполнению обязанностей начальника штаба».

Майор Воскресенский через посыльных передал: в 16.00 построение личного состава гарнизона по эскадрильям и под. разделениям, с семьями. На построении объявил: «Все семьи эвакуируются в тыл, транспорт для этого есть, брать с собой только самое необходимое. Одиноких женщин, работников столовых, складов и медсанчасти объявляю мобилизованными. Исполняющим обязанности командиров эскадрилий поставить палатки в своих самолетных укрытиях. Назначить дежурных. Остальные поступают в распоряжение командира ОБАТО старшего лейтенанта Субботина на восстановление аэродрома. Командиру ОБАТО определить объем работ, обустроиться и завтра с 8.00 приступить к засыпке и выравниванию взлетной полосы. Работать до заката солнца, с перерывом на обед и ужин. Срок три дня. Задача ясна? Прошу приступить к выполнению приказа. Контролирую

лично».

В конце аэродрома на капонире соорудили смотровую вышку, рядом вырыли широкий окоп, стенки его укрепили щитами сверху накатали два ряда бревен, засыпали землей – и командный пункт готов. В капонире поставили палатку, привезли кровати.

С утра работа на аэродроме шла полным ходом: машины подвозили щебенку, засыпали воронки, утрамбовывали, а потом и укатывали. Через ближайшую военную часть установили связь со штабом воздушной армии.

Десант

На второй день над аэродромом зависла «рама» (немецкий самолет-разведчик). Но работы продолжались. Одна за другой засыпались воронки. Майор Воскресенский доложил в штаб армии, что через сутки аэродром будет готов, но не получилось бы так, что на него будут приземляться не наши, а фашистские самолеты. Приказали быть готовыми к отражению десанта.

За каждой эскадрильей закрепили участок обороны. Рыли окопы на склонах капониров, определяли сектора обстрела. Завозили боеприпасы, снимали с самолетов пулеметы, ремонтировали и пристреливали. На складе вооружения обнаружили комплект пулеметов на две эскадрильи. Расконсервировали. Патронов к ним было достаточно. В каж-

дом окопе было по два-три пулемета, громоздились ящики с патронами, по углам окопов стояли винтовки. Офицеры, сержанты, солдаты были вооружены пистолетами на случай ближнего боя. Сухой паек на трое суток и пара канистр воды. Створ взлетной полосы заняла аэродромная рота.

28 июня, в субботу, майор Воскресенский приказал: «Всем ночевать в блиндажах. Быть начеку. Немцы могут повторить 22 июня». В командном блиндаже собрались майор Воскресенский, подполковник Середа, командир ОБАТО старший лейтенант Субботин, прибыли командиры оборонительных участков: первой эскадрильи – Пятерко, второй эскадрильи – старший техник звена Понедельник, третьей – техник по вооружению Четвертак. Подполковник Середа засмеялся: «"Неделя" в сборе, а где "вторник" и "пятница"?» Воскресенский, улыбаясь, ответил: «Не только "вторника", но и Неделько не хватает, который занимается производственным обеспечением нашего малого гарнизона, а за "пятницу" будет Пятерко». Николай Пятерко подхватил: «Не согласен быть Пятницей, тогда подавайте мне Робинзона». Иван Субботин вставил: «Все мы тут сейчас Робинзоны, оторванные от белого света и предоставленные самим себе. Будем держаться!» Майор Воскресенский спросил, проведены ли учебные стрельбы по движущимся целям. Лейтенант Субботин ответил: «Разве вы не слышали, весь день стреляли по воронам и по развешанным в кустах банкам. Мы тут проявили инициативу: по кустам в несколько рядов разве-

сили пустые консервные банки, это на случай, если немцы сунутся ночью – чтобы слышно было». Подполковник Середа одернул: «Ну и дурни вы, банки-то ночью хорошо видны». На что Субботин отреагировал: «Вы что думаете, мы совсем того? Прежде чем развесить, покрасили зеленой и черной не засыхающей краской». – «Ну что, товарищи, обменялись мнениями? – прервал перепалку майор Воскресенский. – Инициатива и смекалка – это хорошо, на войне без нее гибель. Напишите письма родным, через час отправляю посыльного в штаб дивизии. Днем по дорогам не проедешь, немецкие самолеты охотятся за каждым человеком. За неделю фашисты продвинулись на двести, а местами и более километров. В войне фактор внезапности имеет огромное значение. Мы испытали это на себе. От боевого слётанного полка осталась горстка офицеров и солдат. Будем драться до последнего патрона. Отступить нам некуда».

Намотавшись за день, Воскресенский прилег на куртку в углу блиндажа и провалился в глубокий сон... Как будто кто-то его толкнул – вскочил. Восток брезжил. Взял свисток – подал сигнал. Из соседних капониров ответили переливы свистков – часовые не спали. Посмотрел на запад и в небе под облаками увидел падающие черные точки. «Десант!» Выпустил красную ракету и ударил в висевший рельс. Со всех сторон аэродрома в воздух полетели красные ракеты, зазвенело железо. Нетерпеливые начали стрельбу из винтовок. Самолеты летели на большой высоте, и шума мото-

ров не было слышно. А черные точки сыпались и сыпались с неба. За винтовками застрочили пулеметы. Огонь по фашистам шел из всех окопов. Немцы вели ответный огонь. Сверху они могли ориентироваться только по вспышкам выстрелов. Окопы были хорошо замаскированы. В предрассветном небе фашисты были как на блюдечке. С земли стреляли зажигательными, и парашюты вспыхивали. Немцы с воплями падали на землю. Оставшиеся в живых отстегивали парашюты и разбегались по мелколесью, но многих настигали пулеметные очереди.

Рассвело. В воздухе повисла зеленая ракета. Майор Воскресенский передал: «Из окопов не высовываться, немцы могут затаиться в кустах». Багровое солнце поднималось над аэродромом. Люди не выдержали радости первой победы, выскакивали из окопов и палили в воздух: уничтожение десанта было отмщением за погибших в первые дни товарищей. Воскресенский приказал прочесать ближайшие кусты. Подобрали двух раненых и семьдесят два убитых немца. Остальные ушли в лес. Наши потери – тяжелораненый из аэродромной роты.

Пленные сообщили, что, по агентурным данным, на аэродром в ближайшие дни должен прилететь с Дальнего Востока истребительный полк. Десанту была поставлена задача захватить аэродром и удерживать до подхода основных сил: немецкие танковые колонны прорвали оборону и вклинились в глубь страны на этом направлении до двухсот кило-

метров.

И снова бой

Майор Воскресенский понимал, что фашисты любыми путями будут стараться захватить аэродром, расположение которого было очень удобным: с него можно контролировать огромную территорию и прикрывать наступающую танковую армию. Вечером собрал командиров. Приказал пополнить боезапас и перевести личный состав, оставшийся от полка и ОБАТО, в окопы, кроме работников столовой и медсанчасти.

В понедельник, в десять утра, начался массированный налет вражеской авиации. Ни одна бомба не упала на взлетную полосу. Удар наносился по капонирам и окопам обороняющихся. Земля стонала, осыпалась обваловка самолетных укрытий. Рядом с командным блиндажом упала 500-кг бомба. Блиндаж засыпало. В окопе с майором Воскресенским находились подполковник Середа и посыльный. Воскресенского присыпало. Отгребая от себя землю подвернувшейся алюминиевой тарелкой, он видел, как пара за парой заходили на аэродром немецкие самолеты, а в створе взлетной полосы, на расстоянии около километра, были видны парашюты десанта. Расчет немцев был прост: пока шла бомбежка и русские прятались в окопах, вне огня приземлиться, сосредоточиться и захватить капониры справа и слева от взлетной

полосы. Когда парашютисты приземлились и перебежками стали приближаться к аэродрому, по ним открыли огонь.

К Воскресенскому подполз старший лейтенант Пятерко и саперной лопаткой стал освобождать его от земли. Воскресенский, у которого кружилась голова, не было слуха, пропал голос, нацарапал на планшете: «Откапывайте, там подполковник Серeda». Как в немом кино, он видел передвигающихся немецких десантников и отходящих от первых капо-ниров наших бойцов. Сердце готово было вырваться из грудной клетки. Он впервые в жизни заплакал от своего бессилия: «Почему отступают? Там же остаются раненые, немцы их перебьют».

Более двух часов шел бой. Над аэродромом снова появились немецкие самолеты. Пролетали на бреющем, но, видя, что идет бой, бомбить не стали. Десантники рассчитывали на легкую победу, предполагая, что после такой бомбежки мало кто мог остаться в живых. В небе появились еще два пузатых десантных самолета, и начали выбрасываться парашютисты. В это время из-за тучки вынырнули два краснозвездных «ястребка» и атаковали. Один немецкий самолет развалился в воздухе, второй, переваливаясь с крыла на крыло, врезался в землю. Мощный взрыв потряс аэродром. «Ястребки» пролетели низко над взлетной полосой. В воздух взвились зеленые ракеты, обозначая расположение наших окопов. Со второго захода «ястребки» стали расстреливать из пулеметов немецких десантников. Немцы начали отходить. Наши

с криками «ура!» бросились преследовать их. К Воскресенскому вернулась речь, он попросил Пятерко передать, чтобы вернулись в окопы – могут нарваться на засаду, вели прицельный огонь по противнику из пулеметов и винтовок.

Немцы отошли к лесу. Майор Воскресенский приказал: «Восстановить окопы, раненых отправить в лазарет, убитых похоронить в карьере, подсчитать потери, проверить боезапас. Командирам или исполняющим их обязанности собраться около командного пункта».

Больше всех пострадала аэродромная рота. Убит командир роты Иван Субботин. В роте осталось двенадцать человек. В первой эскадрилье убит один механик и тяжело ранен техник, во второй убитых нет, а раненых четверо, в третьей убито два техника и старший техник звена Гаврило По недельник. Откопали подполковника Середу, но он был уже мертв. Во втором бою погибло сорок семь человек, в основном от бомбежки.

Оборона

Майор Воскресенский попросил остаться на командном пункте старшего лейтенанта Пятерко и горько пошутил: «Вот и остался Пятница со своим Робинзоном. – Поинтересовался: – А где наши тыловики Неделько и Сапожников?» Начальника вещевого службы Сапожникова не нашли. Неделько подъехал на машине, слез, опираясь на суковатую

палку, пояснил: «Маленько зацепило, ничего, до свадьбы заживет». На просьбу Воскресенского доложить о наличии в ОБАТО людей, запасов продовольствия и транспортных средств Неделько сообщил: «В батальоне осталось одиннадцать человек, десятка два наберется на запасном аэродроме, четыре автомобиля, пятитонный кран и каток запасов продовольствия хватит на два месяца. Будет проблема с доставкой хлеба, но есть передвижная хлебопекарня, закупленная перед войной в Германии».

По радиосвязи получили приказ из штаба армии: аэродром не оставлять, готовиться к приему самолетов. Прошла неделя, фашисты больше не беспокоили.

Стали обживать и зарываться в обваловку капониров. Восстановили командный пункт. Стенки окопов обложили плахами, вверху накатали по три ряда бревен. Установили телефонную связь со всеми боевыми точками.

Каждый вечер после ужина на командном пункте собирались исполняющие обязанности командиров эскадрилий и командир ОБАТО Неделько. Воскресенский с болью шутил: «Плохо, товарищ Неделько, от нашей “недельки” только мы с тобой остались. Своим заместителем назначаю старшего лейтенанта Пятерко». Столовая продолжала работать. Три раза в день дежурная машина привозила на позиции горячую пищу в термосах.

Как-то майор Воскресенский посетовал: «Плохо, что мы не имеем сведений о личном составе, штаб разрушен, доку-

ментация сгорела. Нужно собрать людей, переписать их данные и домашние адреса, пусть обменяются ими на случай гибели, чтобы сообщить родным и близким. Да и мы давайте расскажем друг другу о себе».

Начал старший лейтенант Николай Пятерко: «Товарищи, мне больше всех повезло, после летного училища, можно считать, попал служить в родное село. Отсюда всего пятьдесят километров. Если не дежурил, то каждое воскресенье отправлялся домой. Командир эскадрильи и ребята отпускали охотно, потому что каждый раз привозил какие-нибудь гостинцы. В селе летчиков уважали и ценили. Жenu на соседней улице высмотрел. Сыну уже четыре года. Славно жилось до войны, ой как весело. По выходным с сыном барахтались в заводях реки, которая протекала посередине села. Сынишка каждый раз удивлял меня любовью ко всему живому: то тащил в пригоршне головастиков, просил: «Папочка, забереж их домой, пусть живут в бочке за сараем», то приносил стрекозу и уговаривал: «Папа, сделаем ей домик», то бежал с охапкой цветов и ликовал: «Папочка, пусть мама посадит их под окнами». Сын любил забираться мне на плечи и прыгать в воду. Я тут же его вылавливал. Жена Мария сидела на берегу и радовалась своим мужикам. А после такой прогулки – обеду горячие ватрушки с топленым молоком из погреба».

Воскресенский Георгий Васильевич: «Я житель городской. Подмосковье. Подольск. Городок небольшой. Ровесник Москвы. Двух-, трехэтажные дома только в центре, а на

окраинах по улицам пасутся коровы. Тихий, спокойный городок. Сколько себя помню, порой кажется, что родился под крылом самолета. Отец был летчик, с капитаном Нестеровым были друзья. Отец с малолетства таскал меня на аэродром. Домик у нас с верандой в яблоневом саду. Весной цветущие ветки сирени упирались в окна. Летом у нас обязательно кто-нибудь из полка гостил – уезжали одни, приезжали другие. Под яблонями ставили раскладушки, а сверху натягивали тент. Вечерами самовар и общее застолье. До полуночи распевали песни. Рано утром босиком по росе на речку умываться. После обеда отсыпались в тени под деревьями. Благодать. Запах роз и антоновки. Придет ли еще такое время? Дети мои – погодки. Сын окончил десять классов нашей гарнизонной школы. Отличник. Собирался поступать в МАИ. Дочка – только врачом. Квартира наша больше походки на лазарет, и кого только в нем не было: и бесхвостый котенок, и овчарка на трех ногах, и ворона с перебитым крылом, и слепой заяц. Весной взял два списанных контейнера и установил во дворе школы – под зооуголок, пусть занимаются зверятами детишки под руководством дочери. Будет сострадание к живой природе – будет оно и к людям».

Иван Неделько: «А я родился и вырос под Хабаровском, в селе князя Волконского – ссыльного декабриста. Амур – простор широчайший, такая сила у реки, что за ночь песчаный остров может появиться, или исчезнуть, или передвинуться километра на два вниз по течению. Весной река на-

полнена рыбой, которая идет на нерест в малые речки, где вода более чистая и богатая кислородом. Одна беда – мош-кара и гнус не дают покоя, пролазят во все щели. Без нако-марника у речки не посидишь. Зато осень – действительно золотая. Лес полон богатства: грибы, всякая ягода, смороди-на, дикий виноград, лимонник, орех – лещина и кедровый... Не ленись – запасайся на зиму. Осенью отъевшиеся за ле-то кабаны ходят вразвалочку, амурские олени за каждым ку-стом, зайцы под ногами путаются, белка может поиграться с тобой шишками. В седьмом классе я влюбился в соседскую девчущку, которая училась в торговом техникуме. Хотелось видеть ее чаще – поступил в торговый. Она окончила на год раньше и по распределению попала в Советскую Гавань. До-говорились, что после моего окончания поженимся. После выпускного собрался ехать за ней, но пришло письмо, что выходит замуж. Подумал, что это розыгрыш, но родители пе-редали, что ездили на свадьбу, что жених понравился – мор-ряк, офицер, большой начальник на корабле, квартиру сразу дали. Я побежал в военкомат. Напросился в армию, хотя мог еще годик попарубковать. Еле уговорил военкома. После го-да службы в отделе кадров дивизии узнали, что у меня сред-нетехническое торговое образование, и предложили поехать учиться в военное училище по специальности. С прошлой осени – в этом полку. Мне тут очень нравилось».

Танковая атака

На четырнадцатый день после первого налета фашистской авиации связь с дивизией и армией прервалась. По радиоприемнику шла информация, что немцы где-то в двухстах километрах. Через двое суток на машине с запасного аэродрома прибыл старшина Скрипка и сообщил, что из соседнего села прискакал на лошади парнишка и рассказал, что через село прошла колонна фашистских танков и немцы захватили ближайшую железнодорожную станцию. Воскресенский понял, что они окружены, но приказа оставить аэродром не было, значит, будем оборонять, не всё же немцы будут наступать. У нас мощная, боеспособная Красная Армия, и мы скоро погоним захватчиков с нашей земли. Собрал командиров и приказал готовиться к длительной обороне. На оставшихся машинах отправить раненых. Старшине авторыты Остюжному, который знал тут каждую тропинку, поручил проселочными дорогами вывезти раненых из окружения.

На аэродром стали выходить группы солдат, сообщая, что впереди фронт прорван, многие части попали в окружение. Майор Воскресенский кормил окруженцев, одевал в новое обмундирование, давал сухой паек на дорогу, предлагал остаться. Но люди рвались на восток, к своим. Осталось с десятков окруженцев, территория которых уже была оккупирована фашистами. На двадцать первый день появилась групп-

па мотоциклистов с белым флагом. Воскресенский приказал огня не открывать и послал старшего лейтенанта Пятерко узнать, чего хотят немцы. Те предложили освободить аэродром и сдать оружие, обещали, что бомбить не будут. «Если эти условия не примете, то развернем танковую дивизию прорыва и проутюжим вас в окопах».

По возвращении старшего лейтенанта Воскресенский собрал командиров, доложил требования немцев и высказал свои предложения: «Оккупантам очень нужен наш аэродром, чтобы посадить свои самолеты и отсюда вылетать на бомбежку и штурмовку наших городов, поселков и обороняющихся частей. Если мы бесславно сдадимся, значит, поможем фашистам уничтожить то, что создано нами. К тому же, где гарантия, что после пленения они нас не расстреляют. Есть второй вариант: ночью покинуть позиции и небольшими группами прорываться к своим. Но и здесь палка о двух концах: прорвемся ли, можем попасть на сады, а если и прорвемся, то как будем смотреть в глаза людям? Скажут, сдрейфили, без приказа оставили позиции. Кто: мы тогда – предатели. Довожу до сведения третий вариант – наиболее приемлемый и справедливый. Наши войска дерутся с захватчиками от Баренцева до Черного моря. Бьются за каждый клочок земли. Многие гибнут, но чести своей не роняют. Предлагаю сражаться до последнего патрона и вздоха. Пусть фашисты знают, что советские люди не сдаются. Кто желает – может покинуть позиции». Старший лейтенант Пятерко: «Бу-

дем считать – это приказ: сражаться до последнего. Что передать немцам?» – «Попросите сутки для подготовки аэродрома к сдаче».

К Воскресенскому подошел старшина Скрипка и попросил сутки, чтобы переправить семью к родственникам, в соседнюю деревню. «Немцы узнают, что я был секретарем партийной организации ОБАТО – семью загубят. Доходят слухи, что фашисты уничтожают семьи партийных и советских работников».

После возвращения Пятерко Воскресенский обратился к однополчанам: «Дорогие мои, у нас есть сутки, чтобы достойно встретить немецкие танки. Приказываю привезти со склада гранаты, связать их по пять штук для подрыва танков. Авиационные бомбы закопать на танкоопасных направлениях, подвести к взрывателям провода от телефонных аппаратов. Технику по вооружению лейтенанту Четвертаку продумать систему подрыва. Товарищ Четвертак, можете доложить, сколько в наличии авиационных бомб?» – «По три боекомплекта “соток” и по два – по двести пятьдесят. Итого 240 “соток” и 80 по 250 кг. Телефонных аппаратов сорок один, но недостает телефонного кабеля. Придется приспособить самолетную электропроводку». – «Было бы здорово выкопать противотанковый ров в створе взлетной полосы, но нас мало, дай Бог, если успеем закопать и замаскировать 320 фугасов. Есть предложение устанавливать не только на танкоопасных направлениях, но и вокруг капониров.

Будем поднимать фашистов на воздух, если пойдут в лобовую». До заката Воскресенский ни на минуту не присаживался – контролировал установку авиабомб. Ночью, проверив посты, вздремнул не более получаса.

В восемь утра услышали гудение танков. Танковая колонна с десантом на броне разделилась на две части и начала охватывать аэродром слева и справа. Танки открыли огонь по капонирам. Снаряды взрывались вблизи укрытий – фактически велся прицельный огонь.

Воскресенский понял, что вчерашние переговоры были для фашистов разведкой: «Поэтому они и не спешили уезжать, а терпеливо ждали ответа, но и нас надоумили использовать авиационные бомбы и дали возможность их установить. Немцы, предполагая, что у нас только стрелковое оружие, надеялись, что после вчерашнего предупреждения о применении танков покинем позиции».

Как только первый танк поравнялся с контрольной вешкой раздался взрыв. Танк приподняло и отбросило в сторону, за ним второй, третий... десятый. Одиннадцать искореженных машин застыло вдоль взлетной полосы. Авиаторы из пулеметов вели огонь по десанту. Немцы стали отходить.

Но спустя некоторое время атака возобновилась. Танки расползлись полукругом и, сминая кустарник, двинулись к капонирам: немцы догадались, что заряды выставлены полукругом и между ними можно найти проходы. Обстановка усложнялась. Под огнем танков и немецкой пехоты надо бы-

ло переподключать провода к зарядам. И хотя подорвалось еще четыре танка, но другие прорвались сквозь пояс защиты и с близкого расстояния вели огонь по укрытиям. Появились убитые и раненые. Один из танков стал утюжить огневую точку. Раздался страшной силы взрыв, и машина сплюснутым куском металла закувыркалась по откосу вниз. Но танки продолжали лезть на капониры и взрывались один за другим вместе с оборонявшимися расчетами.

Воскресенский, видя, как гибнут люди, решил: «Кусочек родной земли, где сконцентрирована воля к победе, скоро некому будет оборонять, но и сдавать готовую к посадке взлетную полосу нельзя». Приказал старшему лейтенанту Пятерко взорвать десять бомб в створе и сорок – вдоль взлетной полосы... Земля качнулась, огненный вал поднялся над взлетной полосой, и сотни тонн земли накрыли ее, но в створе взрыва не было, видимо, перебило где-то провода.

Пятерко кричал контуженному Воскресенскому: «Я быстро устраню неисправность и вернусь». С телефонным аппаратом и мотком провода побежал в конец полосы. И только у самого створа обнаружил обрыв. Раздумывать было некогда. Подсоединил напрямую к аппарату и крутанул ручку...

Бой продолжался. Майор Воскресенский видел, как оседает земля и засыпает его, но сил дотянуться до телефонного аппарата не было. Теряя сознание, подумал: «Хорошо, что мы ту остались, задержали немецкую колонну прорыва. Три десятка танков, искореженных и обгоревших, осталось

со взлетной полосы и на скатах капониров, больше сотни фашистских десантников лежат на склонах обваловок. Рассчитались за всех погибших товарищей».

На закате оккупанты уходили, вытаскивая из танков контуженных и обгоревших. В конце аэродрома забелел лес береговых крестов. Аэродромные постройки уничтожены. Взлетная полоса к приему самолетов не пригодна. Да, русские умеют и могут воевать.

...Перед рассветом вернулся старшина Скрипка. Аэродром было не узнать: засыпанная землей взлетная полоса, обвалившиеся капониры, всюду обгоревшие и покореженные немецкие танки. Взорванные узлы сопротивления и засыпанные окопы. Хоронить было некого. Нашел командный пункт. Стал раскапывать. Наткнулся на майора Воскресенского. Проверил пульс. Жизнь теплилась. Старшина Скрипка, двухметрового роста, чемпион округа по вольной борьбе, охотник, взвалил худенького майора на плечи и понес в сторону леса. В глухом лесу, за болотиной была охотничья избушка, о которой знали только он и его тесть.

В избушке Скрипка уложил майора на топчан, нагрел воды, обмыл от грязи. Воскресенский пришел в сознание. Говорил с трудом, слышал, видел, понимал, но ноги не действовали. Отлежавшись, Воскресенский подозвал старшину: «Ну что, товарищ старшина, как видишь, в третий раз я родился. Будем разыскивать наших, создадим партизанский отряд и продолжим борьбу с фашистами».

В небе над Орлом

55-летию Победы

171-му ИАП посвящая

171-й истребительный авиационный полк базировался под городом Елец. Командование полка: командир – подполковник Орляхин С.Н., начальник штаба – майор Жаворонков А.В., старший инженер – майор Кириллов Н.И., штурман – капитан Шевцов А.Г., командир первой авиационной эскадрильи – капитан Вишняков И.А., второй эскадрильи – капитан Старцев Т.Н., третьей эскадрильи – капитан Трубенко Г.В.

Всю зиму и весну 1943 года шла напряженная работа. Личный состав переучивался на новый тип самолетов – Ла-5.

1 июля в полк прибыла делегация из Тулы с новым знаменем и с Грамотой Президиума Верховного Совета СССР о почетном наименовании полка – Тульский.

В первых числах июля 1943 года немцы начали наступление в районе Курской дуги – с севера и с юга.

С 6 июля полк, сопровождая наши штурмовики, ведет активные боевые действия. В этих боях отличились летчики второй эскадрильи капитана Старцева.

13 июля началось наступление советских войск из района Новосиль. Летчики полка прикрывали наступление. Первую

половину дня боевые действия вели вторая и третья эскадрильи. Командир полка подполковник Орляхин с четырех утра был ногах. Руководил боем. Под маскировочной сеткой стояли две радиостанции: одна – для связи с самолетами, вторая – общевойсковая связь. На сдвинутых столах разложен планшет воздушной обстановки. Штабные офицеры передвигали флажки, указывающие на местоположение самолетов – своих и противника, замеряли расстояние, рассчитывали подлетное до целей время.

К середине дня обстановка обострилась. Армады немецких бомбардировщиков группами по 20-30 самолетов стремились прорваться к нашим войскам и помешать развитию наступления. Группа, возглавляемая капитаном Шевцовым, поднялась в воздух шестой раз, за предыдущие вылеты сбили четыре бомбардировщика и четыре истребителя противника. Через десять минут после взлета капитан Шевцов доложил, что видит группу бомбардировщиков Ю-87 и Ю-88 – около 20 самолетов под прикрытием восьми истребителей Me-109. В воздухе сплошная карусель: выше, ниже, справа и слева идут воздушные бои. Небо забито самолетами – нашими и противника. «Прошу помощи».

Орляхин дал команду: «Поднять в воздух эскадрилью капитана Вишнякова и звено управления. Группу буду возглавлять я – Орляхин». При подходе к группе Шевцова, которая вела бой, Орляхин увидел впереди справа и выше две группы бомбардировщиков Ю-83 и Ю-87 и восемь истреби-

телей сопровождения ФВ-190. Орляхин приказывает: «Звену Ивлева связать боем немецкие истребители. Звено Вишнякова атакует первую группу, вторую группу атакую я – Орляхин». С первой же атаки четыре самолета противника факелами упали на землю. Капитан Ивлев доложил, что два истребителя противника сбиты, но старший лейтенант Григорьев вынужден выйти из боя – пробито несколько цилиндров мотора.

Орляхин связался с группой, возглавляемой Шевцовым, и приказал звено капитана Гончарова направить на помощь капитану Ивлеву. Летчики звена капитана Ивлева сумели навязать противнику бои на вертикалях и сбили еще два самолета, остальные самолеты врага покинули поле боя. Подоспевшая группа капитана Шевцова врезалась во вторую волну бомбардировщиков, с которой вел бой Орляхин, – еще два стервятника были сбиты. Подполковник Орляхин дал команду всем возвращаться на аэродром. Боезапас был израсходован и топливо на исходе. Сверху Орляхин видел горящий Орел. Дым расстилался на десяти километров, столбы пыли и гари поднимались на высоту до трех километров. У Орляхина шумело в голове, плохо слушались руки. Сказывалось нервное напряжение и невероятные физические нагрузки последних дней.

После посадки Орляхин направился на командный пункт. Начальник штаба полка майор Жаворонков доложил об итогах боя: сбито 12 самолетов противника, свои потери – сбит

самолет старшего лейтенанта Голика. Командир звена доложил, что видел, как горящий самолет ушел в сторону Орла.

Официантка предложила обед. Командир полка выпил два стакана компота, а от обеда отказался. Усталость сковала тело, годы напоминали о себе – было за сорок.

Позвонил командир дивизии полковник Литвинов В.Я., похвалил за успешные действия полка, но и поругал за то, что Орляхин бросился в бой сам и оставил руководство боем. Командир полка ответил: «А я и руководил боем: когда я был в воздухе, все самолеты полка вели бой».

Орляхин убедился, что большими группами самолетов в такой воздушной кутерьме управлять трудно. Принял решение самолеты в воздух поднимать шестерками – звено для боя с бомбардировщиками и пару на прикрытие. Вишняков возглавил первую шестерку, Гончаров – вторую, Соболев – третью и Шевцов – четвертую. И снова: взлет, бой, посадка, заправка, пополнение боезапаса, взлет... – и так до захода солнца. К вечеру напряжение боя спало.

Немцы отправляли на бомбометание небольшие группы бомбардировщиков под усиленным прикрытием истребителей. Летчики трех полков, базировавшихся на аэродроме, в течение дня вогнали в землю 62 самолета противника. Из последнего боя не вернулся заместитель командира первой эскадрильи капитан Алексей Гончаров.

За 13 июля 1943 года летчики 171-го истребительного авиационного полка сбили 21 истребитель противник, 10

бомбардировщиков, одну «раму». Свои потери – два самолета. Это единственный случай в истории авиации за время Великой Отечественной войны, когда летчики одного полка сбили 32 самолета противника при своих минимальных потерях.

При взятии Орла в подвале одного из домов окраины города разведчики обнаружили обгоревшего летчика. Это был старший лейтенант Голик. Его, когда он вывалился из горящего самолета, спасла густая пелена дыма. Через три месяца старший лейтенант Голик был в строю и до конца войны носил бороду, которая скрывала шрамы.

Летчики 171-го ИАП в период Орловской наступательной операции с 6 июля по 5 августа 1943 года уничтожили 108 самолетов противника.

Капитан Агафонов – комендант Одессы

Прикамье

Лето, тепло, раздолье. Слышно, как в речке Пая бултыхаются ребяташки. Семен Еремеевич, рыжеватый мужичок с бородкой клинышком, печальными глазами, стоговал. Девчушка лет шестнадцати, племянница по жене, сирота, с оспинками на лице, огненными глазами, черемной толстой косой, подвозила на Рыжке копны. Работали споро. Семен подшучивал над Танюшкой, та задиристо хохотала. Аксинья, жена Семена, поджарая баба, пришла на покос с узелком, в цветастом полушалке, светло-зеленой кофте и черной юбке до щиколоток, прокричала: «Здорово, работнички! Наверное, проголодались? Я вот с богомолья иду, сорок дней куму Степану справляли, помолились, слава Богу, все хорошо». Семен незлобно ответил: «Каждый день богомолья и поминки, а в дом стыдно зайти. Лучше бы помогла грести, а то девку надсажаем. Иди, забери домой Ванчика, где-то тут в старике с малышкой плескается».

Аксинья рожала каждый год, досмотра за детьми не было – редкие выживали. Иван был первенец, и выхаживали его дед с бабкой. Парнишка родился головастенкиным. Перед

школой уже читал Евангелие и Псалтырь на церковно-славянском языке. В школе учился с прилежанием, но учителя постоянно жаловались на его шалости: то ужа притащит в школу, то лягушат за пазухой, то осиное гнездо спрячет в коридоре, то запустит жужжащий самолетик с резиновым моторчиком. Вечерами читал допоздна. Другьям рассказывал так убедительно, как будто сам был участником или очевидцем. Врун был невероятный. Трудно было отделить правду от вымысла. Часто попадал в какие-нибудь истории. Несколько раз уходил из дому путешествовать с холщовой сумкой через плечо, добирался до самой дальней родни, откуда его привозили.

Учитель в селе – это самый уважаемый человек: он дает грамоту детям. У крестьян, которые расписывались крестиком, учитель был вроде божества, он много знал, советовал. Иван поступил в педучилище городка Оханска. Учеба давалась легко, учился с наслаждением. Почувствовав ответственность, что самому придется нести знания, посерьезнел. Шалости отошли на второй план. На третьем курсе, будучи на практике в селе Сергино, влюбился в молодую учительницу Олю. Отношения зашли далеко. Дома поставил вопрос ребром: женюсь! Как ни уговаривали родители, что молод, что надо доучиться, ответ был один: мне восемнадцать лет, отделяюсь, беру свой пай. Что в крестьянском дворе взять, хотя и жил Семен Еремеевич справно: есть лошадь, корова, плуг, хлеба хватало до нового урожая. Женитьба совпала

коллективизацией. Семен в колхоз идти не хотел ни в какую. На уговоры и угрозы не поддавался. Пришлось съезжать с обжитого места, бросать усадьбу и двор. Ивану выделили корову Чернуху. Беспокойная была корова, настырная, ходила во главе стада вместо быка. Любую изгородь быстро разбирала. Подходила к пряслу, снимала рогами верхнюю жердь, затем остальные. Если попадался переплет между кольями, то и его измочаливала. Пастухи были рады, что избавились от такой коровы.

Иван закончил педучилище, молодоженам дали комнатку при школе. А куда корову? Привел ее Иван к нам и попросил: «Тетка Татьяна и дядя Федор, купите корову, смиренная она, тихая, молочная. Нам с Ольгой деньги нужны на обустройство, да и куда мы с ней?» Чернуха быстро привыкла к маме, по характеру одинаковы, но с отцом не заладила. Если ему приходилось доить ее, то начиналось светопреставление. Подойник летел в сторону, хвостом била по лицу, а то и рогом могла поддеть. Дойка заканчивалась криком, а молока в подойнике – кот наплакал.

В 1938 году у Ивана уже было двое малышей: один еще в дольке, а старший, лет трех, шустро бегал по селу. Иван поступил на заочное отделение Пермского пединститута.

Когда началась война, Иван работал директором семилетки в Сергино. В первый же день пришел в военкомат с заявлением об отправке на фронт. После коротких курсов его назначили командиром роты, которая состояла из выпуск-

ников десятых классов и преподавателей начальной школы. Интеллигентная получилась рота.

Окружение

Под Вязьмой, после изнурительных боев, полк попал в окружение. Командир полка приказал повзводно пробиваться из котла. Иван с таким приказом не согласился, попросил разрешения действовать самостоятельно. Один взвод оставил на высоте, которую обороняла рота, второй послал разведать пути отступления, третьему приказал снять крышу с колхозного сарая и сбить доски попарно. За высотой начиналось огромное болото, за болотом – река, по противоположному берегу которой проходила оборона наших войск. К вечеру прибыли разведчики по шею в грязи. Бой за высоту шел весь день, что дало возможность вырваться нескольким группам солдат из окружения. Иван сосредоточил на высоте все минометы и станковые пулеметы полка, мин и патронов было достаточно. Высота изрыгала минометно-пулеметный огонь подобно вулкану. К вечеру атаки немцев прекратились, но и боеприпасы были на исходе. С наступлением темноты рота оставила высоту и двинулась через болото, где разведчики условными сигналами указывали путь. На зыбунах бросали мостики из досок. Перебравшись – забирали их с собой. Рота отступала почти в полном составе, шестеро убитых осталось на высоте в земле, двенадцать раненых та-

щили с собой на спаренных досках. Волокуши из досок хорошо скользили по болотной жиже. К рассвету, преодолев болото, выбрались на правый берег реки. Берег был крутой, доски сновагодились – для спуска к воде. Иван приказал переправляться повзводно, погрузив оружие и одежду на мостки из досок. Октябрь. Вода обжигала тело. С той стороны реки открыли пулеметный огонь. Иван приказал дать три зеленые ракеты и укрепил на мостике красный флаг, который до этого два дня развевался на высоте, обороняемой ротой. Первые лучи солнца осветили флаг, и алое полотнище затрепетало по ветру. Стрельба прекратилась, но у бойцов роты уже не осталось сил выбраться на невысокий кочковатый берег. Державшие здесь оборону солдаты подбежали, вытаскивали их и относили в ложбинку к костру, растирали спиртом. Чуть оклемавшихся, грузили в полуторки и отправляли в тыл. После осмотра в санбате вышедших из окружения разместили в длинном холодном сарае. Солдаты мерзли, глухо кашляли, возмущались: «Лучше бы погибнуть на высоте. Уложили бы еще несколько сот фрицев и лежали бы сейчас, засыпанные землей, в своих траншеях».

Вызывали к особисту по одному. Младшего лейтенанта Агафонова вызвали седьмым. За столом сидели четыре человека: двое спрашивали, а двое записывали. Агафонов подробно рассказал о себе, о боях полка под Смоленском, как отступали, как дрались две недели в окружении, здесь, под Вязьмой, о последнем приказе командира полка, о своих

действиях в последние сутки боев. В конце Агафонов потребовал: «Солдаты выполнили свой долг, не посрамили своей чести, дрались до последнего патрона и вышли из окружения с оружием». Подполковник позвонил: «Товарищ генерал, тут у меня младший лейтенант Агафонов, командир роты 653-го стрелкового полка. Все подтверждается. Единственная рота вышла из окружения организованно, с оружием, без потерь... Слушаю, есть! Роте двое суток отдыха, командира роты представить к званию лейтенанта и ордену Красной Звезды». Закончив разговор с генералом, подполковник протянул Агафонову руку: «Благодарю, лейтенант, за умелое руководство и разумные действия. Последний вопрос: а как бы ты вывел полк из окружения?» Агафонов улыбнулся: «Если рота вышла, то и полк можно было вывести, поставив заслоны, потери, конечно, были бы, но основной костяк был бы сохранен». Подполковник выругался: «Твой бывший командир в гражданскую эскадронкомандовал, а тут растерялся, смалодушничал, никакой смекалки. Знамя полка вместе с сейфом в речке утопил! Если б обмотался знаменем и погиб при переправе, то можно было бы простить, но он фактически самоустранился от командования полком».

Агафопова направили в распоряжение штаба армии. В запаснике офицеров было немного, в основном вышедшие из окружения.

Рота противотанкового заграждения

На второй день вызвали в отдел реформирования. Полковник Стародубцев встретил Агафонова приветливо: «Знаю о вас: как вы роту из окружения выводили и что вы учитель». На формирование соединения дали двое суток. Состав разношерстный: это и окруженцы, среди них немало кадровых солдат ополченцы. Из ополченцев, которые когда-то служили, создали противотанковую роту прикрытия. Вооружение – четыре противотанковых ружья, полсотни противотанковых мин, противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Главное оружие – мины. Задача: минирование дорог и прикрытия танкоопасных направлений.

Иван за три месяца боев хорошо освоил тактику ведения открытого боя с пехотой и танками, но минное дело было для него новым и незнакомым. Агафонову дали капитана-подручника, который наспех учил командиров взводов и отделений устанавливать мины. Противотанковое ружье солдаты освоили за день. Через сутки роту срочно бросили на Калининское направление: в сторону Москвы прорвалась колонна танков. Рота прибыла к высоте 237 к вечеру. Агафонов наблюдал в бинокль, как немцы восстанавливали взорванный мост через реку. По бокам дороги – болотина. На той стороне реки накапливалась танковая колонна. Агафонов первый

раз в жизни заматерился: «Ну где артиллерия, где авиация? Пару самолетов – и колонна застряла бы тут». По связи сообщил обстановку, ему ответили: «Ваша задача – остановить танки, чтобы они не вырвались на автостраду, которая проходит позади вашей высоты». Агафонов приказал минировать дорогу и все съезды с нее. Дорога огибала высоту. С одной стороны дороги – овраг, с другой – крутяк. Противотанковые расчеты разместил после минного поля, у неглубокого овражка. По расчетам Агафонова, прорвавшиеся танки тут замедлят движение, и по ним будет удобно бить сбоку.

Но события стали развиваться не по плану Агафонова рассветом колонна танков двинулась по большаку. Танки шли как на учениях, удерживая уставную дистанцию. Метров через пятьсот подорвался первый танк и сполз в овраг, за ним подорвался второй. Третий танк обошел его, но тоже вскоре подорвался в узком месте дороги, идущий за ним танк спихнул его в овраг, но через минуту подпрыгнул и развернулся поперек дороги, видимо, попал сразу на две мины. Танки остановились, затем начали отходить. В это время через восстановленный мост переправились три тяжелых танка и стали огибать высоту справа по лесной тропе, подминая деревья. За танками бежало десятка два солдат. Агафонов увидел в этом опасность: за тяжелыми танками может двинуться вся колонна. Лесная тропа не прикрыта. Агафонов приказал сержанту Пузикову с отделением отсечь пехотинцев, а взводу старшины Торопицина противотанковыми гранатами

забросать танки, расчетам противотанковых ружей сменить позицию, быть готовыми встречать танки с правой стороны высоты. Прошло минут десять, внизу, под высотой, разгорелся бой. Танки открыли орудейный и пулеметный огонь по выбегающим на поляну бойцам. Агафонов кричал: «Ну обормоты, ну вояки! Зачем лезут на открытую поляну под пулеметы?» Все-таки один танк загорелся, второй крутился на месте, но третий танк продолжал двигаться через ельник. Агафонов схватил ящик с минами и вместе с ординарцем, обдирая в кровь лицо и руки о сучья ельника, побежал вниз – навстречу танку. Бронированная машина выскочила на них неожиданно. Агафонов крикнул ординарцу: «Прыгай в сторону!» – а сам с ящиком мин бросился под правую гусеницу. Раздался мощный взрыв. Танк завалился на бок. Ивана отбросило в ельник. Молодые елушки смягчили удар, это спасло его от смерти. Ординарец Николай Худяков еле-еле вытащил командира из ельника. В это время Худяков увидел, как с нашей стороны из-за высоты к наведенной немцами переправе полетели огненные хвостатые кометы, услышал глухие разрывы, ощутил покачивание земли. Подбежали два солдата из стрелового взвода, вдвоем потащили Агафопова на командный пункт, а оттуда на шоссе.

Год лейтенант Агафонов приходил в себя. Ноги, руки были переломаны, позвоночник сдвинут. Три месяца пролежал бревном в гипсе от пяток до шеи. Няни кормили с ложечки. Сначала сняли гипс с ног, потом с рук и шеи, но на тулови-

ще оставили еще на три месяца. Мясо клочьями отпадало по всему телу. Руки плохо слушались. Но Иван был молодой, задиристый и настырный. Хорошо говорить стал только через год. Врачи удивлялись его живучести. Когда, придя в сознание, сквозь пелену увидел себя, закованного в гипс, то мысленно пошутил: «Хороший из меня снаряд получился – бронебойный». Дурных мыслей не было: ребята из его роты лежали в земле, а он наверху, надо выбраться, чтобы отомстить за сослуживцев.

Днепр

Осенью 1942 года Ивана комиссовали подчистую: еще ходил на костылях. Предложили должность начальника мелового карьера. Хотелось в школу, но речь еще не четкая, да и не выстоять у доски и часа, а тут спецпаек и лошадь с кошевкой. Да и детей надо было поднимать, их стало трое.

По весне 1943 года Иван затосковал. После Курской дуги немцев погнали восвояси. Иван усиленно занимался гимнастикой. В сентябре 1943 года пришел в райвоенкомат. Военком объявил: за бой у высоты 237, за выполнение задачи командования лейтенанту Агафонову присвоено звание «старший лейтенант» и он представлен к ордену боевого Красного Знамени, Иван стал проситься на фронт. Врачи отговаривали. Написал письмо областному военкому. Пришло разрешение – в нестроевую часть. По пути, в поезде, случайно

встретил своего бывшего командира дивизии. Генерал Печенкин узнал Ивана по рыжему вихрастому чубу. Затащил в свое купе, стал расспрашивать, сказал о наградах. Иван ответил, что знает: сообщил в военкомате. Генерал Печенкин был в Ставке Верховного Главнокомандования. Уговаривал Ивана переходить на штабную работу: «Нам такие головастые нужны». Иван попросил направить в действующую армию. Прибыл под Харьков в распоряжение командующего 3-м Украинским фронтом. В штабе старшему лейтенанту Агафонову предложили формировать противотанковый батальон или остаться при штабе. Во время беседы зашел командир дивизии прорыва. Послушал разговор и предложил: «Старшой, давай ко мне, слышу, ты бывший директор школы, подход к людям имеешь. Я за три дня потерял трех командиров штрафного батальона и почти весь личный состав. Будет не сладко». – «Согласен, но с условием: батальон буду укомплектовывать сам».

Агафонов велел построить остатки батальона. Поздоровался с каждым за руку. Попросил рассказать о себе, но только правду, пусть и горькую. В батальоне были и летчики, сбитые над территорией врага, и обгоревшие танкисты, и взводные, не выполнившие боевую задачу. Но двое – с тонкими пальцами и наколками на руках, с мутными глазами – не понравились Агафонову, беседовать с ними не стал. Оставшихся после собеседования собрал у костерка и спросил: «Как же так: три дня – и нет трех командиров, и вас осталось сем-

надцать человек. Не берегли друг друга. Будем отрабатывать взаимовыручку в бою». Распределил по должностям.

На второй день в батальон пришел пожилой, невысокого роста мужичок, усатый, с вкраплениями пороха на правой щеке, без большого пальца на левой руке, списанный в тыловые часто. Обратился: «Разрешите, товарищ командир, попрощаться. Две недели вместе воевали, толковые ребята». – «А вы за что?» – «Да было дело, старшине набок нос своротил: мы три дня в окопах голодали, а он в деревне с бабами пьянствовал, ну и проучил его. Нас обоих в штрафной, только он в первом же бою спину показал, ну кто-то из ребят снял его, наверно. Рабочий я, на заводе в цеху парторгом был». Агафонов загрустил, солдаты заметили это: «Ну что вы, товарищ старший лейтенант, на фронте всякое бывает». – «Я не об этом, а о том, что списывается, уходит из батальона наставник... Как говорится, искупил вину. Хорошим агитатором у нас в батальоне был бы». На что мужичок ответил: «На такую должность согласен, дело привычное». Фронтвики обступили рыжеусого, хлопали по спине, обнимали. Агафонов побежал в штаб бригады, которой был придан батальон. Долго объяснял, еле выпросил, чтобы оставили Кузьму Кайгородова в батальоне.

На другой день на шести «студебеккерах», под охраной, в батальон привезли пополнение. Агафонов поинтересовался: «Откуда?» С машины дружно закричали: «С Колымы, политзаключенные!» Агафонов велел построиться. Это были

зрелые мужики со сроком по десять – пятнадцать лет. Агафонов спросил: «Будем воевать?» Из строя ответили: «Будем, мы сами попросились на фронт. Фашистов надо добивать. Не враги мы советской власти, поверьте хоть вы нам». Агафонов сказал: «Это мы проверим в бою... Командирам рот, взводов подобрать себе людей».

Усатый агитатор-парторг и адъютант – танкист с обгоревшим лицом – не отходили от Агафонова ни на шаг, берегли его как наседка цыплят от ястреба.

Через день получили приказ на марш-бросок к Днепру, в первой же деревне Агафонов приказал разобрать колхозный амбар и две конюшни. Бревна велел скрепить попарно. Распределившись по четверо, солдаты, обливаясь потом и матеря Агафонова, тащили такие тараны. Но обстрелянные фронтовики знали, что одиночное бревно в реке будет вертеться и разворачиваться по течению. На третий день, перед рассветом, вышли к излучине Днепра. Приказ – форсировать с ходу. «Флотилия» Агафонова, по четыре тарана в ряд, соединенных веревкой, потянулась через Днепр. Соседние части переправлялись на подручных средствах: плотиках, лодках, надувных камерах, одиноких бревнах. Немцы спохватились поздно, когда батальон Агафонова был на середине реки. Ударил артиллерия, застрочили пулеметы. От разрывов бомб, мин, снарядов нагруженные боеприпасами лодки переворачивались, камеры, пробитые осколками, тонули. Командир бригады с берега наблюдал за пере-

правой, чертыхался, видя, как гибнут его батальоны, только батальон Агафонова на своих таранах змеей вытянулся от берега до берега. Закрепив снаряжение, оружие, одежду на плотиках-таранах, солдаты в нижнем белье переправлялись через Днепр. Выскакивали на берег и мчались вперед. Немцы, увидев белую, злобно орущую массу, изрыгающую огонь, бросились бежать, крича: «Сатана! Сатана! Сатана!» Заскочив в немецкие солдаты снимали с себя белье, отжимали и быстро надевали обмундирование. Немцы открыли минометный и пулеметный огонь из небольшого села, которое вытянулось вдоль поймы гривке. Передние дома хорошо просматривались, но из-за первого ряда не было видно, что у них делалось в тылу. Соседи Агафонова справа и слева после нескольких попыток в течение дня так и не смогли закрепиться на берегу. Весь день было слышно, как вверху и внизу по течению шли тяжелые бои с применением авиации с той и другой стороны. После очередного артобстрела немцы шли в атаку, стараясь сбросить батальон Агафонова в реку. К ночи атаки немцев прекратились. Агафонов недоумевал, почему нет помощи, почему никто не переправляется на захваченную его батальоном полосу берега шириной с полкилометра. Вызвал командиров рот, но вместо троих прежних, кроме командира первой роты – рослого артиллериста, явились другие. Подсчитали потери: при переправе разбило два плотика-тарана, погибло семь человек и девять ранено, за день боев 41 человек убит и 67 ранено. Агафонов приказал

легкораненым остаться, а остальным с тремя разведчиками переправиться на ту сторону Днепра. Ни патронов, ни продовольствия не осталось. В полночь вернулись разведчики, доложили, что на берегу нет их соединения, видимо, части отвели или бросили на помощь соседям. В лесочке нашли связистов, которые тянули связь вдоль Днепра, попросили их передать в штаб армии, что штрафной батальон удачно закрепился на правом берегу Днепра. Агафонов не понимал: если командование и погибло (но кто-то же из штаба бригады должен был остаться в живых), как могли бросить их на произвол судьбы? Только после войны, дознаваясь о трагедии батальона, узнал, что батальон выполнял отвлекающий удар. Агафонов приказал собрать все немецкое вооружение и продовольствие. Нашли два десятка ящиков с патронами к немецким автоматам и немецкие гранаты с длинными ручками, но вот с продовольствием дело обстояло плохо. Насобирали мешок галет и полсотни банок мясных консервов.

Ночью выпал небольшой снежок, слегка подморозило. Луговина, поросшая густым ивняком, побелела. Окопы черными зигзагообразными линиями четко просматривались из села. В бинокль было видно, как немцы готовились к атаке. Агафонов приказал: вооружиться немецкими автоматами и гранатами, надеть белье поверх обмундирования, незаметно, в утреннем тумане выдвинуться вперед и, подпустив немцев как можно ближе, забросать их гранатами и на плечах отступающих ворваться в село.

Как только туман начал рассеиваться, над окопами, полчасика назад покинутыми батальоном, загрохотали взрывы. Три пары «мессеров» заходили вдоль окопов и вели прицельный огонь по оставленным бойцами чучелам. Солдаты кочене-ли на тонком снегу, который начинал под ними таять. Хотелось вскочить, размяться. Наконец немцы пошли в атаку. Агафонов дал красную ракету. Три сотни окопавших солдат одновременно бросили гранаты и с криками «За Родину, за Сталина!» устремились вперед. Немцы опешили, многие со страху подняли руки: «Дьяволы! Дьяволы! Дьяволы!» Остальные, даже не пытаясь отстреливаться, мчались к селу. Расчеты немецких пушек и минометов бросились бежать вдоль улицы к кирпичному зданию школы, которую батальону пришлось брать с ходу. Немцы к обороне села готовились основательно. Запасов продовольствия и вооружения – на дивизию. Агафонов приказал занять оборону, каждую постройку превратить в дзот. С западной стороны вдоль села тянулся заросший вербами овраг, по которому бежал ручеек. В течение дня немцы атак не предпринимали. Слева и справа шли бои, они то утихали, то разгорались с новой силой. Ночью Агафонов похоронил убитых и отправил раненых через Днепр. В его распоряжении оставалось еще до двухсот бойцов – это была сила. Перед рассветом вместе с разведчиками прибыли офицеры штаба армии. Удивились, что батальон не только жив, но и занимает очень выгодную возвышенность – гривку. Агафонов узнал, что бри-

гада и брошенные ей подкрепления, переправившись выше по течению, не смогли закрепиться. Всю ночь шла переправа войск на позиции штрафного батальона. Был отдан приказ: батальон Агафонова отвести в тыл и расформировать. За выполнение задачи командования с бойцов снималась судимость: они стойкостью и преданностью искупили свою вину. Остатки штрафного батальона выстроились на поляне перед штабной землянкой. Парторг-агитатор Кузьма Кайгородов с перевязанным правым плечом, в фуфайке внакидку, заявил: «Вместе воевали, вместе лиха хлебнули, вместе и останемся. Правильно говорю, бойцы?» Строй дружно ответил: «Верно!» Кайгородов выждал минутку и добавил: «К командованию есть просьба: оставить старшего лейтенанта Агафонова над нами командиром, уж больно толковый и смекалистый, наверное, на всю армию один такой». Полковник ответил: «Отныне он капитан, будем оформлять документы на Героя Советского Союза а пока – вручаю орден боевого Красного Знамени». Агафонов ответил: «Невезучий я: туда представления, а оттуда – одна слякоть», – и показал на небо. В это время раздался звук пикирующего «мессера». Агафонов крикнул: «Ложись!» «Мессер» низко прошел над поляной, поливая из пулеметов. Пуля раздробила левую лопатку. Капитан Агафонов приподнялся, но встать не смог. Из штабной землянки выбежали офицеры. Полковник лежал на боку, прижав правую руку к сердцу, сквозь пальцы била кровь.

Одесса

И снова по госпиталям. Три операции. Рука сгибалась в локте, пальцы работали, но в предплечье не поднималась, что злило Ивана. В начале 1944 года Ивана комиссовали. Приехал домой, навестил родных, близких, кое-что поделал по дому. Старшие сыновья подросли. Жена Ольга заведовала детским домом а селе Ленино. Дети были при ней, там питались и учились. Через месяц Иван затосковал.

Наши взяли Кривой Рог, гнали немцев с Украины. Иван зачастил в военкомат. Не брали. Написал письмо Сталину. Пришел ответ: «Удовлетворить просьбу». Капитан Агафонов прибыл в областной военкомат. На груди два ордена боевого Красного Знамени, орден Красной Звезды, три медали «За отвагу». Стал проситься, чтобы разрешили выехать в часть, в которой был при обороне высоты 237. На армейское командование была обида за то, что при переправе за Днепр батальон фактически был брошен на гибель. Добрался до Москвы. Дали предписание и отправили с резервной танковой частью в распоряжение штаба 3-го Украинского фронта.

При погрузке в эшелон какой-то майор прикрикнул на капитана Агафонова: «Посторонитесь, видите, погрузка идет, могут зацепить». Голос показался знакомым. Агафонов прищелкнул: так этот обгорелый танкист – начальник штаба его штрафного батальона Федор Селезнев. Агафонов тихо

проговорил: «Федор, ты?» Тот ответил: «Федор, ну и что, тридцать лет Федор. – А потом заорал: – Ребята, мать честная, комбат родной, ребята, это благодаря ему я живой и с вами! Старшина! Это мой крестный, а ну-ка тащи!» Капитан Агафонов возразил: «Давай, майор, расставляй по платформам свои красавцы-танки, потом в дороге отметим встречу».

По прибытии к месту дислокации капитану Агафонову предложили: «Принимай шахтерский батальон, в основном молодежь, все с оккупированной территории, у тебя есть опыт командования бойцами и похлеще. Не беспокойся, они немца ненавидят больше, чем мы с тобой. Неделя на сколачивание и подготовку».

Батальон капитана Агафонова участвовал во взятии Николаева. В конце марта 1944 года командир дивизии лично поздравил Агафонова за умелые действия и вручил орден Отечественной войны II степени. Батальон при штурме Николаева находился на главном направлении, но вышел из боев с минимальными потерями. Шахтеры поверили в капитана Агафонова. Без передышки, с ходу, батальон бросили на Одессу. В бой ввели в районе Молдаванки. Батальон прорвался на знаменитый Привоз. К вечеру пробились к вокзалу, хотя такая задача и не стояла перед батальоном. Немцы уходили морем: Одесса была окружена с суши. Но в море их корабли встречали подлодки, катера, эсминцы Черноморского флота. Немцы решили прорываться берегом. Ночью они предприняли несколько контратак. Командир дивизии

отдал приказ: «Вперед не соваться, вокзал оборонять и захватить близлежащие дома». Бойцы батальона слышали, как в городе идет бой, особенно яростно в районе порта. 10 апреля Одессу очистили от немцев. Прибывший на бронепоезде командующий армией поблагодарил личный состав батальона, командира за умелые действия: «Ну что, капитан, получай “Отечественную войну” первой степени. Слышал о тебе, что дважды на фронт израненный пробился, знаю, что имеешь хорошие организаторские способности. Немцы не успели все уйти из города, прячутся по подвалам и разрушенным домам. Вреда могут принести много, да и всякой сволочи в городе полно: бандиты, лжепартизаны. Назначаю тебя комендантом Одессы. Оставайся тут со своим батальоном». Агафонов возмутился: «Товарищ командующий, это несправедливо, не для того я, контуженый и калеченый, на фронт прорывался, чтобы отсиживаться в тылу. Наши части вышли на границу с Румынией. Хочу и немцев добить, и Европу посмотреть!» – «Европу ты еще посмотришь. Думаю, что тут не слаще будет, чем на передовой, а во много раз труднее. Приступай к исполнению обязанностей, инструктаж получишь у начальника гарнизона».

Первая неделя для капитана Агафопова была сплошным кошмаром. Спал часа по два в сутки. Особо напряженными были ночи. Докладывали то о том, что в разрушенном доме оказались немцы, которые не сдаются, отвечают огнем, – пришлось выжигать огнеметами, то группу офицеров

на Греческой площади забросали гранатами, то водозабор взорвали, то появилась банда, которая вырезает семьи. Батальон нес потери большие, чем в боях. Только через три месяца в городе был наведен относительный порядок. Банду головорезов выследили. Капитан Агафонов приказал тридцать человек расстрелять и сбросить в море. Пошли жалобы. В бандах оказались великовозрастные сынки высокопоставленных лиц, дезертиры или скрывающиеся от призыва в армию. Капитана вызвали в особый отдел гарнизона. Стали упрекать в том, что он действует незаконно. Агафонов вскипел: «А они действовали законно? Вырезают детей, стариков, целые семьи, убивают на улицах невинных людей. С наступлением темноты в городе нельзя появиться на улице». Майор-особист, с желтоватым лицом и раскосыми глазами, закричал: «Что, капитан, снова захотел в штрафной батальон?» Агафонов не выдержал и задержил: «Во-первых, я штрафным батальоном командовал добровольно, потому что там большинство были невинные люди, некоторые из них настоящие герои, а батальоном посылали командовать негодяев и дураков! Вы тут штаны протираете, а я с первых дней войны на пузе всю нашу Родину прополз вдоль и поперек!» Особист озверело смотрел на капитана, широко открыв рот, но сказать ничего не мог. Капитан Агафонов почувствовал, как будто кто-то ударил его по затылку, и грохнулся перед столом особиста.

Через сутки Иван пришел в себя в госпитале. Оказалось,

что, падая, он повредил позвоночник, ударился головой о стену. К тому же напомнили о себе старые контузии, снова нарушилась речь. В госпитале провалялся три месяца. К концу срока стал ходить без костылей, речь оттренировал, она стала четкой, выразительной. После отправили в Сочи – на реабилитацию. Была зима. Погода скверная, больше походила на осеннюю, чем на зимнюю. Море шумело рядом с санаторием, раздражало, не давало спать. Курортный город жил своей жизнью. Отдыхало московское начальство и разные чиновники. Иван злился: там, на фронте, погибают мальчишки, семьи теряют кормильцев, а здесь развлекаются. Настаивал, чтобы его выписали и отпустили в свою часть. В марте привезли эшелон раненых из Венгрии. Ходячие пошли встречать. В соседнюю палату поместили безногого майора. Агафонов узнал в нем адъютанта командира дивизии, в составе которой брал Николаев и Одессу. Майор Вотяков рассказал, что в боях под озером Балатон дивизию сильно потрепали немцы, много знакомых Ивану командиров погибло, а батальон его почти весь полег на высоте 671, но не дал погибнуть дивизии.

На другой день майор Вотяков попросил начальника госпиталя, чтобы отпустили Агафопова в свою часть: он там очень нужен, офицерский состав сильно поредел.

Прага

Через неделю капитан Агафонов отправился разыскивать свою часть. Радио и газеты сообщали, что Берлин окружен. Иван переживал: столько перенес, столько выстрадал, а в штурме Берлина не придется участвовать. Дивизию нашел у озера Веленце. Дивизия пополнялась украинцами, в том числе и одесситами. Капитана Агафопова направили в его батальон, но там осталось только трое старых солдат. Попросил командира дивизии сформировать батальон из одесситов, как наиболее смекалистых солдат. Начальник штаба выстроил батальон, командир представился: «Капитан Агафонов». Одесситы слышали эту фамилию – она наводила страх и ужас на шпану, дезертиров и разное ворье. Агафонов начал усиленно готовить батальон к боям в городе. Некоторые командиры взводов возмущались: «Сегодня-завтра падет Берлин, зачем нам такая подготовка».

Но в ночь с 6 на 7 мая дивизию по тревоге посадили на «студебеккеры» и ускоренным маршем бросили к Праге: там началось восстание. 8 мая дивизия вступила в бой в пригородах Праги. Всю ночь с 8 на 9 мая шли уличные бои. Брели штурмом дом за домом. Рядом отчаянно дралась с немцами какая-то непонятная воинская часть. Когда установили связь, то оказалось, что это власовцы. Солдаты батальона роптали: «Это предатели!» Иван успокаивал: «Возьмем Пра-

гу, там разберемся, кто они, а сейчас их помощь нам очень нужна».

Днем 9 мая батальон капитана Агафонова прошел строевым шагом по главной площади Праги под крики горожан: «Победа! Победа! Победа!» Капитан Агафонов и несколько офицеров – многие из них были участниками боев за Москву, Сталинград, форсировали Днепр – просили у командира дивизии разрешения побывать в Берлине, на что командир ответил: «Упрашивать меня нечего, есть приказ отправить батальон капитана Агафонова под Потсдам».

Проезжая через Берлин, Иван остановил машины на площади перед рейхстагом и, вооружившись немецким кинжалом, выцарапал на одной из колонн: «Капитан Агафонов, Урал». Солдаты батальона где-то достали банку зеленой краски и кистью расписывались на стенах рейхстага. По прибытии батальона в распоряжение части, базирующейся вблизи Потсдама, Агафонов доложил командиру части. Командир части, среднего роста майор, седой, с усталым лицом, воспаленными глазами, ходил по комнате, хмурился, затем сказал: «Вижу – боевой офицер, тертый-перетертый, ну не подходящая для тебя должность, капитан, охранять немецких преступников».

По документам узнал, что в госпиталях собран ты по частям. Думаю, тебе пора залечивать раны и учить детей. К тому же есть приказ: преподавателей демобилизовать немедленно». Иван ответил: «Вы правы, товарищ майор, поизно-

сился я за четыре года, да и трое сыновей ждут дома. Соскучился по школе, по своим ребятам...»

В десятилетие освобождения Праги Ивану Семеновичу Агафонову пришло извещение о награждении его чехословацким крестом «За освобождение Праги».

Истоки

Терентий Торопица – десятник Ермака

Лето 1581 года. Большие длинноносые лодки – струги – утыкались в обрывистый правый берег Камы около устья реки Обвы, недалеко от летней резиденции Строгановых. Левый – каменистыми осыпями круто уходил под воду. Гонцы еще утром донесли Максиму Яковлевичу Аникину-Строганову о появлении флотилии на Каме. Максим с вестовым передал распоряжение, где причалить казакам. Сам подскакал к берегу на взмыленном жеребце. Льяные волосы выбивались из-под шапки-боярки. На горбинке носа выступили капли пота. Нервно дергалась левая бровь, правый глаз смотрел зло. В Ильинском стояла баржа с солью, пришедшая три дня назад с «солей». Надо было срочно отправлять ее в Нижний, но команда лежала пластом на палубе и в кустах, мучаясь коликами в животе и слабостью в теле. Дед-травник отпивал больных настоем черемухи и молодым брусничным листом. С Чусовских городков приплыл на лодке-плоскодонке посыльный с недоброй вестью: в верховьях Чусовой появились шайки татар – разоряют поселения.

Максим бойко соскочил с коня, широким шагом пошел навстречу Ермаку, долго тряс его огромную руку, как мальчишка радовался приходу казаков. Спросил:

– Тимофеевич, сколько привел?

– Да более пяти сотен.

Уселись на прибитое к берегу огромное лиственничное бревно. Максим обстоятельно рассказал о делах на Каме, о набегах пелымского царька, захватах строгановских земель и разорении поселений татарами, о том, что спрос на соль упал, расходы увеличились. Надо усиливать стражу солеварен, а где брать людей?

Местные крестьяне охотно идут на солеварни, но отказываются служить в страже: боятся отрываться далеко от своих семей.

Было первое воскресенье после Троицы – заговенье. Завтра Духов день, земля-именинница – никаких земляных и соляных работ. Сегодня народ гулял на мыске. По воде доносились звуки распеваемых песен. Атаман отдал распоряжение вытащить лодки на берег, привести их в порядок и проконопатить, но казаки стали упрашивать атамана сходить на игрища, а лодки завтра с утра обиходят. На том и порешили. Атаман велел сотникам оставить дежурных у лодок и отпустить казаков на гулянье. Максим пригласил Ермака в селение на рыбный пирог. За пирогом решили, что два месяца на подготовку похода за Урал хватит. За это время казаки отдохнут, наберутся сил, пополнят запасы пороха, свинца.

Поспеет новый урожай, возьмут с собой припасов, подберут в отряд сотни три удальцов из местного населения.

Черемный казак, постриженный кружком, с огненной бородкой и лучистыми карими глазами, тощий, выше всех на голову, на игрище выделялся неумемной удалью. Он то ходил по кругу гусем, то крутил колесо посреди хоровода, извивался, как весенний ивовый прут. Парни и казаки завидовали, а девочки не сводили с него глаз. На круг выскочила задиристая девчонка лет шестнадцати, с зелеными глазами и толстой темно-русой косой, и давай отплясывать, припевая частушки. Казак опешил. Спросил:

– Коза-дереза, звать-то как?

– Тятенька с маменькой кличут Танюшкой, а парни – Танькой. Зови как хочешь, можно и Таня, мне так нравится.

– А меня – Терентием, Тереха, Тереша. Кому как захочется.

Солнце к закату. Парни и девочки засобирались домой. Хоровод распался. Татьяна побежала к реке, впрыгнула в лодку-долбленку, оттолкнулась от берега и заработала веслом. Тереха выскочил на берег, крикнул:

– Откуда ты, егоза?

– По Сыну я, с Луговой.

Стал переспрашивать, но лодка быстро удалялась. Терентий кричал:

– Я все равно тебя найду!

Подошедший парень сказал:

– Я знаю ее, у нее тут тетка живет.

Какая-то заноза застряла у Терентия в левом подреберье.

Ночью плохо спал.

Утром Ермак собрал отряд на поляне, построил по сотням. Разъяснил, что для серьезного похода их маловато. Надо набрать служивых из местных. Места тут глухие, деревня от деревни на десятки километров. Спросил:

– Кто пойдет в вербовщики?

Терентия как кто-то подстегнул, он выскочил вперед и заорал:

– Я пойду!

Казаки зашумели:

– Ты че, оглашенный, орешь, мы не глухие.

Набралось десятка два человек. Строгановский подрядчик стал распределять казаков по рекам – кому куда. Терентий упросил:

– Пустите меня на речку Сын.

Атаман предупредил, чтобы к Ильину дню вернулись с новобранцами.

По Каме Терентий шел под парусами: дул попутный ветер. Через несколько часов добрался до поселка Усть-Сыны. Тут уговорил четырех молодцов, взял расписки. На веслах пошел вверх по реке. Было время покоса. Терентий вспомнил, как подростком на Верхнем Дону, где река у деревни была шириной две сажени, косил отцовские наделы. Вот и теперь с радостью принимал приглашения на косовицу. Плыл

от деревни к деревне. По вечерам у костра собиралась молодежь. Терентий, весной разменявший четвертак, рассказывал о службе, о прошлогоднем походе в Ливонию с атаманом Ермаком. Показывал на левом предплечье шрам от сабельного удара. Парни после рассказов обычно загорались, изъявляли желание пойти в поход за Кашлык. Но через два-три дня отказывались, ссылаясь, что, мол, «тятенька не пускает». В деревнях Терентий заходил в каждый дом, надеясь встретить Танюшку.

Река в верховьях постепенно мелела, начались галечники-перекаты, поэтому лодку Терентий больше тащил, чем плыл на ней. Услышал грохот воды, лодку закружило, впереди увидел высокую плотину, а на пригорке кучку домиков. Солнце катилось за горизонт, надо было думать о ночлеге. Подплыл к берегу, привязал лодку к старой ветле, взобрался на плотину. Подошел к мосткам, с которых ныряли в воду мужики и подростки, смывая с себя дневную пыль. Был разгар покоса. Чуть поодаль под ивой верещали девчата. Терентий загляделся и свалился с мостков. Поплыл к иве. Купальщицы заметили, повыскакивали из воды, попрятались за ветки, мокрые рубашки облепили девичьи фигуры. Терентий выбрался на берег, стал отряхиваться, но одна девица осталась и уставилась на Терентия. Тот остолбенел: перед ним была Танюшка. Перекрестился:

– Свят, свят, свят. Танюшка, это ты?

Она выпалила скороговоркой:

– Ты откуда взялся?

– Тебя ищу.

– Ну раз нашел, пойдем к нам: вечер на дворе. Я тятеньке с маменькой о тебе поведала.

Привела в дом, представила родителям:

– Вот тот самый, о котором я вам говорила.

Отец сказал:

– Все глаза проглядела, каждый день на росстань бегала: не прошел ли? Соседям жужжала: если увидите, передайте. К сердцу ты, видимо, припал. Но молода она, замуж ей рано. Одна она у нас, много было детей, да все в детстве поумирали. Не хотелось бы на старости лет оставаться одинокими.

Терентий задумчиво ответил:

– Да не спешу и я с женьбой, в поход собрались за Камень, татар погонять. Один как перст. Родители от поветрия умерли, а старшие братья и сестры поразъехали кто куда. Если жив буду – вернусь, у вас останусь. Места тут благодатные и привольные. Танюшку не обижу, не беспокойтесь. Слово казака твердое.

Объяснил, зачем послан в эти места. Отец Татьяны Степан обещал помочь в вербовке добровольцев.

Две недели пролетели, как один день. Терентий обошел соседние деревни, набрал полтора десятка парней. Вечерами ходил с Таней на пруд купаться, а по воскресеньям – на игрища. Пришло время собираться. Терентий загрустил, и Танюша сникла. Вечерами тихо плакала в светелке. Перед уходом

Терентий попросил у отца с матерью благословения, чтобы молились о нем, как о сыне, живом или мертвом. Танюшка разревелась стоя под образами. Всхлипывая, промолвила:

– Ты, Тереша, не беспокойся, ждать буду и десять зим.

Терентий на обратном пути собрал всю ватагу: более двух десятков человек. Когда привел в Ильинское, Ермак отобрал двенадцать, остальных отпустил по домам, вручив каждому по гривне за издержки. Назначил Терентия десятником и велел обучать новобранцев стрельбе из пищали, владению саблей и боевым топором.

Через месяц Ермак лично проверил подготовку новичков. У Терентия оказались наиболее обученные, за что атаман и поблагодарил его. Терентий настоял, чтобы, как положено по обычаю, мужики были приняты в казаки и приведены к присяге. Со своим десятком Терентий напросился в сотню Матвея Мещеряка. Сотнику Терентий понравился своей серьезностью, деловитостью, взыскательностью и прилежностью, хотя и был без меры шустр, за что и прозвали «Торопица». Жалованье служивым было выдано за год вперед, а остальное обещано по возвращении.

Терентий отпросился на три дня. Деньги отвез будущим тестю и теще. Наказывал: если вернусь, деньги пойдут на обустройство, а если нет, то половину родителям, чтобы в старости не нищенствовали, а вторую половину – Танюшке, пусть поминает и первенца назовет Терентием.

В Семенов день 1581 года отряд Ермака отправился за Ка-

менный Пояс мстить татарам за набеги на Пермскую землю. На большом круге было решено не за мелкими отрядами хана Кучума гоняться, а нанести удар в самое сердце погани, разрушить их столицу – укрепленный городок Кашлык.

Когда пленили татарского царевича Маметкула – племянника хана Кучума, – Терентия Торопицу с его десятком казаков отправили сопровождать Александра Черкаса до Строгановых, но предупредили, чтобы не задерживался и вернулся обратно. Хотелось повидаться с Танюшей, но время поджимало. Успел найти оказию с реки Сын и передать связку соболей – подарок Тане на шубу.

...В один из дней похода на Тобол Терентий со своими воинами был в дозоре. За крутым поворотом, когда казаки на лодках вошли в протоку, чтобы передохнуть и немного расслабиться, неожиданно из-за леска на конях выскочили татары. Подскакали к пологому берегу и засыпали градом стрел. Пока казаки готовили пищали к бою, на первой лодке убило двоих – Ивана с Обвы и Степана с Сына. Стрела впилась Терентию в надплечник, застряла в лопатке, вторая стрела пробила кольчужку, но спасла медная ладанка, подаренная Танюшей как берегень. Кость долго ныла. Терентий не мог управляться с пищалью. Пришлось тренировать левую руку, чтобы владеть саблей.

Однажды ночью, когда уставшие казаки, измотанные многодневными боями, крепко уснули на одном из островов Иртыша, их разбудила гроза. Ветер рвал пологи палаток, дождь

лил как из ведра. Матвей Мещеряк велел Терентию проверить дозоры. При вспышке молнии Терентий увидел под деревом с ножом в груди земляка с Дона – казака Мелентия, и в тот же миг сильный удар рогатины в грудь свалил Терентия на землю. Сил хватило вытащить берестяной свисток, он загудел, но звук был хилый и слабый. Видел, как метались тени между деревьями. Казаки рубились с татарами. Слышался мощный голос Ермака:

– К челнам!

Рогатина торчала в груди. Стальной ее наконечник пробил ладанку и впился в грудину. Терентий, собрав силы, вырвал рогатину, голова закружилась, в глазах потемнело. Превозмогая боль, пополз к берегу. Слышал всплески весел отплывающих лодок, звуки борьбы на берегу. Наткнулся на плотик, оставленный татарами. Нашел суковатую палку, подтянул плотик, взобрался, оттолкнулся. После ливня река вспухла, бурлила, плот закрутило и понесло вниз по течению. Терентий провалился в беспамятство.

...Солнечные лучи сквозь ветви деревьев били по глазам. Терентий пришел в себя. Плотик застрял у берега в ветвях старой ивы. Терентий разделся, отжал одежду, развесил на ветках. Хранившиеся за пазухой в кожаном мешочке огниво и кресало оказались сухими. Разжег костер. Сидя на суку, тыкал саблей в воду и вылавливал жирных сазанов. Выпотрошил, завернул в листья лопуха и сунул в золу. Утолив голод, стал взбираться на кручу, чтобы определить, где на-

ходится. Вдалеке, за изгибом реки на острове увидел дымки. Решил плыть к ним. Метров за триста рассмотрел на берегу казачьи струги. Сердце радостно стучало, билась одна мысль: спасен, спасен, спасен! Достал ладанку и начал ее целовать: она дважды спасла его от смерти, видимо Танюшка каждую минутку думает и молится о нем. Подплыл к берегу. Подбежали казаки: часовой заметил его давно и сообщил товарищам. Навстречу вышел Матвей Мещеряк, широкоплечий, крутолобый, со скатавшимися светлыми кудрями, с усталыми печальными глазами. Обнял Терентия и пробашил:

– Жив, земляк, а мы думали, что ты на тот свет поторопился, Торопица. Беда у нас, Тереша, Ермака Тимофеевича не уберегли мы. С рассветом ходили на остров, но не нашли его ни среди раненых, ни среди убитых. Раненые вон в палатке лежат, двое из твоего десятка – как услышали твой рожок, так и бросились на выручку. С Ермаком недосчитались двенадцати человек: семеро убитых, а где пятеро – неизвестно. Или, раненых, водой снесло, или в бою на воде утонули. Кого нашли – привезли сюда, тут похоронили, не стали на том проклятом острове оставлять.

Загноившуюся рану у Терентия на груди осмотрел сотенный лекарь Захар, ножом выскреб попавшую в нее грязь. Страшная боль пронзила все тело, Терентий застонал.

– Дотерпи, сейчас больнее будет. – Захар раскаленным коточиком прижег края раны, наложил повязку с дегтем и шеп-

нул: – Маленько поболит и пройдет, до свадьбы заживет.

После полудня собрали круг. С двумя тяжело ранеными и десятком легко, в основном от сабельных ударов, насчитали восемьдесят семь человек. Сход был недолгим. Выступающие говорили: «Куда мы без головы, да и мало нас осталось, к тому же раненые и больные, запасы пороха и свинца на исходе, хлеба неделю не видели, едим конину». Сотник Иван Глухов предложил было идти в Барабинскую степь: «Там хлеба вдоволь, может, и бухарцев встретим». На это Матвей Мещеряк возразил: «Идти в степь без провианта, запаса пороха и свинца, с ранеными и больными – значит сложить головы впустую или попасть в рабство». Решили идти домой через строгановские владения: там у многих родные, там знают казаков, а еще все помнили про обещанное вознаграждение. Отремонтировали лодки, поставили паруса – дул теплый ветер-южак, – и отправились вниз по Иртышу до Оби, а там через перевалы на Печору и в верховья Камы. Шли ходко. К концу сентября были в Чердыни. Обратная дорога была нелегкой. Осенью 1584 года вернулся семьдесят один человек: многие раненые и больные в дороге скончались.

Максим Строганов знал о гибели Ермака и части его отряда и о возвращении казаков. Дела у Строганова шли хуже некуда; солеварни закрывались, казна трещала, прежнего величия, славы и власти не было. Но Строгановы были людьми слова. Максим сполна рассчитался с казаками и за

погибших надбавил по два золотых. После столования казаки собрались на круг. Матвей Мещеряк сказал:

– Каждому воля вольная: кто к семье, а я снова в Сибирь, сердце мое там с моими побратимами. Просторы там необъятные, а главное – воля.

Терентий Торопица решил твердо: пора семьей обзаводиться, да и Танюшка заждалась. Казаки с Сына тоже решили вернуться в свои родные места. Поклялись породниться друг с другом и стоять друг за друга, как брат за брата, потому что единокровными стали после стольких боев и схваток. Пошли к Строганову выторговывать землю. Тот предложил:

– Выбирайте любое место, по двадцать десятин на война хватит.

На что Терентий ответил:

– Если пахотной, то хватит, а еще добавь десятин по пять леса и лугов.

Максим Яковлевич ответил:

– Вносите деньги управляющему, а как облюбуете место – сообщите, пришлю землемера.

Многие прикупили на базаре коней. Нагрузившись поклажей, с подарками, отправились по домам. С казаками с Сына увязались казаки с Сюзьвы, Поломки, Нытвы и два казака-вотяка с Шерьи. По дороге прощались, обещали гоститься. Казаки селились на новых местах, образуя деревни с названиями «Казаки» по всей Пермской земле.

Терентия ждали, слух о возвращении казаков бежал впе-

реди них. Танюшка места себе не находила. Ночью вскакивала, прислушивалась, не скрипят ли ворота, не приехал ли Тереша. Родители волновались не меньше дочери. Девчонке двадцатый год шел, налилась, похорошела. Парни из соседних деревень с ума сходили, сватов засылали, но ответ был один: «Буду ждать Терентия, как обещала, десять зим».

Терентий заявился рано утром в Покров. Ночью выпал снег, подморозило. Таня услышала топот копыт за воротами, сунула ноги в валенки, набросила полушубок, выскочила во двор. У ворот заливался лаем пес Дружок. Таня открыла калитку и увидела всадника, который пробасил:

– Не пустите ли, хозяева, погреться: озяб сильно, вторую ночь в дороге. Танюшка, услышав родной голос, ухватилась за ногу в стремени, запричитала:

– Родной ты мой, да как я тебя, сокола, заждалась, да все мои очи выплаканы по ночам о тебе, солнышко мое незакатное вернулось ко мне из странствий дальних.

Терентий ловко спрыгнул с лошади, обнял Танюшку. Крупные слезины катились по щекам казака и застревали в бороде.

– Ну-ну, не плачь, радость моя, жив, здоров, вернулся к тебе, слово свое сдержал.

Услышав шум за воротами, отец с матерью выбежали из дома, обхватили детей с обеих сторон.

– Сынок ты наш, ждем тебя, пождем каждый день. Слава Богу, что, наконец, мы вместе.

Терентий попросил:

– Тятя, помоги сумку снять с лошади, да лошадей напоите теплым пойлом, промерзли мы: всю ночь под снегопадом скакали.

Через неделю играли свадьбу. Терентий поведал, что ему разрешено выбрать землю на обустройство. Степан упросил, чтобы не трогал землю вокруг деревни.

Сколько трудов вложено, пока лес вырубали да пни выкорчевали. Там за деревней, за выгоном у изгиба реки, на холме, в прошлом году пожар прошел, лес выгорел дотла, да и луговина рядом для выпаса. Пока сила есть, помогу, бери то место.

На что Терентий ответил:

– Денег хватит нанять мужиков, чтобы пашню вычистить и усадьбу новую завести.

Починок стал называться Торопицино – по прозвищу Терентия Торопицы. В семье было решено во всех поколениях одну из дочерей называть Татьяной, сына-первенца – Терентием. Так и шло из поколения в поколение, пока не грянула революция, а потом – Гражданская. Род разбросало по земле российской. Бабушка моя была Татьяна Торопицина, и мама была Татьяна Торопицина, и по отцу и по деду величалась Татьяна Терентьевна Торопицина. С годами о своем начальном роде забыли, только помнили, что ермаковские были.

Хождение на Каспий

По переписи 1869 года в деревне Чебыки девять дворов русские, бывшие строгановские крепостные. Свободны, но землю надо выкупать. Плата округленная: по рублю за десятину. Деньги следует отвезти в Ильинское приказчику Строгановых, а пока надо платить за землю отработками: например, нарубить десять сажень сухостоя, или нажечь три короба угля, или сплавать лес от Добрянки до Астрахани. В последний день масленицы на двух кошевках, запряженных жеребцами, по деревням проезжали приказчик из Ильинского и волостной урядник из села Григорьевского. Переписывали дворы и договаривались, кто и как будет расплачиваться за землю.

Иван Федоскин с сыновьями Прокопием, Самуилом, Мелентием, Марко и племянш Осип Гришин собрались у Федоса Калиновича в старой избе, которая топилась еще по черному. Через небольшие оконца, затянутые бычьим пузырем, пробивался слабый зимний свет. Бабушка Устинья сметала со стен кружево сажи. Федос изругался: «Старая, погода бы, видишь, сын и внуки пришли, дело надо обговорить». Сыну Ивану за пятьдесят, внукам под тридцать. Федос, крупный старик с редкой бородой, лысиной на макушке, закопченным лицом, скрученный пополам, то и дело надсадно кашлял. Сыновья давно звали Федоса к себе: год как пре-

ставилась их матушка Екатерина. Но Федос неизменно отвечал: «Вот как срубит новую избу на дворе внук Мелентий, так и перейду к нему. А пока ноги ходят, в своей избе я сам себе хозяин, хочу – на печи сплю, хочу – на полатах, а то и на приступке. Каждое бревнышко родное, сам отесывал».

Плата за землю деньгами отпадала: где их взять? Хорошая корова стоила семь-восемь рублей. Откуда деньги? В хозяйстве все натуральное, самодельное, начиная от деревянной ложки, лоханки, саней, заканчивая зипуном и катанками. На ярмарках в Ильинском и Григорьевском ничего не продашь. У селян все свое. Товар скупали перекупщики за бесценнок. Мужики с осени накапливали кружки топленого масла, туши свиней, баранов и везли к Рождеству на базар в Пермь. Останавливались обычно на заимке, где были постоянные дворы. До заимки полтора дня езды, ночь проводили в Нижней Курье. Дорога дальняя, более семидесяти верст. Ехали на пяти-шести подводах, так сподручнее. Не дай бог случится отворачивать от встречного ездока. Снега более метра наметает к Рождеству, а к масленице – около двух. Отврати в сторону – и лошадь по брюхо в снегу, лопнувшие завертки или треснувшая оглобля. Да и мороз под сорок – дело нештучное. За возом бежать – спина мокрая, в тулупе путаешься, сидеть на санях – коченеешь.

Рубить десять сажень в длину и сажень в высоту – это работа всей семьей на два месяца. Двое пилят, один сучкует, подростки прутья собирают к костру. Делянка должна быть

вычищена. Утомительная и тяжелая работа с кряжами на морозе.

Жечь древесный уголь – на это требуется сноровка и терпение. Надо подобрать хороший сушняк, нарезать, оставить в кучах – шишах, обложить его дерном. Вверху невеликое отверстие сбоку, снизу регулируемая щель для доступа воздуха. Надо иметь великое умение управлять огнем, чтобы бревно потомилось и превратилось в уголь. Многие пробовали жечь уголь – не получалось: или сгорало дерево дотла, превращаясь в золу, или обугливалось только сверху, а сердцевина оставалась нетронутой. У хорошего обжигальщика после раскрытия шиши бревна рассыпались огромными углями. Уголь этот отвозили на плавильные заводы в Григорьевское, Нытву. Из трех сыновей Федоса уголь жечь изловчился только Михаил.

Мужики долго спорили – решили идти на сплав, дело это стоящее: Россию посмотрим и денег подзаработаем, если повезет. Сплав начинался в конце апреля. За две недели по быстрой весенней воде плоты доходили до Астрахани, а оттуда если торопно, то за шесть недель добирались домой. Зачастую нанимались тянуть баржи вверх по Волге. Хозяин обеспечивал харчем и еще платил. Среднюю баржу тянули до десяти человек. Времени уходило до двух месяцев. К уборке озимых успевали.

Было решено: идут вчетвером – Иван с сыновьями Марко и Мелентием, которые жили самостоятельными хозяйства-

ми, и Осип. Мужики плели запасные лапти, сушили сухари, коптили мясо. Отгуляли пасхальную неделю, попрощались с родными, и, до начала водополя. Федос отвез сплавщиков в Добрянку. Тут из них формировали бригады: на каждый плот по восемь человек, две смены – рулевой, двое боковых и смотрящий. Запаслись сушняком для очага. Плоты собирали специалисты-плотовщики. На центральном плоту ставили рубленый домик из жердей. Выкладывали на середине плота гнездо из камней, утрамбовывали его вязкой глиной – и место для огня готово.

В апреле и начале мая Кама бурная и полноводная. Вода затапливала окрестности и на стремнине мчалась с гулом и яростью.

Главное на плоту – не зевать, чтобы не столкнуться со встречной баржей или весельным баркасом, чтобы плоты не слетелись друг с другом и не расшиблись. Самый главный на плоту – рулевой, но и смотрящий не может быть раззявой, а боковые должны обладать недюжинной силой – чтобы могли вовремя оттолкнуться от встречного препятствия.

Помолившись в соборе, мужики отправились в путь. До Казани плыли быстро, без происшествий, встречный транспорт попадался редко. Полюбовались на Казанский кремль. За Казанью Кама впадала в Волгу. Два мощных течения встречались недружелюбно, боролись: чья возьмет, за кем будет власть. Плоты на стыке течений начало крутить, разламывать. Бревна стали расходиться, веревки лопаться. Руб-

ленный домик перекосялся. Сплавщики носились по плоту от края до края. Плот бросало из стороны в сторону, кругом трещало и охало. Третий раз гонял плоты Осип, но, по характеру горячий, больше суетился и матерился. Иван только вскрикивал и крестился, а Марко бегал за отцом и орал. «Тятенька, утонем!» Мелеха оказался более догадливым – сообразил, что надо править к левому берегу, более пологому, где вода шла тише. Мужики пришли в себя, начали слушаться Мелеху. Плот растрепало – надо было его стягивать. Осип, перевязывая бревна, соскользнул, и ногу зажало между бревен. Заорал: «Спасите, караул!» Подбежал Иван с багром, отжал бревно, Осипа вытащили, но Иван на мокрых бревнах не устоял и ухнул в воду. Спас его багор: Иван успел зацепиться им за бревно. Лапти намокли, тянули вниз, багор скользил в руках. Пальцы не слушались. Мелеха кричал: «Тятенька, бултыхай ногами!» Однако ноги не слушались, свело судорогой. Мелеха выхватил багор у Марко, еле-еле смог уцепить Ивана за зипун и подтянул к плоту. Вытащили. Сняли с него мокрую одежду, выжали, повесили сушить, одели в сухое. Пока вылавливали Ивана, плот отжало к левому берегу и посадило на мель. За лужком виднелась деревня. Мужики стали кричать и махать. Подплыл на лодке низкорослый, конопатый, с большими ушами татарин. Представился: «Касим я, Касим! Садитесь по двое в лодку, перевезу в деревню. За плот не беспокойтесь, дело к вечеру, вода спадает, сейчас плот не сдвинуть, и никуда он до утра не денет-

ся». Касим натопил баню, выпарил мужиков, напоил кумысом. Навалил овчины на пол, уложил спать. Утром на завтрак наварил огромный чугун супа из конины, в котором плавали крупные клецки. Пока одевались, набилась полная изба татар, многие хорошо говорили по-русски. Пошли разговоры. Во дворе запыхтел огромный самовар. После трапезы на шести лодках поехали к плоту. Плот чуть развернуло. Сообща плот с мели столкнули, но он не двигался по течению. Отталкивались, пока хватало длины шестов. Касим, поругав шайтана, сказал: «В мертвую воду попали, заводь тут». Мимо по разводью двигались плоты, обгоняя друг друга. Касим попросил длинную веревку. Связали трое вожжей, закрепили на плоту. Татарин смотал вожжи в круг. Мимо заводи медленно проходил плот. Касим кричал плотовщикам, размахивал руками, пояснял. На плоту поняли. Покрутив вожжами в воздухе, Касим метнул их на соседний плот, там успели поймать. Касим приказал отталкиваться шестами, вожжи натянулись, плот медленно сдвинулся с места и тихо пошел по течению. Рулевой стал выправлять на стремнину. Мужики обрадовались, бросились обнимать татар. Иван побежал в домик, вытащил из сундука рубаху, вышитую петухами и елочками, подарок жены к свадьбе, поднес Касиму. Тот догадался, что это самое дорогое для Ивана, стал отнекиваться. Иван настаивал: «Это память жителям деревни за выручку». Татарин, не долго раздумывая, отцепил от пояса кривой нож с инкрустированной серебром ручкой. Иван опешил –

он знал цену такому ножу. Распрощались по-братски. Мужики долго махали шапками, пока лодки татар не слились с берегом.

До Жигулей плыли ходко, пристроившись впритык к другим плотам. Раза два попадали под дождь, но весеннее солнце быстро высушивало одежду. У Жигулей началось светопреставление. Скопились плоты, получилось стопорение. Стараясь вырваться из этого затора, еще больше создавали суматохи. У яра плоты попадали в круговорот, их разламывало. Над рекой стоял треск, слышались вопли. Спасать было некому. Некоторые сплавщики бросали свои плоты и прыгали на другие. Посовещавшись, мужики решили: пока не зажало подплывающими плотами, чалить к левому берегу, на отмель. Отталкиваясь баграми от других плотов, отходили к левому берегу. Плот затянуло в заросли ивняка. Просматривалось дно, но и здесь течение еще беспокойное. Раза два застревали между старыми ивами. Приходилось спрыгивать в обжигающую холодом воду, подрубать ивы и так двигаться по течению. Никто не последовал их примеру, думали, что пронесет. Остальные плоты выбрались из затора только через неделю – после того как утихла большая вода.

К вечеру утесы Жигулевских гор остались позади. Перед Астраханью их встретил строгановский приемщик. Завели плот в одну из протоков. Продукты кончились. В мешках осталось по паре пригоршней крошек от сухарей. Приемщик знал, что десятки плотов разбились у Жигулевских гор. За

благополучную доставку вручил каждому по три рубля. Рядили, судили, как добираться домой. За пару месяцев можно и пешком, подрабатывая в дороге на хлеб, но можно наняться тащить баржу. Работа эта адская, но зато платят по пятнадцать рублей.

Мелентий, как грамотный и наиболее расторопный, нашел артель из таких же сплавщиков, которые не раз таскали баржи. Договорились. Баржа была среднего класса, груженная товаром из Персии. Хозяин обещал кроме платы кормление, одежду и обувку (по две пары лаптей). На дорогу хозяин запасся сушеной рыбой, крупами. Хлеб покупали в прибрежных селах, на остановках. При барже было шесть человек охраны, вооруженных кремневыми ружьями и бердышами. Первые дни шли берегом быстро, делали по сорок километров в день. Мелентий смотрел, как их обгоняли парусники. Дул сильный ветер-южак. Мелентий предложил хозяину поставить парус. Тот завозмушался: «Я вам плачу, а ваше дело – тащить». Мелентий попробовал разубедить хозяина, объясняя, что с парусами баржа дойдет быстрее, меньше расходов на продукты, а главное – ускорится оборот товара. Хозяин баржи – неуклюжий, толстопузый, мордатый, лысый, с приплюснутым носом, – почесав в затылке, согласился: «Верно говоришь, черепок у тебя варит. Назначаю старшим в артели». На что Мелеха ответил: «Нехорошо это будет, я на сплаву впервой. В артели есть старшой – другие возмутятся». Хозяин улыбнулся: «Верно и на этот раз гово-

ришь, а потолковать с тобой интересно». Мужики соорудили на барже две мачты, сшили два полога, натянули. По ветру баржа пошла ходко. Артельщики повеселели, а то уже плечи порастирали. Днем хозяин выдал сменку – пестрядинные штаны, белые рубахи, новые лапти. Решили переодеться вечером, помывшись в Волге. Вода на отмелях прогрелась, дымился костер, булькала в казане каша, заправленная сушеной рыбой. Артельщики, наплескавшись в воде, стали одеваться. Иван, самый высокий, обутый в один лапот, возмущался: «Где второй?» Мужики подшучивали: «Нырнул к царю водяному, поплыл к астраханским девкам». После купания и отдыха ложки бойко стучали о казанок. Смакуя, вытаскивали разварившуюся рыбу. Иван, почерпнув со дна, почувствовал, что попалась здоровенная рыбеха. Когда вытащил – артельщики очумело переглянулись и загоготали. Новенький лыковый лапот вывалился из казана. Осип, матерясь, бросил ложку и побежал в сторону, икая. Иван обрадовался, заорал: «Нашлась потеря!»

До Симбирска дошли спокойно. Кто-то решил подшутить над хозяином. Над дверями повесили ушат с водой, веревкой привязали к дверной ручке. Утром хозяин открыл дверь, и на него хлынул поток воды. Не сообразив, что к чему, он с силой дернул веревку, и ушат сорвался ему на голову. Хозяин успел только вскрикнуть: «Ой!» – и упал на настил. Кожа на макушке рассечена, кровь хлещет, сам весь посинел. Кто-то сказал: «Отдал Богу душу». Мужики засобирались от

греха подальше, а то еще затаскают по судам. Мелентий отговорил. Обстриг волосы вокруг раны, промыл рану водкой. Стал делать холодные примочки к вискам. Через час хозяин открыл глаза. К вечеру его уложили на топчан. Мелентий руководство взял на себя. На второй день опухоль с лица спала, но синяки под глазами остались. На третий день хозяин встал. Надо было часть товара сгружать в Казани. Рассчитал охрану, правда, незлобно: «Идите подальше с глаз моих! Кого охраняли? Проспали!» Ветер сменился на северо-западный. Паруса пришлось убрать, но разгруженная от части товара баржа шла легко. За две недели до Ильина дня причалили под Разгуляем, в Перми. Хозяин баржи поблагодарил артельщиков. За работу рассчитался по пятнадцати рублей на душу. Мелентию три рубля надбавил за смекалку и расторопность. Спросил, кто над ним так зло подшутил. Один из артельщиков, мужик из Оханска, признался, что сделал это ради шутки.

Иван, Мелентий, Марко, Осип решили заработанные деньги доставить домой, а три рубля Мелехи – на пропой. На оставшиеся астраханские деньги купили подарки домочадцам. Иван пошел навестить кума Трофима, который работал на медеплавильном заводе при Егошихе. На территории завода, около сторожки, увидел кучу болтов в четверть величины. Запихнул четыре штуки под рубаху и, не дожидаясь кума, направился к выходу. Пришел к стану, когда мужиков не было: ушли пить брагу. Котомки лежали кучей. Иван вы-

тащил болты из-за пазухи. Пузо измазано, рубаха в машинном масле. Изругался: куда они ему, разве что на каменку в баню. Однако выбрасывать жалко. Завернул в тряпицу и положил в мешок Осипу. Мужики вернулись навеселе. Похватили котомки и направились к переправе. Шли домой быстро. Осип, обливаясь потом, то и дело поправлял мешок. Дошли до Курьи. Решили отдохнуть, перекусить. Стали доставать съестное. Осип нащупал болты, вытащил, завозмущался: «Кто это надо мной подшутил? Спину болтами натер».

Размахнулся и бросил в речку. Мужики ржали, подначивали Осипа: «Теперь завод без болтов встанет. Заводское начальство объявит розыск. Сидеть тебе, Осип, в каталажке». Перед дорогой Иван полез в воду, нашел болты. «Спасибо тебе, Осип, что выбросил, я подберу, на подковы пойдут, а то Воронко у меня совсем расковался». Осип ухватился за болты, зашумел: «Накось, выкуси! Тащил, тащил, а тебе подковы? Донесу до дома теперича сам». Мужики решили оставить болты Осипу, а то обида будет.

К воскресенью добрались домой. В деревне их ждали уже несколько дней: слышали, что вернулись со сплава. Радость была всеобщая, так как мужики пришли живы-здоровы и при деньгах. Разгуливать было некогда – надо было заканчивать покос, на пригорках наливалась рожь.

Русь моя неоглядная

Деревушка наша до Великой Отечественной войны была невелика, всего 32 дома, а сейчас ее уже нет. На усадьбах одиноко стояли березки и черемухи. Тридцать два мужика погибли в войну, с каждого двора по человеку. Память стирается о людях, живших полвека назад. Многие не знают своих дедов и прадедов. Это Великая Печаль.

До войны почти все семьи вошли в колхоз. Первые годы было тяжело, но в 1937 году выдался великий урожай.

Некуда было ссыпать зерно, полученное за трудодни. Мед бидонами развозили с колхозной пасеки. Мужики начинали строиться: кто дом подрубить кто конюшню или баньку новую сладить. По субботам после баньки в летние вечера все собирались на полянке у «звонка» – саженого куска рельса, подвешенного на березовом суку, звоном которого по утрам собирали народ на разнаряд по работам. Мужики рассаживались на бревнах, закуривали, каждый хвастался своим самосадам. Через полчаса над головами стояло сизое облако дыма, и слышался треск сигарок и надрывный хохот. Рассказывали байки про стариц и про события недели с приукрашиванием и насмешкой.

Веселуха

С запозданием подсаживался Ванька Спирихин – долго-вязый бледнолицый мужик с серыми тоскливыми глазами, обтрепан, не ухожен, в дырявых штанах и давно не стираной рубаше, с синяками на лице и ссадинами на руках. Звеньевой Васька Макарихин допытывался: «Ну-ка, Иван, расскажи, почто ты каждое утро опаздываешь на работу?» Мужики подначивали: «За бабой спал, перелезил – задержался», – и в таком духе. Иван женился с полгода назад. Невесту привез с другого района, это рядом, за речкой Ольховкой. Девица попалась здоровая, рослая, краснощекая, острая на язык, грудастая, огромные сиськи-каравки выпирали из расстегнутого ворота кофты. В один из вечеров, поматерившись всласть (и в бога и в креста), сказал: «Вам смешно, а мне – горе. С молодухой спасу нет, извела меня всего. Спим мы на печи, тепло, кости хорошо прогревает. Как уложимся, она давай меня ласкать и к грудям прижимать. Как только ей становится хорошо, она изгибается дугой и подбрасывает меня под потолок, а мне ухватиться не за что, и после второго, третьего подбрасывания я слетаю с печи и падаю на приступок. Вот тут-то при падении и ударяюсь то о лестницу, то о брус. В потолок ввернул кольца, но все равно пользы нет». Потом начинают подначивать: «Ты, Иван, вожжами к матице привязывайся на ночь». Иван продолжает: «Она за мной, а я от нее.

Вырываюсь... выскакиваю в сени, подпираю жердью двери – и на улицу. После этого конфуза в дом заходить и стыжусь, и побаиваюсь. Отсыпаюсь или на сеновале, или в хлеву. И так каждый день. Я ведь днем на работе шибко устаю, да и ночью плохо высыпаюсь. Мужики, давайте с кем-нибудь поменяемся бабами, готов взять с приплодом, но спокойную».

Баня

В разговор вступает Петр Мелехин – широкоплечий мужик с бычьей шеей, добрыми, ласковыми, василькового цвета глазами, с морщинкой поперек лба. Его, хотя и молодого, все звали уважительно: Петр Мелентьевич. Во-первых, Петр уже как год отслужил срочную, участвовал в боях на озере Хасан, а во-вторых закончил курсы трактористов и на обед домой приезжал на колеснике.

«Да, дела. У меня по этому поводу после свадьбы была такая заковыка, что рассказывать и смех и грех. Помните, в прошлом году месяц гостил у тетки. Все удивлялись: только поженились, а я к тетке умотал, а невестку родители домой отвезли, наверное, черная кошка меж них пробежала. Тогда, как ни пытали Мелехиху, она отмахивалась и говорила: «Молодо да зелено, все образуется», – а дед Мелеха только ухмылялся в сивую бороду да глазами по-молодецки поблескивал. Уж начал, так слушайте. Ну, после свадьбы молодым положено в баню идти. Пошли и мы с Оленой, моей ненаглядной. Баня у нас большая, вы знаете, многие в ней мылись. Каменка в ней высокая, гальку на ее укладку сам собирал по промоинам. На каменке – большой старинный котел для нагрева воды. Дружки для молодых постарались: так баню натопили, что вода в чане закипела, а до стен рукой было дотронуться нельзя, как не вспыхнула, удивляюсь. Об-

мылись мыс Оленой, стали дурачиться, ну, и дело до любви и дошло. Лавки в бане узкие. Устроились на полу. Упирался я, упирался и уперся в каменку ногами. Каменка рухнула – вода из котла на нас вылилась. Ошпарило нас так сильно, что, не помня себя, мы с Оленой с воплем выскочили из бани и голые прибежали домой». Мужики: «Го-го-го! Наверное, и чертей всех ошпарили, да пусть не подсматривают, греховодные!» Петро смеется сам: «Сейчас смешно, а тогда горе было. Хорошо у матушки старый гусиный жир был про запас. Намазала больные места, замотала нас в холстины. Через месяц все зажило, вернулись мы оба домой. Но еще периода, как только уляжемся спать, начну упираться, так все и сникает. Несколько раз к бабке ходил, она нашептывала и святой водой на него брызгала. Помогло. Все стало хорошо. Но дитя никак нет, наверное, это с испуга».

Черт

Позже всех, уже на закате солнца, подходит Иван Субботин – среднего роста мужчина, в хромовых сапогах, в шелковой голубой рубашке с пояском. Подстриженный «под польку», гладковыбритый. Карие глаза светятся хитринкой и удовольствием. Это деревенская интеллигенция. Он работает осеменителем. Два года назад колхоз приобрел племенного быка и жеребца. Через полгода они себя окупили, и сейчас колхозу давали хорошую прибыль. Иван пошел в примачи. С женой Катериной живут с десять лет, а детей нет. Иван погуливает. Катерина старается это не замечать. То ли с горя, что детей нет, то ли еще какая душевная причина, но Иван раз в месяц напивается до чертиков. Обычно кто-нибудь из соседей притаскивает его домой «чуть тепленького» и обязательно обмочившегося. После такого случая Иван дня два-три на людях не появляется. И так повторяется несколько лет.

Иван здоровается с мужиками за руку, уважительно. Мужики начинают подшучивать: «Иван, черти в доме еще не перевелись?» – и начинают гоготать и охать так, что облачко дыма над ними колышется. Хотя детей у них не было, но Катерина привечала молодежь. В зимние вечера собиралась молодежь, порой набивалась полная изба. Были они старoverы. Бабушка Варвара Марчиха рассказывала истории про чертей, одну страшней другой. Расходясь по домам поздно ве-

чером, нам казалось, что за каждым снежным сугробом сидит черт. Рассказывая другим, они сами больше и больше уверова-ли в правдоподобность своих рассказов.

Событие это произошло на Рождество, за год до войны. Под Рождество корова принесла им теленка-бычка; в ту зиму морозы стояли лютые: птицы на лету падали, ели рвало на части. Теленочка забрали в дом и поместили за печь. В деревне было правило, бить печи с правой стороны от входа так, что вокруг печи оставался широкий проход аршина на два. Это делалось для более полной отдачи тепла. Теленочку шел десятый день, и он уже хорошо брыкался и бодался. В один из вечеров мужики привели Ивана, хорошо поднявшего. Сняв с него рубаху и мокрые штаны, уложили спать. Катерина жалела мужа, обнимала и жалась к нему; на эти ласки Иван только мычал и причмокивал. Посреди ночи бычок выбрался из-за печи, походил по избе, подошел к кровати, полизал шершавым языком лицо Ивана, тот немного поотмахивался, воображая, что супруга целует его. Бычок стал лизать ниже. На губы попались вкусные соленые подштанники. Стал захватывать в рог со всеми принадлежностями. Иван очухался, зашумел: «Катерина, что ты делаешь, бесстыжая!» Катерина спросонья схватила голову теленка, под руки ей попались бугорки рожков, и закричала: «Черт! Черт! Черт!» Иван соскочил с кровати, сшиб с ног бычка, тот громко замычал. Иван в нижнем белье выскочил в сени. Катерина взобралась на печь, очертила круг и начала читать

молитвы. На одних сеньях с Катерининой избой стояла изба сестрицы Матрены, которая ходила в солдатках, муж был на действительной службе, служил недалеко, обещался на Новый год в отпуск. Но бабенка она была «без удержу», миленьков принимала по рангам: то бригадира, то председателя. На этот раз в гостях оказался уполномоченный из района. Иван стал стучать и рваться к свояченице. Она с перепугу завопит: «Коленька, беги, муж приехал!» Уполномоченный Коленька в нижнем белье, схватив полушубок, вышиб окопную раму, и вместе с ней вывалился под окно на снег, и побежал босой к дороге. Иван, сорвав дверь с петель, через проем окна увидел прыгающее по снегу странное существо и закричал: «Там черт!» Схватив висевшее на стене ружье, начал палить. Деревня проснулась. Ударили в рельсу. Все бегут с криками: «Черт! Черт! Черт!» Окружили, стали ловить. Поймали. Оказался уполномоченный по заготовкам из района. Отогрели. Брагой напоили. Отправили домой. Хохотали до масленицы.

На масленицу случилась новая оказия. Мужики поспорили, кто шире лизнет топор с мороза, по это другой рассказ.

Масленица

После Рождества в деревнях на севере России идет подготовка к масленице. Морозы в это время трескучие. В феврале бушуют вьюги. Ни в поле, ни в лес не выйдешь.

Мужики готовятся к масленице: возят воду в бочках, заливают кадушки, ремонтируют старые сани для разгула. На днище корыт наращивают ледяную корку. Масленица! Гулянье! С горы всей деревней поездом: кто на санях, кто на корытах, а кто и на перевернутой лавке – летят вниз под косягом сломя голову. Хохот, визг, рев! Потом начинается гостенье. В деревне все родня: дяди, тетки, сватовья. Кумовья. Сегодня – к одному в гости, завтра – к другому. Брага пьется большими пятакшными кружками, хмелевая. Для почетных гостей пивко, да еще с изюмом.

На этот раз гуляли у дедка Федулы. К вечеру бабы разошлись по домам, чтобы скотину напоить, накормить. Мужики, изрядно захмелевшие, дурачатся, борются в захват. Кто внизу – у того обида. Дело доходит до перебранки. Дедко Федула, которому за девяносто, рыжебородый старик, большеголовый, лысый-прелысый, тихо предлагает: «Мужики, хватит бузить, давайте-ка на спор, кто шире лизнет обух топора с мороза». Мужики засопели. Выражают недовольство: «Че это я чужой топор лизать буду, пусть каждый свой». Изба мгновенно опустела. Мужики поспешили за топорами. При-

ташили, хвалятся, что его топор самый ладный да острый. Выложили топоры на притоптанную завалинку на вечерний мороз. Каждый в уме прикидывал: «Лизнут, так лизнут – ничего страшного нет, на улице голыми руками за железо беремся и ничего».

Через пару часов возвращаются бабы, мужики затаскивают топоры, побелевшие на морозе. И по команде деда Федулы, широко раскрыв рот, одновременно хватают жгучее железо языками и тут же с воплями отдергивают. На каждом топоре остается кожица с языка. У некоторых хлыщет кровь. Только один Федюня, солдат еще с германской, долго держит язык у топора, а потом медленно отнимает и смеется: «Ну как, хороша каша из топора с морозца?» Непоседливая, сухонькая старушонка Федулиха кричит: «Мужики, не бедствуйте, мочой, мочой детской на язык и все пройдет». Игнат – бездетный мужик-молодожен – скачет на одной ноге, слезы льются из глаз; матершинник страшный, на этот раз только размахивает руками, показывая жестами своей бабе, чтобы помочилась ему в ладонь.

Вскоре все расходятся. В последний день масленицы бабы с блинами идут к дедке Федуле, низко кланяются, выговаривают: «Спасибо тебе, дедко, мужики-то наши три дня молчат – слова плохого не слышали».

Только перед Пасхой на Вербное Воскресенье мужики пришли к Федуле, гоготали. Языки свои показывали – у кого шире и длиннее. Рассказывали, как бабы молоком и брагой

через воронку отпаивали.

Гулящая

Истифор женился второй раз, когда ему было за пятьдесят. Первый раз женился поздно, жена родила троих и при родах скончалась. Дети малы, на троих никто не шел. Взял из соседней деревни молодую бабенку, тридцатилетнюю Анну, баскую, широкобедрую, высокую, с русой толстой косой, карими маслянистыми глазами, бровастую. Замуж ее никто не брал, мужики боялись. Годов с шестнадцати с мужиками любила. Если попадался мужичок, то до утра не выпускала. Второй раз на любовь к ней никто не напрашивался, побаивались, что за бессилие носом натычет в интересное место. Анне надоело заманивать мужиков, да время пришло семью заводить.

Первое время жили сносно. Вымотав Истифора ночью, она утром, как ничего не бывало, носилась по огороду, успевала детей обугодить, в колхозе отработать и в город съездить за обновками себе и детям. Истифор обычно отсыпался до обеда, а после обеда сидел на завалинке – отдыхал. Каждый год Анна рожала ему по ребенку, и так пять лет. Потом ее как подменили, Анна стала охотиться за мужиками, как рысь. Мужики стали побаиваться выходить по одному в поле. Вдруг встретишь Анну, а у него силенок маловато – можно опозориться.

Анна зачастила на хутор к Ваньке Паранину – мужику лет сорока, рослому, мускулистому, голубоглазому, с курчавой бородкой. Жена его лет десять тяжело болела по-женскому, последние годы не вставала, детей не было. Иван сгубил жену смолоду. Природа над ним насмеялась. Пуговицы на ширинке отлетали каждый день. Солдатский котелок с водой держал на весу. Анна после посещения Ивана с неделю на работу не ходила, управлялась дома, отлеживалась долго по утрам. Ходила маленькими шажками, широко расставив ноги. Истифор ничего не говорил, даже радовался, что она не мучает его.

Весной в соседней деревне появился примак у тетки Василисы, Иван Узбьяк – здоровенный мужик, ростом более сажая; Анна повадилась бегать туда. Прибегала домой всегда веселая. Вечером вся деревня слышала, как она напевала песни про любовь, чаще всех «Рябинушку». Мужики деревенские возмутились: «Не допустим, чтобы бегала в соседнюю деревню». Да и Ваньке Паранину плохо стало, некому стало помочь по хозяйству управляться, да и жену пообиходить. Решили: «За свой позор и предательство Ивана наказать Анну». Иван пригласил Анну на Троицу в гости. В середине пира подошли мужики, с которыми у нее было дело и над которыми она надсмехалась. Анна пришла разодетая, как цыганка: в трех юбках, вышитой льняной кофте, ярком полушалке, новых голубых калошах. Подвыпив, хохотала, подзуживала над мужиками: «Вам только с кошками спать, да бо-

юсь, поцарапают». Мужиков заело. Они задрали на Анне юбки, связали вместе с руками над головой, пустили по дороге к деревне и гнали по улице, шлепая по голым ягодицам новыми калошами. От мала до велика – все высыпали на улицу. Сбегали на луг, оповестили игрище. Народ стоял стеной по обеим сторонам дороги. Кто-то бросил клич: «Домового у Ваньки Паранина поймали». Истифору сообщили: «Бабу твою по улице с голым задом ведут». Тут у Истифора вскипело. Схватил нагайку и гнал Анну до дома. Она взмолилась: «Истифор, не бей более».

Две недели Анна лежала на животе, пока не зажили рубцы на ягодицах. После этого никто в деревне ее не видел далее своей усадьбы. Не выходила и к себе никого не привечала. Мужики помалкивали. Бабы посудачили и утихли.

Черепанов Лог

В деревне он появился неожиданно. Впрягшись в маленькую тележку, нагруженную гончарным кругом, инструмент домашним скарбом, глиняными корчагами, кувшинами, кринками, кружками, тащил ее по улице. Седые волосы, подстриженные под кружок, слиплись, пот заливал глаза и капли стекал с крупного носа, ноги дрожали от усталости, холщовая рубаха прилипла к спине. Мужик остановился посреди деревни, к возку сбежались бабы. Молодухи пробовали разговорить молчаливого бородача, но он только брал в руки корчажку или латочку, стучал по ней ногтем и, приближая к покупательницам, давал послушать и насладиться звонким, веселым звуком называл цену. После обеда ходил по косогорам, искал работную глину. На горе в лесу нашел мягкую, тягучую, но было много примеси меди, а на «Нижней Гари» были прослойки серяка. Прошла неделя. Мужики приглашали переночевать в дом, но он отказывался. Стянув оглобли телеги, поднял их вверх, посредине упер жердью, набросил полог, и шалаш готов. В баню ходил с удовольствием, любил попариться. Вечерами на костерке варил похлебку. Продавал посуду и за деньги и менял на продукты: молоко, сметану, картошку, капусту, морковь, репу. Через неделю за деревней, у ручья, впадающего в Ольховку, на склоне оврага, у оползня, нашел ту самую податливую, мас-

лянистую, липучую красную глину. В первую очередь срубил в паз баньку, затем невеликую избушку. Соорудил навес и покрыл соломой. У ручья сбил печь для обжига и начал работать. Никто не знал, откуда он родом, с какой стороны пришел, даже имени его не знали. Прозвали «Черепан», может, потому, что первые дни печь плохо обжигала и гора разбитых черепков лежала на взгорке. Бабы просили не бить неудавшуюся посуду, а отдавать им – в хозяйстве пригодится, на что он отвечал: «Не хочу своего позора в потомках». Шли разговоры, что он участвовал в Мотовилихинском восстании в 1905 году и оборонял «Вышку». Мужики видели в бане исполосованную нагайками спину. Приезжал волостной писарь узнать, кто он и откуда, говорил, что у него «волчий билет». По такой бумаге он не мог нигде устроиться на работу, кроме занятий сельским хозяйством.

Постепенно дело у Черепана наладилось, по воскресеньям он таскал свою телегу с посудой на ярмарки или дальних деревень и заказывали ему поделки. Время шло. Черепан мало общался с деревенскими, жил одиноко. Ребят привечал, когда они прибежали к нему поиграть черепками, даже дарил им глиняные свистульки, раскрашенных голубей и снегирей. Пришла Февральская революция, за ней и Октябрьская. Деревенские видели, как к Черепану приходили нездешние мужики. Говорили, пермские. Зачем навещали, никто не знал, но дело свое Черепан не бросал. Печь для обжига дымилась каждый день.

Начался 1918 год. После Пермской катастрофы колчаковцы заполнили весь край, бесчинствовали. Расстреливали и пороли виноватых и безвинных. Особо зверствовали при отступлении. В одну из ночей отряд беляков, сотни полторы, прискакал в деревню. Остановились у Прони. На другую ночь отряд покидал деревню. Или по науськиванию Прони, или по доносу три казака подъехали к хутору Черепана, постреляли из винтовок по окнам и запалили соломенную крышу, двор, баню, домик. Пламя охватило мгновенно и огромным огненным языком взмыло вверх. Черепан проснулся от выстрелов и треска горящего подворья. Выскочил в одном нижнем белье. Забежал во двор, вытащил гончарный круг, бросился под полыхающий навес за тележкой, но крыша рухнула. Черепан, раздвигая горящие жерди и солому, выбрался из огня. Одежда горела, и он факелом побежал к ручью, но не добежал – упал под ивой. В деревне увидели зарево, ударили в набат, несколько человек спешили к хутору. Когда добрались, тушить уже было нечего. Среди догоравших головешек одиноко стояла задымленная печь. Обгоревшего Черепана нашли под ивой у ручья. Стали снимать остатки пригоревшей нижней рубашки. Черепан еле-еле проговорил: «Не надо, больно сильно, все тело жгет. Мелентием меня звали, помяните, в Пермь дочери Устинье передайте...». И замолк. Хоронить было некому. В деревне свирепствовал тиф. На гроб досок не нашлось – все сгорело. Бабка Матрена Осиха и Гришка Кривой притащили столешницу и поло-

жили на нее Мелентия. Обмыли. Одели в чистые подштанники и нательную рубаху. Прочитали наспех «Канун» и опустили в яму под сосной, откуда Черепан брал глину. Сверху накрыли плетеным коробом и кое-как засыпали землей. Могила быстро заросла березняком. Овраг с тех пор называют Черепанов Лог.

Добрые дела человека не забываются – остаются в памяти людской.

Хлеб и мед

В 30-е годы родители мои никак не хотели вступать в колхоз. Больше всего упирался отец. Самым тяжким для него было отвести на общий двор своего коня Рыжко. Деревня моя состояла из тридцати двух домов: Верхних и Нижних Чебык; двадцать два дома в Верхних Чебыках и десять домов в Нижних. В Верхних Чебыках жили все Чебыкины и все исходили из одного корня, а в Нижних были две фамилии: Пироговы и Худяковы. Из всех Чебыкиных только мой дед был безлошадным, поэтому за то, чтобы вспахать свой клин, а осенью свозить снопы на гумно, дети его по очереди каждый год уходили в работники – «за лошадь». Отец мой был призван на действительную в 1912 году, а вернулся в 1921 году. Или за храбрость, или за сноровку, был награжден серебряными часами. По прибытии домой на эти часы и шинель выменял лошадь. Отца можно было понять: всю юность проработал в батраках за лошадь, а тут своя родная и кому-то ее отдавать. Поэтому и не вступал в колхоз. А в деревне вся родня заявила: «Раз не колхозник, то не ходи по колхозной земле и не гоняй корову на общий выпас». В результате лишились земли, а лошадь забрали за налоги. И кочевали мои родители по соседним деревням с кучей малышкой и коровой. Одну зиму, помню, отец работал на лесоповале в деревне Пашицы, годиков пять мне тогда было. Да-

вали отцу буханку хлеба на день, а всех нас было шестеро и хлеб ели впроголодь. Мы с братом Семеном лазили по сеновалу и обрывали шишки от клевера, а мать, чуть их примучив, пекла нам лепешки, и какие они были вкусные, самое главное – пахли медом.

В 1938 году вернулись обратно в свой дом. Отец пошел работать на Железную дорогу, стал получать около ста рублей в месяц, по отношению к колхозникам мы стали более обеспеченными. Шел мне тогда восьмой год. В теплый августовский день мама отправила меня с туеском за медом в деревню Пашицы. Бабушка моя Федосия уже несколько недель болела воспалением легких. Фельдшер посоветовал подкормить ее медом. Тропинка знакомая. Нашел тетку Марию, у которой были пчелы. Узнала меня: «Да это Шура, Татьянин сын». Взвесила на безмене два фунта меда, посадила меня за стол и стала потчевать. Налила в деревянную чашку свежего меда, собранного пчелами с косогазов и лесных полей. Отрезала большой кусок ржаного хлеба от каравая, выпеченного в русской печи из урожая этого года. Хлеб и мед пахли цветами. Очень экономно макал хлебом в мед. Незаметно съел весь хлеб, а мед еще остался. Было бы кощунством вылизать остатки меда или выскрести ложкой. Посидел, помолчал и заявил: «Хлебушко-то я съел, а медик остался». Баба Мария отрезала новый ломоть хлеба. Быстро расправился с остатками меда, посмотрел, что большая часть ломтя оста-

лась не съедена. Ну а кто в деревне ест хлеб всухомятку, и оставить кусок хлеба недоеденный – великий грех. И снова заявляю: «Мед-то я съел, а хлебушко остался». И пришлось бабе мари подливать мед. Пока была жива баба Мария, все посмеивались надо мной.

Когда принес мед домой, мама налила в большую фаянсовую кружку мед и стала угощать бабушку. А мои братья и сестры стояли вокруг постели бабушки и смотрели на мед и на бабушку. Мама говорит: «Поешь, маменька, меду, может, легче станет». Та попробовала чуть-чуть ложечкой и промолвила: «Нет, не поможет уже, пусть дети полакомятся».

Флаг для Первомая

Вторая половина 30-х годов. Принята Конституция Союза, прошли первые всенародные выборы в Верховный Совет СССР, в стране мощный патриотический подъем. Первый год в школе. Мы, первоклашки, ловили каждое слово молоденькой восемнадцатилетней, зеленоглазой, подстриженной по моде тех лет нашей учительницы Анны Андреевны. В школу бегали на станцию Григорьевская – за десять километров. Большинство детей, особенно из дальних деревень, были переростки.

Перед Первым мая Анна Андреевна сказала, чтобы мы вывесили красные флаги на своих домах. Дома я перерыл все, что бы подходило для флага. Папина бордовая рубаша, вышитая петухами и елочками, ну никак не подходила для флага. Вспомнил, что наша крестная, а мы ее звали почему-то Кокой, каждый год на Троицын день вынимала из сундука прекрасную малиновую шаль с кистями. Немного покрасовавшись в ней перед соседями, прятала снова на дно сундука. Жила она по соседству с нами. По рассказам матери, появилась она в нашей деревне после гражданской войны. С родителями дружила. Детей у нее не было. И всю свою ласку она отдавала нам: моим братьям и сестрам. Это была женщина лет под пятьдесят, с крупными голубыми глазами, длинными русыми волосами, которые она носила на пробор,

розовощекая, всегда задумчивая.

Вспомнив о ярком платке, я пробрался в дом с мыслями: зачем такой красивый платок будет лежать в темном сундуке, никем не увиденный, а мы все тут будем любоваться. Изрядно попыхтев, я вытащил платок. Разостлал на свежесмытом деревянном полу, по которому играли солнечные зайчики. Платок занял все свободное пространство. Он был квадратный и никак не укладывался в мое понятие о флаге, какой я видел на углу школы. Недолго раздумывая, я разделил платок на две части. Одну часть спрятал обратно в сундук, а другую прибил гвоздями к державу грабель и водрузил на князек крыши. Флаг ярко подыхал не только над деревней, но и над всей округой: полями, лесами, лугами. Когда Кока с соседкой пошли к нам, чтобы поздравить с праздником, то порадовались трепыхающемуся на ветру флагу и спросили маму: «Где ж ты, Татьяна, достала такой материал на флаг?» Мама вместе с Кокой вышли из избы и, приглядевшись, ахнули, ведь для флага был использован Кокин платок. Как потом узнал позже, это был подарок Коке, Арине Романовне, от приказчика Строгановых из села Ильинского.

Немедленно был поставлен в известность мой отец, который редко разбирался в причинах проказ детей. Ремешок висел аккуратно на гвоздике. Никаких слов, быстро начиналось воспитательное воздействие. В это время надо было успеть обежать вокруг русской печи и по ступенькам заскочить на полати. На этих ступеньках всегда достигал ремень. На этот

раз Кока загородила меня и сказала: «Не надо бить». Она поняла мой поступок, и я благодарен ей за это по сей день.

Птичка

Предвоенный год. Весна благоухает цветущей черемухой. От земли идет тепло и благодать. Травка перед домом растет прямо на глазах! Отец работает на железной дороге. На работу ходит за пять километров. Старший брат Семен учится в седьмом классе, бегают па экзамены в школу за десять километров. Мама мотается за грибами и ягодами. Я дома с малышней. Мне десять, сестре Тане пять, брату Мише полтора года, сестре Жене полгода. На поляне полдюжины ребят гоняют чижик. Хочется выбежать хоть на минутку. Уговариваю сестренку посмотреть за малыши полчасика. Женя спит в люльке, Миша сидит на полу и рвет учебник брата. Отпускает. Выскакиваю с радостью. Включаюсь в игру и забываю обо всем. Из дома выбегает плачущая нянька. Шмыгнул в дом. Из люльки выпала младшая, Миша наложил кучки вдоль лавки и ходит по ним, шлепая ножкой. Я хватаю сестру за волосы, хлопаю по ягодицам. Возмущаюсь, что недоглядела. Сестрица в рев. Распеленываю младшую, мокрая по шею. Руки, ноги целы, а на голове огромная шишка. Начинаю совком собирать с пола какашки. Мою под умывальником попу и ноги Миши.

Младшие успокаиваются, но Танюшка продолжает всхлипывать – обида. Уговариваю, но результат обратный – слез еще больше. На улице за наличником пищат птенцы. Два се-

мейства. По выводу с того и другого конца наличника. Воробы то и дело садятся на подоконник с червяками и букашками в клюве. Говорю сестре: «Таня, хочешь, птичку поймаю? Посадим в корзиночку, и вы будете кормить ее крошками». Отвечает: «Поймай!» Плакать перестает. Во дворе нахожу маленькую лестницу, подставляю к окну. Окна высоко. Взираюсь на последнюю ступеньку лестницы, засовываю руку за наличник. Птенцы уже большие и вырываются из рук. Я теряю равновесие. Лестница скользит по окну и разбивает верхнее стекло. Мы перепуганы – это большое безобразие, от родителей будет трепка. Кое-как собираю стекло, укрепляю лучинками. Договариваемся, что виновата кошка – бросилась в окно ловить бабочку и разбила стекло.

Приходят мама, брат из школы, отец с работы. Мы наперебой рассказываем, как кошка разбила стекло. Они устали. В доме бедлам, надо наводить порядок и готовить ужин, не до окна. Меня отправляют с подгузниками на ручей, их надо прополоскать. Вечером ужинаем; уселись за столом. Танюшка рядом с отцом, она у него любимица. Ласковая, послушная, толковая. Я с братишкой Мишей рядом, слежу за ним. Мама с младшей на руках. Спрашивает, почему у Жени шишка на голове. Объясняю, что пробовала ползать и ударилась о ножку лавки. Отец спрашивает: «Как вы тут домовничали? Шура вас не обижал?» Все молчат, только у сестрицы Танюши заморгали глазки, и слезы горошинами покатались по щекам. Обстановка ясная. Мне надо успеть нырнуть под

стол и выскочить на улицу, иначе папина ложка может припечататься к моему лбу. Жду на поляне, пока мать не позовёт снова за стол. Отец успокоился. Глазки у сестрицы просохли. Дружно стучим ложками в чашке с похлебкой.

Дядя Митя

Солнце палило нещадно. Бабы и девчата ворошили се-
но в валках. Тучи бабочек и мошек вылетели из-под граб-
лей. Пахло мятой, душицей тысячелистником. Мужики де-
ревянными вилами сваливали его в огромные копны. Под
валками, прячась от раскаленного солнца, копошились жу-
ки, козявки, личинки. Следом за мужиками над лугом носи-
лись стаи разноперых пичужек. В основном это была молодежь,
встающая на крыло. Молодые коршуны, ястребки группка-
ми сидели на высоком кустарнике, одновременно взлетали
и цапали зазеленевшихся птах и, пролетая над головами, са-
дились в кустарник за рекой. Над рекой раздавался девичий
хохот и птичий гомон. Девчата то и дело бегали к речке и с
разбегу прыгали в небольшой омут. Вода в шустрой речуш-
ке Ольховке, заросшей ивняком, ольхой, калиной и сморо-
диной, была прохладной.

Дядя Митя – высокий семидесятилетний мужик с сивой
бородой клином, с поблекшими голубыми глазами, – вты-
кал огромные трехрогие деревянные вилы в копну и подни-
мал над головой. Охал и медленно опускал на стог, закрывая
сверху бабу Пелагею. Та беззлобно кричала: «Ты что, дед,
очумел, целую копну на вилы хватаешь. Смотри, гусеница
вылезет. Бери по половине, а то я граблями не ухвачу». Дядя
Митя серьезно отвечал: «Видишь за Поломкой, над Кадило-

во, тучи топорщатся кверху и молнии полыхают, через час, другой и к нам гроза придет. Если не управимся, сено погубим». Молодые парни, таскавшие копны, взмолились: «Дядя Митя, давайте передохнем, утомились». Побросав носилки, побежали к речке, к омуту, откуда слышалось девичье верещанье. Девчата завизжали, повыскакивали из воды в мокрых ситцевых платьях, которые прилипли к телу. Ломали ивовые прутья и стегали парней, приговаривая: «Вот вам, охальники, вот». Уселись под стогом сена, который громоздился над лугом, оставалось завершить его. Бабы повытаскивали из ручья крынки с топленым молоком, на холстинки выложили молодое луковое перо, вареные яйца. Мужики пооткрывали берестяные туески с хмелевой брагой, рехая, отпивали пенное жито. Тут были все свои: дальняя и ближняя родня, кумовья и кумушки, сватовья и сватья. Племянники дяди Мити: Ванька Спирихин – долговязый мужик с невыспавшими глазами, Ванька Федюнин – тощий парень с тоскливой физиономией – подсмеивались над дядей Митей, а звеньевой Васька Макарихин подначивал им: «Дядя Митя, а дядя Митя, что же это у тебя коленки голые? Видно, к молодушке подлаживался, от натуги и полопались, или на четвереньках, вместо петуха, за курицами гонялся». Васька Макарихин добавил: «Это у него от злости на Советскую власть коленки заострились». Дядя Митя не выдержал, соскочил, захлопал себя по коленкам и ягодицам, матернулся и скороговоркой выпалил: «Раньше я в суконных штанах ходил и, между про-

чим, без заплат, а сейчас в холщевых с заплатами и не только колени голые, но и задница сверкает – вот вам колхозы. Вот вам и Советская власть». Васька Макарихин стучал кнутовищем по сапогам, выкрикивая: «Но-но, ты мне осторожней на поворотах, а не то быстро на Соловки загремишь». Дядя Митя огрызнулся: «Какие уж там Соловки, хуже не будет. Все запасы сносил, целыми днями со своей бабой в поле, огород под окном зарос, стыд один».

Вечером у звонка на бревнах, дымя сигарками, мужики бурно обсуждали упреки дяди Мити. Ванька Спирихин егзился больше всех: «Контра он, к ногтю его». Было решено написать на него «куда следует», чтобы другим неповадно было. Нашли листики из школьной тетрадки, слюнявя химический карандаш, описали все подробно. Все трое подписались: два племянника и крестник.

Рано утром Васька Макарихин верхом на лошади отправился в село Григорьевское. После обеда с Васькой приехали на телеге милиционер и депутат Сельского Совета. Мите дали два часа на сборы, усадили в телегу. Митиха, не помня себя, бежала вслед за телегой, которая увозила родненького. Бежала, падала и снова бежала, пока силы не оставили ее. Рядом с телегой трусил приемный сын Митенька. Крупные слезины одна за другой опережая друг друга, катились по исхудалым щекам деда Мити, губы тряслись, и он ничего не мог сказать, только мычал. Наконец, совладел с собой и проговорил: «Сыночек, прощай береги мать, завтра принеси

в село полушубок, шапку и под. шитые валенки, видно надолго меня забирают, наверное, более не увидимся, старый я стал, прости меня, если чем обидел».

Почему так, почему мы ожесточились, почему стали доносчиками? Ради чего готовы были упрятать своих родных и близких? Ответа, наверное, и сейчас не даст никто. Прошли годы, а от дяди Мити нет весточки. Ни слуху, ни духу, как в воду канул. В деревне говорили, сгинул дядя Митя.

Со временем уходит память о наших дедах и прадедах.

«Одина»

Бабушка моя по маме, Татьяна Торопица, снимала нижний этаж одного из домов Гриши Кашина, где день и ночь варилась брага, настаивалась и продавалась. Татьяна Терентьевна женщина в годах, широкобедрая, круглолицая, с черными волосами, маслянистыми с поволокой глазами, белозубой улыбкой – рассаживала мужиков за длинным столом, предлагая хмелевую парную брагу: литровую глиняную кружку – за пятак, пол-литровую – за три копейки. Меж рядов бегала младшая дочь Татьяна и просила у мужиков копейку на конфеты и печенье. Если не давали, могла плюнуть в бороду и убежать. Из рода в род первенца-мальца называли Терентием, а одну из дочерей – Татьяной.

Татьяна Терентьевна Торопица имела прозвище «Табора». «Табора» – это за то, что в нижнем этаже день и ночь толпились кучи мужиков, чтобы испить отменную Татьянину бражку. У Татьяны каждый год рождалось по дитю и все от разных мужиков, особо от тех, которые побойчей, половчей и с достатком в кармане. Некоторые гостевали по неделе. Татьяна хвасталась: «Я – ермаковская казачка». По преданию, передаваемому из поколения в поколение, в церковных книгах села Ильинского, резиденции приказчика Строгановых, было записано: десятник атамана Ермака казак Терентий Торопица венчался с девицей Татьяной.

Из восемнадцати детей встали на ноги Парасковья, Семион, Феклинья, Арина, Аксинья, Татьяна. Хоть и гульная была, но золотые червонцы Николаевской чеканки откладывала для покупки своего дома. Кроме младшей дочери Татьяны, детей с ней не было – забирали или родня, или бездетные. Она охотно расставалась, зная, что народит новых.

Орину отдали на реку Паю, где и вышла замуж за Григория. Воспитывалась Орина в набожной семье, где без молитвы ни шагу. Григорий с братьями не заладил и в годы НЭПа решил отделяться. Недалеко от речки на пригорке срубил пятистенную избу. Мужик был хозяйственный и силой был не обделен. Года через три усадьба виднелась издали свежесрубленными строениями. Григорий летом – на пашне, а зимой – в извоз. Всю зиму перевозил в городе грузы. Лошадь попала породистая – ломовая. Зарабатывал хорошо. Желу Орину берег, тяжело работу делать не разрешал. Орина каждый год рожала детей, но они умирали малыми. По хозяйству управлялись две бездомные нищенки, обе слабоумные, но крепкие и здоровые. Обе были рады, что у них есть дом. В доме они чувствовали себя не работницами, а хозяйками. Покрикивали друг на друга, если что не ладилось. Орина в хозяйство не вмешивалась, больше молилась, чтобы Бог дал дитя-наследника. Григорий привез из города няню, старую фельдшерицу, дочь Анну удалось выходить. Семья на хуторе жила замкнуто, с соседними деревнями не общались, поэтому прозвали их усадьбу не хутор, а «Одина».

Началась коллективизация. Анюте шел пятый год. Приехали уполномоченные и предложили вступить в колхоз, у Григория начались бессонные ночи, страдал: «Все отдать? Столько трудов вложил». Хозяйство свое вел на научной основе – была своя молотилка, маслобойка, кузня, лошадь, две коровы десяток овец, куры, гуси. Через месяц принесли огромный налог. Григорий, что можно было продать, продал: гусей, корову, подтелка, зерно добавил скопленные деньги на покупку дома родителям, но этих денег не хватило. Через полгода принесли новый налог, плюс недоимки за старый, Григорию платить было нечем. Молотилку и маслобойку никто не покупал, а с коровой и лошастью расставаться не хотелось. Весной приехала комиссия, все описала за неуплату налога, кроме дома. Подогнули подводы, стали грузить. Очумевший Григорий бегал от подводы к подводе, не давал грузить. Впервые и жизни матерился, костерил всех подряд. Григория связали вожжами по рукам и ногам и увезли. Забрали корову, лошадь, загрузили подводы зерном, имуществом, даже часы с боем прихватили. Орина больше не видела Григория, куда увезли из сельсовета, никто не говорил.

Хозяйство было разорено. Убогие женщины-работницы и няня ушли. Орина то молилась, то плакала, люди говорили, что помешалась. Приехала сестра Феклинья из города и забрала Оринину дочь Анюту. Орина подалась в монастырь, но монастырь скоро закрыли. Орина ходила по деревням, молилась, но и за это ее стали преследовать. Обессилела. Заболе-

ла. В небольшой деревушке приютила ее одинокая старушка. Орина немного оклемалась, пошла работать на железную дорогу. Через год старушка, у которой она жила, скончалась, перед смертью переписала дом на Орину. Орина забрала дочь к себе. После войны Анюта закончила семь классов и курсы бухгалтеров и пошла работать в колхоз. Орина с дочерью решили попроведать свою усадьбу. Все было растащено, постройки разломаны. Где когда-то был дом, перед окнами росли три березки и кусты калины. Анна вспомнила эти березы и кусты калины, в которых она пряталась и ела кислые-прекислые ягоды. Кругом было запустенье. Вся усадьба заросла молодым осинником.

На карте района было отмечено – хутор «Одина», которого уже не было двадцать лет.

Прошли годы, не стало Орины, но у Анны осталась тоска по детству, память по своему дому, по веселому месту «Одина».

Симеоны

Сенька – сын Тани Таборы Торопициной, но кличке Торопица, – огромный, в сажень ростом, широкоплечий, лобастый, коротко стриженный, со светло-карими, слегка прищуренными глазами, стоял среди галдящих, под хмельком, мужиков и на спор разгибал подковы и сгибал медные пятаки без особой натуги, с улыбкой на скуластом лице. У моей бабашки по маме он был единственный сын из восемнадцати детей, рожденных год за годом от состоятельных мужиков, которые обычно оставались на недельку после ярмарки пображничать у моложавой ладно сложенной, веселой хозяйки.

Семен вниманием и лаской обделен не был – кормилец в старости. На дочерей внимания не оставалось, росли сами по себе, надо было варить брагу к воскресеньям и праздникам. Девчата росли сами по себе.

Сын уехал в город, поступил на завод. Через два месяца, присмотревшись к новичку, начальство предложило учиться на вечерних механико-технических курсах. Через два года Семена определили в мастера – не только за силу и умелую хватку, но и за сноровку и смекалку. Зарабатывал он прилично. Домой в село на праздники приезжал в костюме-тройке, шляпе, с тростью, набалдашник которой был инкрустирован полудрагоценными камнями. Золотая цепочка часов свисала из жилетного кармана. На людях стыдился за разболтан-

ную, уже немолодую мать-бражницу. Изрядно подвыпив, начинал воспитывать мать. Мужики совестили его и упрасивали, чтобы не обижал Татьяну. От их нравоучений Семен еще больше изводился, начинал свирепеть, хватал мужиков и выбрасывал в окна. Слышался звон разбитого стекла, треск ломающихся рам и вопли мужиков. В доме появлялся урядник, Семен мгновенно успокаивался, просил прощения у матери, мужиков и урядника и отправлялся отсыпаться в чулан.

Русско-японская война затягивалась, царские войска терпели поражение за поражением. Рабочие, мастера, заводское начальство – все проявляли недовольство царским правительством. Когда в Москве вспыхнуло восстание, всколыхнулась и Мотовилиха. Семен уехал к матери в Григорьевское от греха подальше. Когда вернулся, завод было не узнать. Кадровых рабочих, которые участвовали в боях на вышке, или засекали казаки или уволили. Принимали новичков, в основном деревенских, которые ради куска хлеба готовы были выполнять всякую работу и в любых условиях.

Семену Торопицину шел тридцатый год, претензий и замечаний к нему не было, и его поставили на прежнюю должность. Поработав неделю, поехал в село, у матери встретил свояка – мужа старшей сестры Феклинии, Чебыкина Сеньку Самкова (Симеона Самуиловича), папиного брата, который валился, что род их разросся, а земли по косогорам всем не хватает, а на крутяках одни камни. Семен Торопицин предложил: «Поехали со мной, у меня в цеху работников не

хватает, поработаешь год-два подручным на ковке стволов, понравится – останешься». Семен Самков согласился.

В августе 1914 года разразилась война с Германией. Россия втянулась в затяжную войну, Февральскую революцию поддержали и рабочие, и управленцы. Но временное правительство не смогло обеспечить порядок в стране – начался разброд и шатание. После октябрьского вооруженного восстания в городе в течение месяца установилась Советская власть, но не стало продовольствия в магазинах. На рынках цены подскочили в десятки раз. Среди рабочих начался голод, тиф. Многие были недовольны Советской властью. После взятия Колчаком Екатеринбурга в городе начались контрреволюционные выступления. Рабочие и обыватели надеялись, что с приходом Колчака положение исправится, но стало еще хуже. По городу рыскали головорезы Колчака, пороли и расстреливали всех, кто попадался под руку, даже тех, кто сочувствовал Колчаку. Отступая, Колчак насильственно мобилизовал мужское население Перми. Оба Симеона попали в особый Пермский полк. Семена Торопицина, как грамотного, определили взводным, а Семена Самкова направили в комендантский взвод. Выполняя приказы Колчака, Семен Торопицин не раз участвовал в расправах над чалдонами, которые не подчинялись колчаковцам. За Николаевском солдаты полка взбунтовались, не хотели идти в дальние края, просили отправить их домой на Урал, к семьям. К тому же солдаты голодали, завшивели, тиф косил

десятками. Кто-то пустил слух, что Колчак вез царское золото, и часть его раздал офицерам. В полку создали солдатский комитет. Стали проверять вещи офицеров. У ротного капитана Мещерского в вещевом мешке нашли шесть кусков душистого туалетного мыла и две пары английского шелкового белья и тут же за вагоном на насыпи расстреляли.

Было принято постановление: пусть каждый решает сам – возвращаться домой или оставаться в эшелоне. Солдаты зашумели: «Как добираться обратно, кто повезет, где брать пропитание?» После долгих споров решили всем полком перейти на сторону красных, а если кто не хочет, пусть уходит в колчаковские части.

Два Симеона уселись на шпалы, скрутили сигарки, морщась и кашляя от гадкого табака, глядя друг на друга, молча прощались. Семен Самков, вытирая слезы рукавом шинели поднялся, обнял свояка и товарища по работе, прошептал: «Я – домой, семья ждет, родители старые, дети малы, жена больная (сердечница). Кто за ними досмотрит?» Семен Торопицин сквозь всхлипывания ответил: «У меня только мама да сестры, кроме младшей Танюшки все замужем, досмотрят за мамой (Семен не знал, что год назад мать умерла от тифа), дай замаран я шибко, невинная кровь па моих руках, об одном жалею: пустую жизнь прожил, все по гулянкам бегал, девиц менял, как цыган лошадей, семьей так и не обзавелся».

Семен Торопицин с оставшимися офицерами, прапорщи-

ками, унтерами примкнул к следующему эшелону отступающих колчаковских войск. После иркутской трагедии, ареста Колчака, отряд, возглавляемый полковником Конюховым отряд, который состоял из пермских и екатеринбургских вояк, стал пробираться к Хабаровску. Сказывали, что там обосновали большие села переселенцы из Пермской губернии. Не доезжая Читы, передали, что в одном городе или японцы, или американцы. Решили пробиваться и Манчжурию, Полковник Конюхов знал эти места: воевал в Русско-японскую. Набралось человек сорок. Ночью вышли к Амуру. Решили захватить рыбацкие лодки. попрощались друг с другом, обменялись адресами и поменялись на память самым заветным, у кого, что было: трубками, португепями, складными ножами. Поклялись, кто останется жив, сообщить родным. Сбили замки у нескольких лодок, в том числе и двух баркасов. Провозились до утра. На рассвете с берега их заметили. В поселке началась суматоха. Только отплыли от берега, как по ним начали стрелять сначала из охотничьих ружей, а затем и из пулемета. Лодки плохо повиновались, сильное течение реки тянуло их обратно к мысу. Еле-еле доплыли до середины, и тут с берега по ним начало бить орудие. Четвертый снаряд разорвался прямо на баркасе. Лодки сбились, на стремнине стали переворачиваться от рвущихся снарядов. Семен увидел, что баркас начал тонуть, сбросил шинель, португепю, спрыгнул в воду и поплыл обратно. Шальная пуля угодила в правое плечо. Рука онемела, во-

да окрасилась кровью, одежда намочилась, и он почувствовал, как вода затягивает его вниз, понял, что тонет, и огорчился, что не успел сделать обещанный подарок к совершеннолетию любимой младшей сестрице Татьяне – золотой медальон, который хранил в нагрудном кармане.

Один баркас успел доплыть до китайского берега.

А на русском берегу подоспевшие селяне выловили баграми несколько полуживых беглецов. Костерили их на чем свет стоит за порушенные лодки.

Через три года какой-то мужик, проходивший через деревню, говорил, что кто-то из сослуживцев Семена разыскал Татьяну, его младшую сестру, передал серебряный портсигар и рассказал о путях и дорогах братца от Перми до Читы.

Семен Самков вместе с солдатами полка подался к красным, их отправили на переформировку в Николаевск. Там Семен заболел тифом, не успел оклематься, как подхватил возвратный, одним словом, из лазарета в лазарет. В двадцать первом году добрался до дому, отощавший, худой, бледный, с ввалившимися и потухшими глазами. Через месяц отправился на завод. На заводе новое руководство, но большинство начальники Цехов и мастеров были прежние, знакомые. Возвращались рабочие, узнавали друг друга и радовались, что есть работа и есть коллектив. Перед Отечественной войной Семену стукнуло шестьдесят, но он еще был бодр и в силе. Заводское начальство упросило его поработать еще годика два, подучить молодежь. Семен с удовольствием и гор-

достью проходил мимо своего портрета на заводской аллее. Тридцать пять лет было отдано заводу и величию России. В цехах переходили на ковку паровыми молотами. Во время войны Семен по неделям не выходил с завода, спал по пять-шесть часов на дощатом топчане в углу цеха, но в субботу обязательно всей сменой – в парную городской бани. В конце войны на заводе мало осталось кадровых рабочих, одни «фэзоочники», мужики правдами и неправдами уходили на фронт. В апреле 1945 года полувагончик, нагруженный болванками стволов, на повороте стал заваливаться на бок, рядом шла группа курсантов «фэзоочников» еще минута – и тяжелые болванки искалечили бы ребят. Семен среагировал мгновенно: подскочил и подпер плечом наклонившуюся тележку, успел крикнуть: «Берегись!» Подростки отбежали. Тележка проползла вперед. Семен почувствовал, как что-то хрустнуло в спине и осел на землю. В больнице определили: позвоночник сломан в нескольких местах, повреждены почки. Через неделю заводские рабочие от мала до велика хоронили Семена Самков.

Чебыкин Семен (Федюнькин сын), родился в 1924 году. Восьми лет Семена отправили в школу в деревню Платоны. В пятый класс определили в село Григорьевское, это за двенадцать километров от деревни. Платить за квартиру было нечем, поэтому устроили в общежитие. Условий для подготовки уроков не было, контроля тоже. Дети были предоставлены сами себе. Через пару месяцев он научился скручивать

цигарки из самосада. Шестой класс прогулял – остался на второй год, но, проучившись полгода, забросил школу. Отец забрал его на лесозаготовки. Семен быстро окреп, подрос. Белокурые волнистые волосы, правильные черты лица, серые смеющиеся глаза, за каждым словом прибаутка. Девчата души в нем не чаяли. Осенью сорокового Семен пошел работать в рыболовецкую артель. Зимой долбили лунки во льду, забрасывали сети. Плата за труд – пара щурят. Война нагрянула внезапно. Неделю деревня гудела, стоял плач и прощальные крики – мужики уходили на фронт. В первых числах июля пришла повестка – Семена забирали ФЗО на шахты в Кизел. Молодежь рвалась на фронт, но страх ослушаться был сильнее побуждения. Отправляли как рекрута. Через месяц учебы первые спуски в шахту. Семену все было ново и необычно. Новая форменная тужурка и фуражка придавали шик. И занятия интересные, дело по душе, кормежка сытная, одна беда – тоска по родителям, малым братьям и сестрам. Вечерами, засыпая, перед глазами маячили деревенские косогоры, вырубка с малинниками, съюзвинский пруд, хороводы девчат на лугу. Вспоминал, как встречала его с работы любимая сестрица Танюша, закутавшись в старую фуфайку, сидела на росрани у амбаров, на горке, ждала братца. Увидев ее, бежал к ней навстречу, хватал под мышки и высоко подбрасывал вверх. В конце августа в забой спускались группой для знакомства с работой шахтеров. Семен объяснения схватывал на лету, чем заслуживал посто-

янные похвалы начальства. Курсанты были предупреждены, что по штреку двигаются вагончики с углем под наклон и при развороте прижимаются к правой стенке и могут зацепить; значит, держаться надо левой стороны. Занятия кончились, гурьбой двинулись к выходу. Быстрей хотелось на свет, на свежий воздух из темноты и придавленности. Семен побежал вперед. На повороте навстречу катились вагонетки, Семен забыл предупреждение и прижался к правой стенке. Передние вагончики проскочили, но задние раскачались, и последняя вагонетка бортом ударила его в грудь и прижала к стене. Когда подошли ребята, Семен лежал без сознания, из носа и поджатых губ струилась кровь. Курсанты положили его на бушлат и отнесли к клетки. В больнице Семен то приходил в себя, то впадал в беспамятство, но все время звал: «Мама... мама... мама». Третьего сентября 1941 года, в самый день рождения Семена, жизнь покинула его. Так трагично закончилась судьба еще одного Семена, моего родного брата.

Солдатки

Последнее лето войны. На всю деревню один мужик – контуженный Андрей и дед Федула. Андрей не работник: весь трясется. Деду Федуле под восемьдесят. И двое подростков по 14 лет: Тима и Коля. Колю вернули с ФЗО по болезни – затемнение легких. Поставили учетчиком в тракторную бригаду. Бабы управляют в хозяйстве сами, Тима на подхвате. Сами пашут, боронят, косят, жнут, молотят, возят сено и дрова. Раньше в деревне покос – это праздник, теперь – горе. Косы отбивать некому – быстро тупятся. Бабы то и дело шаркают оселками, но толку мало. Полосами остается не срезанная трава. Тима сорвал пупок на пашне, вторую неделю мается.

Звеньевая, солдатка Анна, сбитая молодуха, краснощечкая, с толстым пучком волос, просит Тиму прийти на покос. Если сил нет косить, хоть косы поправит. Тима соглашается, боли немного поутихли. Захватил с собой два напильника и все точильные бруски, что в доме были.

Девять баб выстроились в рядок и зажикали косами. Не прошло и полчаса, как к Тиме выстроилась очередь. Солнце начало пригревать. Пока Тима правил косы – бабы отдыхали. К полудню пот заливал глаза, руки дрожали. Анна объявила перерыв. Бабы попадали на свежескошенное сено, Тима подсел к ним.

Степанида – баба лет сорока, дородная – рассказывала, как на днях ходила в сельсовет. «А там, в селе, мужиков тьма-тьмущая. Новобранцы, мужики в годах, с освобожденной территории. Месяц поучат и на фронт, через месяц – новая партия. Мужики в гражданском, кто в чем. Бегают по косограм с деревянными винтовками. Вечером в селе слышится визг пил и стук топоров. За кринку молока, а то и просто».

Бронзовый подсвечник

В школе объявили месячник сбора цветного металла для танковой бригады, на которую собирали деньги в течение трех месяцев. Дети тащили, кто что мог: и алюминиевые кастрюли, и медные чайники, горелки от керосиновых ламп, гири от часов, иконки-складки, медные пятаки. Я дома перерыл чердак, подвал, перелопатил железки на старой кузне – ничего подходящего не нашел, разве что пару медных гвоздей. Вспомнил, что в клети в мамином сундуке «из девок» на дне, завернутый в старый пуховый платок, лежит подсвечник. Мама вытаскивала его на Рождество и Пасху. Протирала и ставила под образа. Подсвечник играл бликами, и яркие лучи света рассыпались по комнате. Подсвечник был высоким, около аршина; вверху в центре гнездо под большую свечу, ниже – ярус в четыре выступа, обозначающих стороны света; у самого низа по кругу – семь лунок под малые свечи. Подсвечник был позолочен. Недолго раздумывая, я достал подсвечник, обернул в мешковину и принес в школу. На диковинку сбежалась смотреть вся школа. Директор школы пригласил к себе и спросил: «Родители знают? Наверное, забрал самовольно? То, что в дар для фронта, похвально, а если без спроса – позорно, пусть родители пришлют записку, что они согласны». Шел домой, уши горели, все время думал: «Стыд-то какой: забрать обратно неудобно, но и как

сказать дома?»

Директор повез подсвечник в Пермь, там долго судили-рядили. Решили сдать в музей. Когда об этом узнала мама, она запротестовала и сказала: «Пусть будет в танковой бригаде как талисман. Прадед, когда ходил в походы, тоже брал его с собой». Так и решили: передать в танковую бригаду, которая формировалась в Нижнем Тагиле. На митинге перед отправкой на фронт рядом со знаменем, купаясь в лучах солнца, ослепляя, стоял подсвечник. Во время войны в этой бригаде было наименьшее число потерь. При штурме Берлина в штабную машину при переправе через Шпрее попал снаряд. Все разлетелось по Шпрее, выловили только знамя. На этом забила служба бронзового подсвечника.

Дедушка лесной

Хозяина леса в разных местах называют по-разному: леший, лесовик – а у нас тепло и ласково «Дедушка лесной». Он охраняет лес от огня, стережет зверя и птицу, заботится, чтобы вдоволь уродились грибы и ягоды. Заблудившегося доброго человека всегда выведет на дорогу.

Лето 1943 года, мне тринадцатый год, сестре Тане – восемь. Отправились за земляничкой на Илимовую гору, разделявшую речки Поломку и Ольховку. Увал тянется километров на семь от слияния рек до верховьев. С Илимовой горы деревня наша как на ладошке. Склоны заросли ельником и березняком, а по хребту тянутся огромные земляничные поляны. Против деревни ни хожено – ягоды выбраны. Идем в верховья – деревня на виду. Набрали корзиночки ягод – пора домой. Смотрим в сторону деревни, а деревни нет. Напротив нас, на косогоре Иванов Хутор, а это от нашей деревни вниз по Ольховке километра два. Значит, надо идти вверх, чтобы сравняться с нашей деревней: ягод в граве – усеяно. Мы идем, а деревни пашей не видно, перед глазами все время Иванов Хутор, как будто мы идем по какой-то дуге. Страх охватил мое сердечко, сестра догадалась, что мы блуждаем – захныкала. Я с перепугу стал звать и просить помощи: «Дедушка Лесной, выведи нас к дому». От моего крика в лесу раздалось гулкое эхо. И вдруг... перед нами в шагах десяти

посреди поляны стоит дед. Высокий, седой, в белой холщовой рубаше, таких же штанах, без головного убора, волосы под кружок, борода лопатой. Спрашивает: «Чьи вы будете?» Отвел чаем: «Мы из деревни Чебыки, Федора и Татьяны дети». Дед ласково говорит: «Ну что? Заблудились, идите ко мне, я стою на тропинке». С опаской подходим к нему. Дед босой и какой-то воздушный. Показывает на тропу: «По ней идите вниз, через лесок, а там по овражку вдоль ручья выйдете к деревне Наумята». Мы обрадовались, бойко пошагали по тропе, когда через несколько шагов я обернулся назад – на тропе никого не было, только марево раскаленного воздуха колыхалось над высокой травой. Спустившись по крутяку, через густой и темный лес, вниз, вышли к шумному ручью и помчались по тропе. Лес кончился. Вдали увидели домики деревни. Успокоились. От этой деревни шла езжалая к деревне Кокшары, а от нее до нас – рукой подать. Договорились, чтобы не расстраивать родителей, не рассказывать про наши страсти. И только лет через десять рассказали о наших приключениях. Пермские леса полны тайны и живут своей жизнью, как и люди.

Лесные ноты

Лето 1943 года. Отец в топографических войсках. Наш покос в вырубке на горе, над деревней Мироны. Вырубка заросла березняком, рябинником и кипреем. Косить приходится плешинками. Косу папа сладил для меня небольшую. В руках удобна, но быстро тупится, а я толком не умею ее лопатить, тем более отбивать, поэтому часто приходится махать по лезвию оселком... Джинь-джинь-джинь. Устаю, с непривычки болит спина, мышцы рук и ног. Присаживаюсь на очередной пенек – отдыхаю, схватывая с кустов в рог малину. Солнце прячется за лес. Жара спадает. Косить стало легче, а может, просто приловчился. Очередной отдых вблизи кромки леса. Слышу звук: «До-до-до-ре-ре-ре; До-ре-ми-ми-ми», – и совсем тонкое жужжание с дребезжанием. Минута тишины и снова: «До-до-до-ре-ми-ми». Никак не соображу, что это такое. Пробираюсь по малиннику в сторону звука. Звон отчетливее. Взбираюсь на высокий пенек и вижу расщепленную молнией ель, высотой метра два. Небольшой медведь-годовалок ходит вокруг пня и задирает расщепленные и тянет их на себя, потом отпускает, они издают мелодичные звуки, каждая свой. Медведь прислушивается. Как только расщеплина перестает звенеть, он оттягивает новую. Я увлекся, не заметил, как остутился, пенек подо мной скрипнул. Медведь остановился, обернулся в мою сторону. Увидев

меня, стал когтями царапать свой инструмент. Только тут я опомнился, соскочил с пня и дал деру в обратную сторону. Добежал до места, где косил, подхватил косу и сумку, выскочил на тропинку и побежал вниз к деревне, а оттуда по лесной дороге домой. Всю дорогу оглядывался, не бежит ли за мной медведь?

Оказывается, не только человек музыкален, но и звери радуются нежным мелодичным звукам.

Крещение

На третий год войны, когда все мужики ушли бить фашиста, поля и леса опустели. Трава на лугах и неудобьях стояла не скошенной. Луговины быстро зарастали ольшаником и ивняком, а опушки леса покрылись молодым березняком и осинником. На речке Ольховка появились стаи диких лесных уток. Кто-то стал строить запруды. Бабы в воде видели неизвестных животных, которые быстро носились под водой и, фыркая, высовывали свои мордочки. Бабушка Марфа убеждала всех, что это переселились к нам водяные, которые убежали от войны и немцев.

Речка Ольховка невелика: шириной метра два, глубина на перекатах полметра, а в омутах до трех. Зимой за деревней около моста кто-то продолбил прорубь. Речку подзасыпало снегом, но прорубь не замерзала, и при оттепели вода из проруби растекалась по льду, образуя наледь. Мы, пацаны-подростки, подвернув полы пальто и полушубков, ловко съезжали с крутого берега и, разогнавшись, мчались па ягодицах по наледи. Каждый раз с нами увязывался огромный лохматый, рыжий с белыми пятнами пес тетки Матрены по кличке «Батый». Мы хватали его за хвост, а он с залихватским лаем таскал нас по льду. Натаскавшись, жадно лакал воду из проруби, протоптав в снегу к ней тропинку. Бобры иногда высовывались из проруби и с любопытством за нами наблюдали,

но мы на них не обращали внимания.

Между бабами пошел новый слух, будто в речке объявился водяной. Старухи ходили к проруби и видели: какие-то чудища проплывали возле самого дна, к тому же от проруби к тропинке шли большие когтистые следы.

В декабре коровы резко сбавили молоко. В деревне пошла молва – это «водяной» по ночам выходит из проруби и высасывает молоко из коров. Решили изгнать «водяного»: позвать батюшку и освятить польню. Особенно бунтовали кержаки. Отрядили бабу Феклу за батюшкой в Курью, которая была пошустрей и шибко верующая. Шло Рождество. Черти бегали по деревне и завывали за околицей. Стали исчезать собаки из дворов.

Разрешили снова открыть церковь. Священников не хватало. На всю округу в полсотни километров единственная церковь. Шли рождественские богослужения, народ валил валом, в церкви не помещались, толпились на улице. Молились за родных, которые были на фронте, я – за гибель душегуба Гитлера. Едва ли в это напряженное время богослужения могли отправить с назойливой бабой Феклой кого-нибудь из священнослужителей, видимо, настоятель храма упросил кого-то из прихожан или церковного сторожа. За сутки до крещения Бабка Фекла привела рыжебородого с бельмом на глазу мужика. Дороги перемело, «батюшка» заплетался в длинной, с чужого плеча рясе и часто падал в сугробы. Встречать выбежала вся деревня. Пока шли со стан-

ции «батюшка» промерз насквозь. Попросил отогреть его. Весь день «батюшку» отогревали, водили из дома в дом, где просили прочитать молитву или о здравии, или за упокой убиенного. Каждая солдатка старалась угостить «батюшку» Кружечкой бражки. К вечеру «батюшку» водили под ручки, язык заплетался, и вместо молитвы он мычал и лез целоваться – христосоваться. Многие бабы были рады и этому, говорили: «Мужским духом пахнет». В последней избе, у тетки Палаши, он присел и более не встал – зычно захрапел.

Утром в Крещение «батюшку» еле растормошили. Он хватался то за стены, то за голову. Кто-то догадался – притащил туюсок браги. «Батюшка» одним залпом опростал его. Минут десять посидел, посопел. Мутные глаза стали красными. «Батюшка» промычал: «Ну, теперь к делу». Зажгли свечи и по тропинке цепочкой пошли к проруби, распевая псалмы. «Батюшка» то и дело сбивался и затягивал: «Вдоль по Питерской, Тверской...» Подошли к проруби, обступили. «Батюшка» поднял тяжелый медный крест и начал крестить прорубь, макать крест в воду. В это время из проруби вынырнул здоровенный бобер. «Батюшка» вскрикнул: «Водяной!» – взмахнул руками, качнулся и бухнулся в полынь. Старухи с криками: «Водяной!», – сталкивая друг друга с тропинки в снег, посеменили к деревне. Ряса «батюшки» раскрылась над прорубью. Вода оказалась выше пояса. Валенки и теплые стеганные штаны быстро намокли и тянули под лед. «Батюшка» хватался за края проруби, руки сколь-

зили, он не мог выбраться и вопил: «Люди добрые, помогите!» Только один «Батый» бегал вокруг проруби, хватая «батюшку» за рясу. «Батюшку» водой прижало к нижней кромке проруби. Пес сумел ухватиться за ворот телогрейки и вытащил его из проруби. Пока «батюшка» барахтался в воде, ряса накрепко примерзла к наледи. Одежда на нем быстро задубела. Он пробовал убавиться от рясы, но не мог. Как-то сладился и вытащил ноги из промерзших валенок, освободился от заледеневшей одежды и рванул к деревне – босой, в нижнем белье.

Неделю «батюшку» парили в банях по очереди и отпаивали брагой. Удивительно – не заболел, даже не чихал. Вот что значит деревенская бражка и банька. В деревне долго смеялись, говорили: «Водяной «батюшку» крестил, наверное, не крещеный был».

Нориха

Появилась она в нашей деревне перед войной с двумя – белобрысыми, светлоглазыми, истощенными подростками-погодками. Судя по детям, было ей под сорок, но выглядела очень старой. Сгорбленная, морщинистая, одетая в юбку из грубого холста и латаный-перелатаный zipун. Мы, подростки, боялись этой старухи, разговор которой состоял из одного мата. Перед «здравствуйте», в течение трех-четырех минут сквернословила, и после шли отборные бранные слова. Имени ее никто не знал, все звали ее или Маткуньей, или по фамилии Норихой. Сельчане чурались ее. Зимой она жила на конном дворе и доме, где хранилась сбруя и упряжь от колхозных лошадей, а летом переселялась в заброшенную деревню Пашковцы вместе с колхозной отарой овец и сыновьями. Поля вокруг деревни были не паханы, травица росла выше пояса.

Перед войной Андрей Андреевич Андреев – член правительства, секретарь ЦК по сельскому хозяйству – с решения Сталина разработал программу агрогородов. И началось очередное мероприятие. В Прикамье деревеньки были маленькими, по восемьдесят домов. Было велено сселить их в большие деревни. Местное начальство не задумывалось, будет ли от этого толк. Пашковцы располагались при слиянии речушек Ольховки и Поломки. Место было благодатное.

Крестьяне и при колхозе жили справно. Оставалась древняя основа общины – звено. Мужики не хотели съезжать, тогда приезжал уполномоченный из района, ломал печную трубу, вынимал рамы. Над деревней стоял бабий рев и детский плач. Приходилось съезжать. Дома, которые бы просто-яли еще лет по сто, при разборе рушились. Крестьянину надо было перевезти избу, клеть, конюшни, хлев, погреб, баню. Зрелище было печальное и унылое. Постройки и старые дома, которые из-за ветхости нельзя было перевозить, остались на месте. Жутко было проходить через эти деревни и видеть провалившиеся крыши, пустые глазницы окон, заросшие бурьяном огороды.

В одном из таких домов и жила летом Нориха с двумя мальчуганами, досматривая за двумя сотнями овец. Чем Нориха питалась – один только Бог знал. Варили в основном пикапы (борщевник, лопух, сорочник, лебеду). К зиме семья со стадом овец перебиралась в деревню. Нориха аккуратно смотрела за овцами, принимала молодых ягнят. Скотину она любила больше себя и находила для нее нежные слова.

Деревенские бабы помогали, чем могли: кто кринку молока, кто ведро картошки, кто что-нибудь из одежды. Зимой пацаны Ваня и Шура Норины бегали полураздетые в начальную Дроздовскую школу и кончили ее весной 41-го, став совершеннолетними юношами.

Ивана взяли в армию в конце июня, Шуру – осенью 1942 года. В середине лета 1943 года бабы стали жалиться: кто-то

повадился лазить по погребам, то латки с творогом исчезали, то бидон топленого молока. Старики обнаруживали разворошенное сено в стогах. Видели за конным двором следы от солдатских ботинок. В середине августа рано утром, когда шла разнарядка колхозников па работы, со стороны конного двора услышали матерщину, из-за угла показалась Нориха. Впереди себя размахивая ухватом, она гнала старшего сына Ивана в грязной гимнастерке и дырявых галифе, в стоптанных ботинках, из которых торчали портянки. Матерясь и приговаривая: «Куда думал бежать? От мужиков похоронки, а ты, лоб здоровый скрываться под материной юбкой? Да кто же будет защищать нас от фашистов, если все побегут? Мало я натерпелась от отца? Сколько ему говорила: иди в колхоз, нет, не пошел – жалко стало добра. Против Советской власти пошел? Нет, против народу идти бесполезно. Из-за его дурости я в 35 лет стала старухой и десять лет мыкаюсь с вами по белу свету». Кто-то из стариков прибежал с берданкой, чтобы помочь довести дезертира до сельсовета. Но Нориха отрезала: «Я его родила, я его и отдам властям! – И огрела сына ухватом по лопаткам. – Вот тебе, срамник!»

На масленицу пришло письмо от Ванечки, короткое «Воюю, мама, наградили медалью «За отвагу». Нориха бегала по деревне и показывала всем, просила читать вслух. Впервые за долгие годы улыбалась и повторяла: «Это письмо от Ванечки, вот и искупил свою вину, это он со страху бежал, сейчас, слава Богу, все хорошо, даже медаль дали».

Но перед Ильиным днем пришла похоронка: «Пал смертью храбрых». Осенью пришел перевод, где указывалось: за подбитые сыном танки. Нориха поехала в город на толкучку. Из города приехала в поношенном оренбургском платке, новой фуфайке, юбке, сшитой из английского зеленого военного сукна, в ладных подшитых валенках. Всем говорила: «Это память о сыне».

От Шуры Норихе регулярно, раз в месяц, приходили толстые письма с вырезками из газет. В январе 1945 года Шура сообщил, что находится в госпитале в Казани, обещали отпустить по ранению на побывку.

Прибыл в день Красной Армии с огромным вещевым мешком, в старой-престарой шинели с двумя красными лычками на погонах. Старики и солдатки сбежались смотреть на воина, у которого на гимнастерке позвякивали пять медалей «За Отвагу» и никаких других. Старики спорили, что не может быть такого, чтобы пять медалей и все «За Отвагу». Пришел из нижней деревни старший сержант Андрей Фадеев, контуженный в боях за Сталинград. Хватаясь за больную голову, говорил: «На фронте все может быть». Шура пояснил, что медали ему дали в разных частях, то после реформирования, то после госпиталя. В новой части он сразу записывался в разведчики. Ходил в разведку, брал языка, был отчаянный вояка. Рана долго не заживала, ездил в село, в госпиталь на перевязки, одновременно получая деньги за медали.

Нориha отмыла от копоти избy, кто-то принес старые пестрядевые половики. Изба засветилась. Завела козу, кур, Шуру сосватала за вдовушку, солдатку, у которой было двое малых детей: мальчик и девочка. Зажили справно. Через два года они нажили еще двоих. Нюра, хозяйка, делала хорошую брагу к праздникам. И вдруг беда – Шура Норов запил. По-ехал на лесозаготовки, там пропил все: полушубок, шапку, валенки, новые штаны и рубаху. Домой приехал в распутицу в одних подштанниках и наброшенной сверху дерюге.

Нориha сорвалась, лаяла его на чем свет стоит, но было поздно, это была болезнь. Нюра к приезду сделала кувшин браги, Шура ночью втихую его опростал. Утром бегал по деревне, искал опохмелиться. Вечером пошел в соседнюю деревню. Дорога раскисла. На пашне ноги утопали по колено в грязи. Завяз. Ночью ударил мороз. Утром нашли Шуру Норина рядом с дорогой скрючившегося и замерзшего. Нориha сильно горевала. Осталась у Нюры растить своих и чужих внуков. Прожила долго, лет до девяноста, но за последний тридцать лет, после несчастья со вторым сыном, никто не слышал от нее слова, словно окаменела.

Горемычная

Калина рос шустреньким, веселым мальчонкой, не замечая, что девчата-подростки шарахались от него, так как лицо было испещрено крупными оспинами. Они были на носу, на веках, на ушах. Щеки походили на кору старой ели. Когда Калине пришла пора жениться, отец объездил все соседние деревни, выискивая невесту сыну. Люди знали об этом, жалели парня, но никто не хотел отдавать дочерей за страшилку, увидев подъезжавших к дому в роскошной кошевке сватов со свахой Евдокией Гришихой, девчата убегали из дома или прятались.

Афанасья росла одиноко, играть с подружками боялась. Со двора выходила редко. Сверстницы были жестокие, кричали ей вдогонку: «Косоглазая, одноглазая!» Афанасья прибежала домой, припадала к матери и долго плакала. Целовала ноги отца и просила: «Тятенька, убей меня или я утоплюсь сама». Мать с отцом глаз с нее не спускали, любили ее и тешили, чем могли. Девушка привыкла к опеке родителей и к одиночеству. Друзьями становилось все живое, что окружало ее. Корова Белянка, завидев Афанасью, подходила к ней и терлась комолой головой, старалась лизнуть руки. Овцы окружали кольцом и тыкались ей мордами в коленки. У нее для всех находилось ласковое слово и корочка подсоленного хлеба. Когда ходила в лес за грибами или ягодами, звери

чуяли ее – Афанасья почти каждый раз приносила из леса или раненую горлицу, или искусанного зайчонка. За печкой был лазарет, где выхаживались зверята. С радостью выпускала в поле выздоровевших, а отпустивши, горевала, потому что привыкала к ним.

На масленицу Калина с родителями поехал в гости в деревню Липята. Деревенские гуляли на косогоре. Катались с горки, кто на чем мог: на лавках, санях, корытах. Барахтались, кувыркались в снегу. Над деревней стоял визг и хохот. Калина постеснялся выходить на улицу. Все здесь было ему незнакомо, да и боялся Калина услышать горькие слова от девчат: «Коростяный, оспяной!» Поэтому он вышел в огород, подошел к черемухе. От набухающих почек пахло весной и раздольем. В соседнем огороде по овражку на высоких изогнутых санках по насту каталась взрослая девица. Темно-русые волосы выбивались из-под шали. Калина вплотную подошел к изгороди, облокотился. Девица заметила парня, помахала ему рукой. Направила санки в его сторону, но у самого прясла, затормозила, соскочила с санок, отбежала: испугалась Калину. Тот продолжал стоять одиноко, любуясь, как скатывается в овраг шумливая девица. Снова подкатилась к Калине на этот раз ближе и увидела в глазах парня смертельную тоску. Сердечко сжалось, и Афанасья выпалила: «Ну что загрустил, добрый молодец? Покатай меня, что ли». Только тут Калина заметил, что смотрит она на него одним, как черная бусинка глазом, второй закрытый глаз при-

крывала челка. Калина осмелел и неожиданно для себя выкрикнул: «Выходи за меня замуж, красная девица!» В ответ услышал: «А почему бы и нет, присылай сватов». Калина рванулся во двор, забежал в избу и закричал: «Тятенька, маменька, сватать пошли!» Родители опешили. Кумовья догадались, в чем дело. Захлопотали, забеги, зашумели: «Дело парень говорит, ваш жених уже переросток, да и Афанасья в девках засиделась – пошли сватать». И закрутилась карусель. Сватанье, смотрины, гостение. На Троицу играли свадьбу. Молодые друг по душе пришлись. Зажили дружно, весело, как два голубка. У Калины оспины сгладились. Афанасья и не замечала, что у него изъян. Родня и деревня приняли ее теплом и лаской.

И стали рождаться у них дети, да такие хорошие, да такие пригожие, как ангелочки. Быстро начинали бегать и лопотать, потому что были желанные. Летом 1939 года Калину повторно призвали в армию на переподготовку. Попал в тяжелую артиллерию ездовым. На Халхин-Голе его немного контузило. Осенью вернулся домой, как говорил, списали подчистую. На Финскую не взяли. Дети подрастали. Старшая дочь Федосия бегала в начальную школу в деревне Дрозды. На Ростани присоединялись чебыкские, по пути подключались сахаровские и так шумной ватагой вваливались в школу.

Июнь 1941 года. Воскресенье. Теплый солнечный день. Кокшаровские колхозники с песнями, частушками направи-

лись на луг. Первая покосица. Детвора с криками бросалась в омут. Женщины вытаскивали малышню из воды, незлобно стегая их молодыми ветками ивняка, приговаривая: «Я что тебе говорила, не лазь в речку, вода еще холодная, простудишься». После обеда прискакал на взмыленном жеребце председатель колхоза, не останавливаясь прокричал: «Война, мужики, с германцем!» Все побежали в деревню. Мужики давали бабам команды, чтобы в мешок положила пару беля, махорку и сухари. Парни и молодые мужики на другой день отправились в правление, домой пришли с повестками из военкомата. Деревня три дня прощалась с мужиками, редела и стонала.

Калину через месяц повесткой пригласили в Нытву на перекомиссование. Медицинская комиссия признала годным к службе. Калина тяжело прощался с родней, женой и детьми. Оставалось четверо малолеток. Старшей, Федосье (Фене), только десять годков исполнилось, а младшему годик. Дети облепили отца, не хотели пускать, как будто чувствовали, что прощаются навсегда. Похоронка пришла перед Новым годом, в ней писалось, что Зырянов Калина пал смертью храбрых при защите столицы шей Родины – Москвы.

Потянулись тяжелые будни. Афанасья, как могла, управлялась по дому. Вставала рано. Надо было протопить печь приготовить еду детям, подоить корову, почистить хлев и идти на работу. Вся мужицкую работу в колхозе выполняли бабы и подростки. Афанасья, хотя и с одним глазом, но

была ладненькая, ухоженная, чистенькая, опрятная, на работе бойкая. Новый председатель – бугай, пьяница и бабник – подкатывался к вдове, но получал отворот-поворот. Взъелся на Афанасью. В ноябре 1942 года откомандировал ее на лесозаготовки в Добрянку. Как ни упрашивал дядя Никифор, чтобы не посылал Афанасью в лес, но изверг-председатель был неумолим. Ослушаться тогда было нельзя. Хорошо, что запас зерна был еще с урожайного 1937 года, сено для коровы накошено, дрова напилены. Дети выросли на глазах.

Через месяц Афанасью привезли домой больную, в бреду. Никифор на другой день повез ее в село Григорьевское, в больницу. Война. Лекарств в больнице нет. Через неделю Афанасья умерла. На похороны собрался народ даже из соседних деревень. Дети уцепились за мать в гробу и не давали накрыть крышкой. Кричали: «Маменька, проснись, маменька, мы тебя не отпустим, мы с тобой будем!» Бабы и старики голосили вместе с детьми. В течение года две тяжкие беды на одну семью. Горе за горем.

Феня в семье за главную, сестре Варе – 6 лет, братьям – 4 и 2 года. Запасов муки хватило до пасхи, сена корове до выгона, а картошка в хранилище замерзла, не утеплили. На посадку мороженая не годится, но дети ели, так как другой еды не было. Когда пришла весна, стали есть еловые ягоды, молодой хвощ, сорочник, лопух, борщевик, крапиву. Спасала корова, без нее погибли бы с голода. Пospела рожь. Началась жатва. На косогорах жали серпами. Никифор прихо-

дил вечером и выговаривал: «Федоска, надо идти работать, не будешь работать – на трудодни ничего не получишь». Маленькая, тощенькая тринадцатилетняя девчушка вставала до восхода солнца, топила печь, варила кое-какое варево из колосков ржи и травы, слегка заправленное молоком, и бежала на жатву. Серп в руках крутился. Левая рука не могла ухватить горсть стеблей. Конец серпа попадал в ладонь. К обеду разламывалась спина, кружилась голова, тряслись ноги. Федосья падала на связанные снопики, отлежавшись, начинала снова жать. Дома семилетняя сестрица ревела с малышкой. Придя домой, Феня тащила братьев к ручью, обмывала попы, грязные и потные тела детей. Вечером надо было подоить корову, наколоть и натаскать дров в печку. Пока шла жатва, уборка полей, молотьба выдавали по 200 граммов на трудодень. Осенью весь хлеб с амбаров вывозили. В колхозных сусеках было пусто. Весной с заготпунктов выдавали зерно на посевную. Молоко ели вприглядку, надо было каждый день сдавать по пять литров молоковозчице. Накопив молоко, раз в неделю возила в город на продажу, где меняла на пайки хлеба. Бидоны с молоком надо было вытащить на крутяк и три километра по кочкам шагать до разъезда. Под тяжестью ноги подкашивались, плечи разламывались.

К осени во дворе у Федосьи было пусто. Сена на зиму не заготовила. Пришлось лишиться двух овечек и курочек. Корове с конного двора таскала мякину и ржаную солому. К весне 1944 года корова обезножила. В хлеву навоз не убирал-

ся, и корова в холодной жиже застудила ноги. На свежую траву корова уже не вышла. Семья лишилась кормилицы. Есть в доме было нечего. Колхозникам хлебных карточек не давали. Расчет был прост: есть огород, есть корова, немного хлеба на трудодни в посевную и в уборку – проживут. Дети стали с голоду пухнуть. Ножки отнялись. Целыми днями сидели прижавшись к оконному стеклу, греясь на солнце. Печь не топилась – дров не было. Все, что можно было сжечь во дворе – сожгли: хлев, заплот, жерди с огорода. Младший братик простыл и умер от холода и голода.

Приехала комиссия из Нытвы – решили детей определить в интернат. Малые залезли в передний угол под лавку и вытаскать их оттуда было невозможно. В доме начался рев. Боялись, что разлучат, и они не найдут друг друга. Прибежали соседи, стали выговаривать комиссии: «Где вы были раньше? Отец погиб, мать сгубили, дети два года были предоставлены сами себе. Помочь им надо, а не разъединять». Решили: «Детей оставить, выписать им детские 400-граммовые карточки, завезти дров, помочь с семенами для огорода». Федосья через день ходила за 12 километров в село, чтобы купить хлеб по карточкам. Хлеб выпекался в больших квадратных формах с примесью гнилой картошки, редьки и мякины, всегда мокрый, непропеченный. Буханка весила более двух килограммов. Федосье на два дня отпускали буханку с привеском. Пока шла домой, привесок исчезал. Дома начинался пир. Кипятила чайник. В большую чашку наливали

воду, солили, крошили хлеб и бузгали ложками. Полбуханки исчезало. Вечером трапеза повторялась. На другой день хлебушка ни крошки.

Весной 1945 года вернулся с фронта Алексей Терехин, довоенный председатель колхоза. Через день вступил в должность. Объехал все деревни, побывал в каждом доме. Заехал к Фоминым и увидел страшную картину нищеты и голода. Вечером собрал правление. Костерил всех, на чем свет стоит: «Вы что, совсем озверели, старики, вы же все на ногах, в домах у вас здоровые невестки. Почему забросили детей Калины? Отец погиб, мать загнали в гроб, а сейчас и детей загубите. С сегодняшнего дня дополнительно к пайке выделять по двадцать килограмм зерна ежемесячно, подобрать хорошую корову с колхозного стада и завтра же отвезти на их двор, корм для коровы давать с конного двора, дрова отвезти от школы сегодня же, чтобы завтра у них печь топилась».

Семья ожила, корова попала спокойная, молочная. Жизнь наладилась. Дети подросли. Варвара помогала по дому, топила печь, готовила обед, полола огород. Братик смотрел за коровой, выгонял и встречал.

В 1948 году колхозникам разрешили давать паспорта, сняли некоторые налоги. Их, как семью фронтовика, освободили от всех налогов. Федосья пошла работать на почту станции Григорьевской. Зарплата невелика, но деньги живые. Можно было купить хлеба и есть досыта. Приделась, обшила сестру и брата.

В 1953 году на свадьбе у подружки приглянулся ей гармонист, веселый, задиристый, чубатый, кареглазый парень. Федосья к этому времени оправилась, налилась, порозовела. Черные глазки посверкивали из-за густых ресниц. Алый бант переливался в иссиня-черной косе. Федосья звонко подпевала бабам, заводила сама песни и умело их вела. Парню понравилась скромная, аккуратненькая дивчина. Стал расспрашивать. Бабы наперебой нахваливали: «Сирота она, работающая, чистоplotная, спокойная, ладная, баская, лучше девки в округе не найдешь». Через месяц посватался. Дала согласие, но при условии, что брата и сестру поможет поставить на ноги. Поженились. Зажили дружно. Перетащили дом из деревни на станцию, перебрали, подрубили, настлали новый пол, покрыли шифером, срубили конюшенку, баньку – получился обширный крестьянский двор. Потом завели козу, поросенка, курочек – одним словом, создали свое хозяйство. Через два года родился первый сын Володя, еще через два года второй – Коленька. Феня души не чаяла в детях. Муж после работы не отходил от сыновей, гордился ими. На седьмой год совместной жизни Федосье пришла неожиданная, негаданная беда...

Как-то вечером Алексей пришел домой слегка выпивший, попросил Феню сесть за стол и объявил ей, что он полюбил другую женщину и без нее не может и часа, сегодня уходит к ней. Федосья отупело смотрела на мужа и думала: «Куда я с малышами? Старшему – четыре, младшему – два, куда,

куда, куда?» – и вдоль стены свалилась с табуретки на пол. Когда пришла в себя, то увидела, что дети ползали по ней, тормошили и звали: «Мама, мама, мама!» Алексея в доме не было. Наутро побежала к золовке, наплакалась, поведала о горе, попросила ее посмотреть за детьми, сходила на работу, рассказала о своей беде, попросила восстановить на работе. Утром вскакивала, доила козу, кормила поросенка, давала корм курам. Готовила завтрак и обед детям, оставляла на полу, закутав в старые фуфайки.

Пришла зима, корма козе заготовить не успела, дровами не запаслась. Начинались холода. Печь приходилось топить с полуночи, чтобы тепло сохранилось до прихода с работы. Силы иссякали. В один из вечеров, когда увидела, что корма козе нет, дров осталось на две-три топки, накормила детей, уложила спать, села и загоревала. Закручинилась – не пережить ей с детьми, лете умереть. Детей кто-нибудь вырастит. Вышла во двор, над воротами закрепила веревку, поставила табуретку. Вернулась в дом, одела свое любимое платье, поставила свечу под образа и долго молилась. Вспомнила свое безрадостное детство. Боль била под самое сердце, туманило сознание. В голове билась одна мысль: «Брошенная, брошенная, брошенная!» Поцеловала детей, поклонилась на четыре стороны, попросила у всех прощения и вышла за двери. Только закрыла двери, как услышала плач ребенка и зов: «Мамочка!» Забежала, вскрикнула: «Господи, что я делаю, мы выросли сиротами, детей своих оставила бы бесприют-

ными!» Успокоила детей, решила: продам поросенка, козу, как-нибудь продержу зиму, на лугу молодые побеги буду резать, лес рядом, за хворостом буду на санках ездить.

Зима выдалась холодная. Федосья по утрам печь топила жарко, чтобы тепла детям хватило до вечера. Дети спали у печи на старых матрацах, закутавшись в поношенные пальто, истертые одеяла. В середине января Феня пошла на работу, а на душе было муторно. Старший Володя, проснувшись, решил, что тепла будет больше, если вытащить угли из печи. Нашел таз, совок и стал выгребать угли в таз. Некоторые угли упали рядом с тазом. Володя не заметил, как загорелась масляная фуфайка, которой был накрыт брат Коля. Огонь мгновенно охватил постель братика. Володька с перепугу залез под кровать. Коля проснулся, когда огонь полыхал у изголовья, он успел только натянуть фуфайку на лицо.

Сосед Дмитрий со двора увидел, что у Федосии из окон валит дым. Крикнул сыну Ивану: «Федосья горит!» Побежали, вышибли дверь и увидели у печи полыхающий костер. Схватили ведра с водой, стоявшие на лавке, залили огонь. Остатки огня затоптали, с половиков пламя сбивали дерюжным одеялом. Сбежался народ. Кто-то сообщил Федосье, что у нее горит дом. Не помня себя, полураздетая, как очумелая, она мчалась домой. Забежала в дом, увидела обгоревшего сына, схватила на руки и помчалась в село, в больницу. На полпути ее догнали на лошади, запряженной в розвальни. Усадили, стали объяснять, что в больнице ей не помогут

– сын мертвый. Но Федосья ничего не слышала, но только видела обугленное лицо сына. В больнице отхаживали ее до вечера. Вечером, придя в себя, опомнилась: у нее есть второе дитя, что с ним, где он? Погнали лошадь обратно. Соседи искали второго мальчишку во дворе, в конюшне, на сеновале. Нигде не было. Соседская девчушка Оля, которая часто приходила к Федосье посмотреть за малышами, поиграть с ними, нашла Володю под кроватью без сознания. Потащили его на улицу. Стали откачивать, натирать виски снегом. Лицо порозовело. Володю вырвало. Придя в себя, он все время повторял: «Мама, мамочка!» Федосья больше не оставляла Володю дома одного, брала с собой на работу, где он в закутке за печкой играл целыми днями старыми открытками.

На другой год пришла новая беда. Брат Иван, отслужив на Сахалине, завербовался на рыболовецкий сейнер. Раза два присылал денежные переводы. Гуляя с друзьями в ресторане, пытался разнять задравшихся артельщиков. Получил ножевое ранение в живот. Спасти его не удалось. Федосья после этого стала с сыном ходить по церквям. Все время, молясь перед иконами, спрашивала: «Господи, за что такое наказание, за что такое испытание: с детства нет светлых дней?»

Володя подрастал. Стал непослушным. Забросил школу, стал курить, попивать. На работе долго удержаться не мог, за недисциплинированность увольняли. Как-то в поздний вечер пришел муж. Стал проситься обратно в семью. Горько

было на душе у Федосии, думала: «Как ты мог нас бросить? Если бы был с нами, не погиб бы Коля, Володя бы не испортился!» Решила: «Пусть живет, может, Володю удержит от дурных поступков». Муж вернулся тяжело больным. Той, к которой уходил, хилый и слабый мужик был не нужен, быстро снюхалась с другим. Спали на разных кроватях. Федосья не могла простить предательство. Володя ушел служить. Алексей совсем стал плох. Федосья съездила в райвоенкомат, вызвала Володю. Отец наказывал: «Володя, береги мать, мы перед ней и долгу, детство у нее было безрадостное, да и со мной много горя хлебнула, пусть хоть на старости лет душа ее немного отдохнет». Володя уехал дослуживать. Алексея не стало. Федосья перешла работать на почту «Пермь-сортировочная». Оклад побольше и коллектив дружнее. Ездила на работу на электричке. Вставала в четыре часа и возвращалась в одиннадцать. Уставала до потери сознания. За курами и козой ухаживать было некогда. Избавилась от всего хозяйства, но зато начальство выхлопотало ей квартиру-комнату с подселением. Радовалась своему уголку. Не надо дрова готовить, печь топить.

Пришел Володя из армии, месяц гулял. Федосья радовалась: сын вернулся, кормилец и опора в старости. Володя устроился шофером на грузовую машину. Пошли шабашки, а значит, левые деньги. Стал попивать. Где свободные деньги, там и вольные женщины. Как-то в квартиру привел дородную тетю, лег на десять старше. Попросил: «Мама, иди

погуляй, мы тут с Любой посидим». Пришла зима. Гулять на улице было холодно. Стала ездить на вокзал. Подремав на лавочке часа три, последним трамваем возвращалась домой. Федосья терпела. Пожаловаться было некому. Слезы душили ее. Думала на старости радость, а тут снова печаль! По весне Володя заявил: «Мама, я женюсь, у Любы трое детей, старшие будут жить у ее мамы, а Люба и младшенькая будут жить у нас». Федосья попробовала его усовестить: «А я куда?» «А ты в ванной ночуй». Но ванная на три семьи. Зимой Федосья спала в коридорчике, свернувшись калачиком, на ящике из-под обуви. Утром еле вставала, кости болели. Вышла на пенсию. Весной уезжала в свой домик на станцию Григорьевскую. Младшая сестра Варвара стала предъявлять требования на владение домиком.

Жизнь Федосьи прошла в тягости и горести. Светлых дней не видела, не предвиделись они и в будущем. Так сложилась судьба русской женщины-мученицы...

День Победы

1 Мая – День трудящихся. Митинг. Директор школы принимает от строителей новую двухэтажную деревянную школу. Учителя и ученики радуются – с 1 сентября будут учиться в нормальных условиях.

22 июня 1941 года. Война.

В июле из школы вытаскивали парты – заносили койки. Классы разбросали по селу в непригодные помещения. Но мы учились! Осенью каждый класс закрепили за госпитальной палатой, кроме десятого, он выпускной. За нашим пятым классом палата № 7, где лежат безрукие и безногие. Мы приходили к ним по субботам после уроков. Что-нибудь несли: кто пирожки с капустой, кто шанежки, кто бидончик молока. За дверями слышен стон, но, когда мы входили, раненые крепились. Мальчишек посылают за горячей водой. Девчонки: Зоя Мякотцких, Тоня Старцева, Катя Варанкина, Лида Кашина, Лида Шавшукова, Валя Галкина, Августа Ракшина, Лида Гофман, Нина Беспалова – протирают окна, кровати, моют полы, поливают цветы. В палате восемь человек. Палата командирская. Каждая из девчонок помогает какому-нибудь раненому. У многих погибли отцы, и они присаживаются к изголовью пожилых раненых. Безруким расчесывают волосы, пишут письма. У молодых командиров оказываются девчонки, которые повзрослее нас.

Некоторые тяжелораненые умирают. За селом у пруда вырастают холмики с деревянными столбиками, с красной звездой из жести на верхушке и поперечной дощечкой, где написаны краской фамилия, имя и дата смерти. Многих разбирают родственники, жены. Среди безруких и безногих были раненые, которые добиваются у высшего начальства отправки на фронт. Няня жалуется, что нельзя их оставить ни на минуту. Если ее долго нет, в палате начинается стук костылей и стульев. Раненые беспокоятся: а вдруг захочется побольшему или по-малому, а подать прибор некому, тогда под себя – это стыдно.

Некоторые раненые лежат по году и более. А двое – обгоревший танкист без ступней и кистей и сапер с оторванными ногами и наполовину оторванными пальцами на руках, лежат третий год. Ходячие раненые из других палат выносят их на свежий воздух. Танкист учится ходить на костылях, а саперу смастерили коляску. Оба заикаются. Шутят над собой. Руководству госпиталя домашние адреса не говорят. Старшая медсестра, красавица Аня, старательно ухаживает за русоголовым, курчавым танкистом с темно-синими глазами. Уговаривает переехать жить к ней. Они с матерью вдвоем, мужа убило в первый месяц войны. Танкист не соглашается. Объясняет, что не хочет быть обузой, жалость ему не нужна. Приезжала делегация из соседнего колхоза за крутолобым усатым сапером, приглашала в колхоз председателем. Сапер отнекивался, просил подождать. Сапер научился обрубками

пальцев писать, умело работал ножом, выстругивал всякие поделки из дощечек и поленьев.

Девчата наши подрастали и к весне 45-го стали настоящими девицами, а мы наивны, росли какие-то захудалые, мелкие. Только Игорь Анисимов, наш баянист, выглядел повзрослее. У него начали пробиваться усы. Молодые офицеры стали ухаживать за девчатами, мы не ревновали, мы радовались, что в них пробуждается жизнь.

Обычно после уборки в палате начинался маленький импровизированный концерт. Чубатый безногий мичман вытаскивал из-под кровати аккордеон и, прижавшись к спинке кровати, начинал играть. К концу войны в каждой палате было по несколько немецких аккордеонов. Девчата приглашали на танец друг друга. Из нас танцевать умел только Толя Старцев. Темноволосая Валя Галкина приходила в белой кофточке и черной юбочке, с малиновым бантом в волосах, подсаживалась к аккордеонисту. Он любил ее безмерно. Валя это знала.

К праздникам – 7 ноября, 23 февраля и 1 Мая – мы готовили для раненых концерты. На этот раз к 23 февраля – Дню Красной Армии и Военно-морского флота – у нас была расширенная программа: и танцы, и соло, и хор. После выступления хора мы неумело отплясывали «Яблочко», пугая колена. Аккомпанировал, как всегда, Игорь. В середине танца, с первого ряда поднялся моряк на костылях без ноги. Он ловко взобрался на сцену. Крикнул Игорю: «А ну, поддай

огонька!» – и пошел выделывать коленца, размахивая костылями, крутясь на одной ноге. Женский медперсонал плакал, каждая думала: «Отгулял моряк». Отплясывал он с остервенением, стараясь выплеснуть всю боль души через танец. Костыли полетели в сторону, он пробовал сделать какие-то па, хлопая руками по ноге. Не удержав равновесия, качнулся вперед и упал на свежeweымытый пол. Мы оцепенели. Он ловко отполз к краю сцены, уселся, свесив ногу, выдохнул: «Все». Подбежали сотрудники, подхватили под руки и усадили в кресло.

9 мая 1945 года. Председатель Сельского совета – маленький, горбатенький, всеобщий любимец, честнейший человек – бежит к школе, машет руками и глухо кричит: «Победа! Победа! Победа!». Учителя и ученики выбежали во двор. Обнимаются, плачут. Все сбежались на площадь к репродуктору. Слушают голос Левитана.

Мы, школяры, рады – по домам, ведь надо срочно сообщить радостную весть в деревне. Из села домой вела тропинка по длинному-длинному лугу мимо госпиталя. По луговине звонко журчал ручеек. Зеленела молодая трава, усыпанная яркими цветами одуванчика и лютика. Вспыхивали лазоревые пятна незабудок у ручья. В душе песня: «Победа, Победа, Победа...» Все, кто мог двигаться, выбрались на лужайку у оврага перед госпиталем. Многие с аккордеонами. Неходячие устроились в проемах раскрытых окон. И по оврагу лилась музыка аккордеонов. И этот звук догонял и

перегонял меня, и остался в сердце на всю жизнь, как память
Дня Победы.

Картофелины

Осень 1947 года. Пермская область, село Григорьевское на реке Сюсьве. Госпиталь покидают последние тяжелораненые, некоторых переводят в госпиталь в Пермь, но большинство разъезжается по домам – подлечились. Госпиталь наполняется больными военнопленными – немцами, венграмми – с диагнозом «туберкулез». Госпиталь – это наша двухэтажная школа, построенная перед войной. А мы учимся в старой, дореволюционной, у пруда. Нас в десятом классе девять человек. Двое сельских, остальные из близлежащих деревень, только я один из дальней. В ноябре решили перебраться из частных квартир в общежитие. Причина одна – нет учебников, гуртом заниматься лучше.

Во дворе общежития конюшня, в стойлах три лошади. Они обслуживают госпиталь. Немцы на двух возят дрова из леса, а третья таскает огромную бочку для воды, установленную на санях. Воду возят из пруда. С немцами не общаемся – они фашисты. Отношение к немецкому языку в школе плевое – зачем знать язык захватчиков. С уроков немецкого зачастую убегаем на остров ниже пруда.

Прошли февральские вьюги. Ребята из ближних деревень стали бегать домой. В общежитии я один. Холодно. Топлю печь в своей комнате. Дрова сырые – тепла мало. Вечером перед сном, когда перегорают дрова в печи, бросаю в золу

несколько картофелин. К утру они покрываются хрустящей корочкой. К рассвету общежитие выстывает так, что зуб на зуб не попадает. Хватаю книги, картофелины – и в школу. Там тепло, перед уроками можно позаниматься.

Долговязый, с тонкой шеей, бледным лицом и горбинкой на носу пожилой немец запрягает лошадь. Немец часто кашляет. Ночью был снег, дорогу перемело. Спрашиваю: «Фриц, подвези до школы». Он отвечает: «Нихт Фриц, их Пауль, гут». Говорю: «Фашист». Немец побледнел еще больше: «Нихт наци, их социалист». Я вытаскиваю картофелину, разламываю, от картофелины идет аппетитный запах. Немец перестает запрягать, смотрит на меня печальными серыми глазами и сглатывает слюну. Я достаю еще пару картофелин, протягиваю Паулю. Стоит как замороженный, затем берет, руки трясутся, в глазах слезы, низко кланяется – благодарит. Не очищая, откусывает картофелину небольшими кусочками. Медленно разжевывает, долго держит во рту, глотает. Спыхватился: вытаскивает из кармана корочку хлеба и предлагает мне. Просит: «Возьмите, битте». Я отказываюсь, не беру. Пробуем говорить на смешанном русско-немецком языке. В школе грамматику учили дотошно, но запас слов невелик, разговорной практики – никакой. Учили наизусть стихотворения Гете и Гейне, тщетно пытаюсь что-то вспомнить. Спрашивает мое имя. Отвечаю: «Шура». Долго молчит, не понимает, что такое «Шура». Объясняю: Александр. Александр Чебыкин из деревни Чебыки. Пауль восклицает:

«О, Александр, Александр». Пробует объяснить, что дома трое «киндер». Показывает на мои брови – такой старший сын Ганс, по грудь – дочь Марта и по колени – младший Питер. Они похожи на меня – тоже беленькие, но глаза как небо – голубые-голубые. Они там далеко, во Франкфурте-на-Майне.

Каждое утро я выскакиваю из холодного общежития, вручаю Паулю пару картофелин. Он улыбается. Пауль старается учить русские слова, а я зубрю немецкий язык. В разговоре начинаем понимать друг друга. Порой, путая русские и немецкие слова, беседуем взахлеб, перебивая друг друга. Все время хочется спросить, почему он съедает картофелины, не очищая от кожуры, но не могу правильно построить предложение. Постепенно узнаю, что он по профессии токарь, в 1944 году попал под тотальную мобилизацию, несмотря на слабые легкие – хронический бронхит.

Военнопленные свободно гуляют по селу, некоторые с удочками сидят на плотине, пробуют ловить рыбу. Вдовы-солдатки подходят к начальнику госпиталя, просят, чтобы немцы помогли в хозяйстве – то печь сложить, то крышу перекрыть. Отпускают. Среди немцев много из сельской местности, работу делают добросовестно, с умом.

На Пасху Пауль дарит мне резную деревянную шкатулку, отшлифованную до блеска. На крышке ангел, а по бокам серп и молот. Меня это сочетание удивляет. Пауль объясняет: «Мы просим у Бога хлеба насущного, но для этого на-

до трудиться и в поле, и на заводе». На внутренней стороне крышки готическими буквами, но на русском языке: «Александр от Пауля. Апрель 1948 г.».

В мае за двором разрослись листья хрена. Я знал, что хрен очень полезен при легочных заболеваниях. А у меня открылся бронхит. Натер корни на терке, залил молоком, макал черный хлеб и ел. Хрен злой, но знаю, что полезен. Вечером Пауль во дворе школы чинил сбрую, чистил конюшню. Порядок у него был образцовый. Я посмотрел на Пауля, и меня осенило: так ему-то и нужно хрен есть, для его легких полезно. Предложил Паулю попробовать. После первой ложки у него перехватило дыхание, с кончика носа закапали капли пота, расширились зрачки. Когда Пауль смог спокойно дышать, я пояснил, что надо есть маленькими порциями. Хрен может вылечить легкие. Пауль улыбнулся и понимающе кивнул головой.

Так и промчался май. Я по утрам носил Паулю пару картофелин, а вечером блюдце кашицы хрена с черным хлебом. Наши душевные беседы на бревне не прекращались.

В конце мая – я только пришел из школы – Пауль вбежал в мою комнату, обхватил меня и закричал: «Александр! Вчера рентген – я здоров, спасибо тебе! Это ты вылечил меня. Я скоро домой к фрау и киндер». Эмоции расписали обычно бледное его лицо яркими красками. Как радость и счастье одинаковы у всех людей, подумал я.

25 мая 1948 года. Пауль рано утром зашел ко мне. По-

ложил на стол алюминиевую ложку с толстой ручкой: «Это, Александр, тебе на память, я ее сам точил на заводе. Сегодня отправляют эшелоном домой, в Германию». Я расстроился так, как будто лишался чего-то очень важного, близкого, родного. Пауль сказал: «Александр, я напишу, сейчас не имею моего адреса, дом американцы разбомбили».

Но письма я не получил. Сдавать выпускные экзамены нас отправили в Нытву. Затем военное училище.

Пауля, наверное, уже нет в живых, но надеюсь, что здравствуют его дети – мои ровесники, может, он рассказывал им о сверстнике с Урала.

Очаровательная Анна

1948 год. Июнь. Средняя школа за прудом. Вместо привычных испытаний в десятых классах введены выпускные экзамены. Создаются комиссии. Нас в классе девять человек. Отправляют на экзамены в районный центр Нытва. С нытвенскими нас набирается более сорока человек. Экзамены идут с утра до вечера. Утром пьем чай, заваренный лепестками шиповника, с черным хлебом, посыпанным крупной солью. В обед торопимся в заводскую столовую (есть договоренность). На первое грибовница из волнушек, в которой плавают дольки картофеля. На второе пшенная каша на воде, сверху лунка с чайной ложкой растительного масла. Запах масла радует душу. На третье – настойка шиповника с квадратиком сахара. Пьем вприкуску.

После еды усиленно занимаемся. Расходимся по классам. У каждого свой класс. Никто не мешает. Изредка в класс заглядывает уборщица – тетя Марта. Немного поработает, потом долго стоит, опершись на швабру, опустив взгляд. Вечерами приходит убирать с дочкой лет восемнадцати. Обе аккуратненькие, всегда чистенькие, в передничках. Мне семнадцать, большеголовый, тонкошей, светло-русый, с завитками волос за ушами и на шее.

Вечером ужин: чай и по три картофелины на брата, сваренные в чугунке. Директор школы Федор Владимирович

Статиров где-то достал мешок картошки. После ужина полчаса отдыха. За день сидения немеют ноги, болит спина, голова становится тяжелой. Выбегаю во двор. Из закутка достаю городки, биты, начинаю играть один. Ставлю фигурку «дедушка в окошке». Натренировался разбивать с первой палки. Подходят нытвенские десятиклассники. Тетя Марта с дочерью стоят в стороне, наблюдают, как мы суедемся. Через пару дней – я только поставил фигуру – подошла дочурка тети Марты. Спросила: «Можно я с вами поиграю?» Отвечаю: «Буду рад с вами партию сыграть». Зардевшись, она протянула мне руку: «Анна» Я застеснялся, несмело взял ее руку, ответил: «Шура». Она заулыбалась: «Интересное имя. А как оно пишется в паспорте?» – «Александр». – «Хорошо, значит, Саша». Это было для меня ново: дома и в школе – Шура да Шура. Аня попросила: «Подожди играть, переоденусь». Минут через пятнадцать вышла в коротких штанах, как потом узнал, назывались они шорты, в спортивках, голубенькой майке, которая обтягивала налитые груди. Я увидел не уборщицу, а очаровательную девчущку, чьи голубые глаза с крапинками, как весенние незабудки, смотрели на меня нежно и приветливо. Две косички, перевязанные голубыми лентами, пшеничными метелками топорщились в стороны. По щекам маленькими искорками разбросаны веснушки. Анна была обворожительна. Я смотрел на нее очумело и молчал. Анна спросила: «Саша, я тебе нравлюсь?» – «Угу». – «Ну что значит это «угу», молчаливый дубочек? Можно я

буду звать тебя Сашенькой?» – «Угу».

Разыгрались. У Анны получалось неплохо. Когда удачно разбивала фигуру, от радости высоко подпрыгивала, хлопала в ладоши, кричала: «Попала, попала!» Наигравшись, мы садились на лавочку. Она рассказывала смешинки, крутила головой, косички, от которых шел запах цветущей черемухи, щекотали мои плечи. Глаза у Анны в такие минуты лучились, обладали какой-то притягательной силой. Анна рассказывала: они немцы с Поволжья, выселенные сюда, там у них остался большой дом, сад. Отец коммунист, был директором совхоза. Дед в гражданскую был комиссаром продотряда, мама завбиблиотекой. В первые же дни войны отец ушел добровольцем. В декабре 1941-го погиб под Москвой. Глаза у Анны повлажнели. Она прошептала: «Каждый вечер мы с мамой плачем, не пойму, почему нас выселили. Я была активной пионеркой. Окончила семь классов, в связи с переездом пришлось идти в ремесленное училище. Более полугода работаю на заводе токарем, план выполняю, а вечерами помогаю маме, хотя она и не старенькая, но ей тяжело. Она очень тоскует по папе».

Я прикипел к Анне, если вечером ее не было – когда она работала во вторую смену, – то я тосковал, игра не ладилась. Ребята смеялись: «Ну что, Сашок, раскис – Анны нет!» На игру Анна появлялась со своей битой – березовой палкой, с одного конца обитой алюминием, – заводские ребята сделали. Наловчилась, играла мастерски, «письмо» распечатыва-

ла с первой биты.

Неожиданно меня вызвала завуч школы Бэла Яковлевна, предупредила: «Чебыкин, должна поставить тебя в известность, что Анна и ее мать переселенные, будь осторожен, не кончились бы твои встречи объяснением в особом отделе». После этой беседы я взволнованно думал: «Какая ерундистика, каким врагом народа может быть Аня, эта девчушка, которая работает на заводе, а ее мать моет полы в школе. Аня такая нежная, веселая, доброжелательная – и враг. Чушь какая-то, кто это только выдумал?!» Я стал относиться к девушке еще нежнее, заботливее, как-то незаметно для себя начал жалеть ее за исковерканную судьбу. В ушах все время стоял ее голос: «Сашенька, здравствуй! Сашенька, до свидания». Хотя Аня с мамой жили при школе, но мы расставались на лавочке. Аня обычно чмокала меня в мочку уха и убегала. Как-то раз перед вечером началась гроза, я вышел из класса в коридор, раскрыл окно и наблюдал, как к горизонту уходили черные тучи, в которых то и дело вспыхивали молнии. Это было грандиозное зрелище. Кто-то сзади накрыл мои глаза ладонями. Спрашиваю: «Катя? Лида?» Смех: «А почему не Аня?» Два тугих мячика прижались к лопаткам. Губы Ани у моей шеи. В затылке застучали молоточки. В глазах поволока, молнии сливаются в одну алую полосу. Я хватаю Анины руки на моей голове, она вырывается и убегает.

После экзаменов нас отпустили на три дня домой. Готови-

лись к выпускному вечеру. Мама пошила белую рубашку, в голубую полоску, отутюжила костюм брата, который погиб в сентябре 1941 года. Прибыл я на выпускной вполне цивильным парнем. Аня увидела, подбежала, радостно воскликнула: «Сашенька, какой ты красивый и нарядный!» Я предложил: «Аня, приглашаю тебя на выпускной, я хочу быть с тобой рядом, будешь мне сестрой на вечере». Анна прижалась ко мне лбом и заплакала: «Не разрешит мне директриса... Ты потом напиши мне, куда поступишь, как будут твои дела».

Пришли нытвенские ребята, с которыми я сдавал экзамены, потащили в столовую, где их мамы накрывали столы. Угостили большой кружкой пива. На банкете с первым toastом выпил еще кружку, и все это на пустой желудок. Мне стало плохо. Выбрался во двор школы к колодцу. Черпал воду и пил, и пил, и тут же все выбрасывало обратно. Внутри горело, как будто туда насыпали ковш горячих углей. Откуда-то появилась Аня: «Сашенька, что с тобой?» На улице темнело. На Каме в июне заря с зарею сходится. Аня побежала в поселок. Принесла бидончик молока. Вскипятила. На ступеньках крыльца отпаивала горячим молоком. Когда стало чуть лучше, она завела к себе в комнату. Шептала: «Никуда я тебя больше не отпускаю». Стала раздевать. Сил сопротивляться у меня не было. Когда сняла пиджак, рубашку, брюки, мне стало стыдно: на мне были льняные подштанники с завязками. Я сник. Уложила в кровать. И я ухнул в

мягкую перину. Анна стояла передо мной и медленно, медленно раздевалась. Я как в тумане видел перед собой божественную фею-ангела с рождественской открытки. Разделась, шмыгнула под одеяло и стала целовать грудь, плечи. Я сжался. Подштанники сковывали меня, и откуда-то всплывали слова завуча беллы Яковлевны. Я провалился в дремоту...

Рано утром Аня, прижавшись к моей спине, целовала мочку уха, тормозила: «Сашенька, вставай! Ребята ищут тебя, через час поезд». Соскочил, но тут же свалился на кушетку. Земля кружилась. Аня принесла ведро холодной воды. Мокрым полотенцем обтерла мне грудь, лицо. Налила в стакан нашатырных капель. Дала попить. Еле пришел в себя. Зашел в класс, уложил в чемодан книги, вещи и в сопровождении Ани отправился на вокзал.

Поезд набирал скорость. Через окно я видел Аню с прижатыми к вискам ладонями.

Прошлая жизнь отодвинулась куда-то далеко – надо было думать, что делать дальше, как жить.

Поступил в военное училище в городе Пермь. Писал Ане, но ответа не было. Со мной учились нытвенские. После Нового года узнал, что Ане и ее матери пришли отцовские награды и что разрешили вернуться в свой дом на Волгу.

Учился я на «отлично» по всем предметам, кроме физподготовки. Был неуклюж. Частенько получал двойки, поэтому в увольнение попадал редко, но спасало то, что над учили-

щем шефствовал оперный театр. В субботу и воскресенье – культпоходы за символическую цену. Вечерами после театра передо мной стояли незабудковые глаза Ани, а в ушах звенел ее голосок: «Сашенька».

И с кем бы я потом ни знакомился – сравнивал с Аней: нежной, стройной, белокурой, синеглазой. Женился поздно – все искал похожую на Аню.

Вылечил

После окончания военного училища я проводил свой отпуск у родителей в деревне. Соседкой нашей была Нюра Вануха – вдовица лет тридцати. С ней жила старушка – бабушка усопшего мужа. Звали ее Матреной, а в простонародье «Осихой» Шел ей 91 год. Старушка была еще шустрой, поджарой, разговорчивой, ее голубые глаза всегда светились теплотой. Как-то утром соседка зашла и говорит: «Старая моя стала плохо видеть и слышать. Просится к доктору. Не свозишь ли ты, Шура, ее к врачу, я бы сама, да малышей не с кем оставить. Дам я тебе самую послушную лошадку, только кошевка с короткими оглоблями. Под горку не давай ей разбегаться, тогда она ногами достает до передка саней, пугается и несется как угорелая». Форсу у молодого лейтенанта много, куда там, я все могу. Усадил бабушку в кошевку, сам устроился на облучок и вперед. Трусцой проехали деревню Сахары, добрались до Дроздов, а там за деревней крутой спуск, за ним два маленьких ложочка перед хуторком Окуни. По крутяку мы спустились тихонько, а на последнем ложочке я отпустил вожжи и дал волю лошадке. И тут началось: копыта стали бить по передку кошевки, моя лошадка полетела. Выскочила к хуторку. А тут был устроен ток для молотьбы. Слева от дороги молотилка приводная, а справа обметы свежей соломы. На самом току кошеву разнесло и

перевернуло. Оглобли выскочили из заверток. Кошева осталась, а я потащился за лошадью на вожжах, которые были обмотаны вокруг рукавиц. Пробежав еще немного, лошадка встала.

Освободившись от вожжей, я побежал к кошеве, испугавшись за «Осиху», жива ли она. Подбежал... ни в кошеве и ни около – никого! Тут и забила меня трясучка. Кричу: «Матрена, Матрена!» Тишина. Какое-то наваждение. Вдруг солома в одном из обметов зашевелилась. Подбегаю – бабушка Осиха отряхивается. Говорю: «Руки, ноги целы?» Отвечает: «Не пужайся, Шура». Приехали в больницу. Пропустили нас вне очереди. Молодая, дородная, со строгими глазами и твердым голосом врачиха спросила: «На что, бабушка, жалуешься, что болит?» «Ниче не болит», – отвечает моя бабуля. Я рассказал, что к чему, почему приехали. Врач послушала ее, проверила слух и зрение и сказала: «Больших отклонений нет, если есть что-то, то все возрастное». Так до самой смерти бабушка Матрена не жаловалась ни на слух, ни на зрение. Нитку в иголку вдевала сама.

Дед Федула

У моего дедушки Осташи было семеро братьев, у одного из них, Мелехи, было семеро дочерей и только один сын, и то от работницы Моны. Нарекли его Федулой. Хотя, как говорится, «нагулян», но в семье его берегли – наследник. На тяжелые работы его не посылали, пахали и то девки. Родился он, как сам говорил, в один год с Лениным. В армию его не брали, потому что единственный сын. На тридцатом году его женили. Было у него два сына: Степан и Василий и три дочери: Сика, Марика, Дарасика. Старший сын умер молодым, а младший, Василий, погиб в Отечественную. И горевала же о нем мать Матрена. Кончилась война, а она каждый день выходила на росстань и подолгу стояла, все ждала возвращения сына, так с горя осенью умерла. Дедко Федуле к тому времени было 75 лет. У дочерей свои семьи, да и жили они далеко. С хозяйством без бабы не управиться. И привел он с соседней деревни Кокшары вдовушку Филиху, которой было около пятидесяти.

В 1952 году я приехал первый раз в отпуск с Дальнего Востока. Спал в клети. Утром слышу, кто-то в доме плачет. Встал, смотрю, – Филиха. Когда ушла, спрашиваю у мамы: «Почему она плакала?» А мама отвечает: «Стыдно, сын, говорить, но Филиха жалуется: дедка Федула замучил ее. Она днем навозится по хозяйству, а по ночам он ей покоя не да-

ет, если не подпускает, то ременными вожжами к лавке привязывает». И верилось, и не верилось. Так прожили они лет пятнадцать. Можно сказать, что загнал дед Федула бабу Филиху в могилу. Не прошло и года, как дед привел в дом новую хозяйку: моложавую, крепкую бабу.

В 1966 году при очередном отпуске отправился я в сельсовет, чтобы стать на воинский учет. Деревня наша разбросана по косогору. Не спеша шастаю в гору. Смотрю, меня догоняет дедушка Федула и говорит: «Здравствуй, Шура, ты прости меня, мне швидко надо по делам в Дрозды», – и пошел на обгон. В гору вылетел вперед меня. Это был ядерный 96-летний старик с лохматыми бровями, гладкими щеками, без морщин, с двумя небольшими складками на лбу, светящимися добром, выцветшими голубыми глазами, без единого волоска на голове. Все лето и до крещенских морозов дед ходил без шапки. Кожа на черепе до того задубела, что покрылась глубокими трещинами. Самолюбие меня задело, и я быстро догнал его. Когда поравнялся, деда Федула заговорил: «Шура, наверное, скоро я умру». Спрашиваю: «Что ж так. Вы еще бойки». – «Нет, Шура, силы стали покидать меня, как со старухи слажу, так голова стала кружиться». Надо сказать, что после Великой Отечественной войны дед на всю деревню был и радостью, и сладостью для одиноких солдаток, ни старых, ни молодых не обижал, для каждой находил вечерок. С третьей женой, как и со второй, дед прожил пятнадцать лет, и ее бог забрал к себе. Дед с год помучился один

со своим хозяйством. Внук Павел уговорил его и забрал к себе. Может, от тоски по дому, может, от старости, но через год деда не стало. Итого, он прожил сто семь лет – активной физической и духовной жизни. Я часто задумываюсь: в чем секрет такого жизнедеятельного долголетия?

Переполох

Шли 50-е годы. Маленков снял налоги с крестьянских хозяйств. Деревенские радовались этому больше, чем Победе. Наконец, можно было вздохнуть. Колхозники начали справлять свадьбы. Пошли байки: у Татьяны свадьба, Федор дочь выдает за тракториста из соседней деревни. Гуляли три дня. На четвертый дальняя родня разъехалась, а ближняя осталась. Похмелье, тяжесть во всем теле, Татьяна – хозяйка – стала сливать гущу из корчаг, бидонов, кувшинов. Все остатки пива и браги до кучи. Набралась трехведерная кадушка. Вылили туда остатки тройного одеколона, бутылку денатурата, который хранился для пользы». Часа через два смесь забурлила, запенилась. Хозяйка попробовала пальцем, сказала: «Можно пить, хорошая бражка». Все черпали кружками, морщились, но пили, заедая корками от рыбных пирогов. К вечеру, изрядно захмелев, начали поплясывать. Федор снял заслонку с устья печи, достал напильник «стал наигрывать: туны-таны-тан. Пляска завертелась. Закрыли окна тряпками, чтобы с улицы не подсматривали. Чем больше пили эту бормотуху, тем шибче скакали. Мужики поснимали штаны и рубахи остались в одних подштанниках. Где-то в середине ночи попадали на пол, кто где приткнулся, там и уснул.

Иван-свояк проснулся от сильной боли в голове и жжения в брюхе. Стал шарить вокруг, ища что-нибудь попить,

но кроме рук, ног, голов ничего не попадалось. Еле встал на карачки, пополз. Дополз до угла. В углу стояла корчага с забытой опарой па олады. Иван наклонил, хотел попить, но ничего не текло. Кое-как засунул голову вовнутрь. Тесто было липкое, но приятное на вкус. Боль в животе стала утихать. Пробовал вытащить голову обратно, не смог. Корчага была крепкая обвитая берестой и залитая варом. Хмельной дух ударил в нос, в глазах потемнело. Иван ухватился руками за край корчаги, но снять не мог. Соскочил, закричал: «Люди добрые, помогите, замуровали». Но звук из корчаги раздавался глухой. Все мертвецки спали после трехдневной пьянки. Иван ощупью пошел вдоль стены, шараясь, наткнулся на занавешенное окно, решив, что это дверь, вместе с рамой вывалился под окно на ульи. Сшиб один улей, другой. Крышки слетели, растревоженные пчелы набросились на Ивана. Иван с диким ревом бросился бежать с корчагой на голове. Падая и поднимаясь, ничего не видя, пополз па четвереньках на звук, издаваемый рельсой. Бригадир собирал колхозников для распределения по работам. Когда Иван подползал к звонку, его заметили бабы. Тесто текло по груди, спине и ногам. Бабы, увидев такое страшилище, закричали: «Оборотень! Оборотень! Оборотень!» – и бросились бежать. Иван услышал крик, стал трезветь. Приподнялся и тут же наскочил на раскачивающийся рельс, подвешенный на суку. Корчага раскололась на части. Яркое солнце ударило в глаза. Иван на какое-то мгновение потерял сознание, ухва-

тился за ствол березы и сполз на землю. Хватая ртом воздух, заснул под березой. Бригадир Степан признал в «оборотне» кума Ивана. Побежал по деревне звать баб, просил, чтобы прихватили с собой ведра с водой. Давай поливать Ивана. Тот отфыркивался и матерился. В деревне долго смеялись, вспоминая об Иване-оборотне.

Серко

В мае, за месяц до войны, Рыжуха ожеребилась. Деревенские бегали смотреть на жеребенка удивительной масти: белолобого, с воронными ушами, черной шеей, белым брюхом, серыми боками, по которым были разбросаны яркие рыжие пятна, с темной полосой по хребту и белыми чулками на ногах. Рыжуха была вся рыжая. Мужики дивились: Рыжуху водили на случку к породистому Воронку, у которого была белая полоса по лбу и белые щиколотки ног. Пацаны не отходили от красавца. Носились с ним по лугу от ручья к ручью. Он громко ржал, взбрыкивал вверх ногами, крутил хвостом-обрубком. Если, накупавшись в омуте, дети долго нежились в тени на песочке под старой ивой, то забияка незаметно подходил и начинал трепать чубы зевак, подтверждая этим, что хватит валяться, пора резвиться. И в ночное, когда отводили лошадей на луг, шустрик хорошо просматривался и сумерках своими яркими пятнами. Дети давали ему разные клички: и Маек, и Пятнышко, и Яблоко, – но в паспорт записали «Серко». Взрослые звали Серко, следом и малышня вторила Серко да Серко.

Первую военную зиму пережили сытно. За лето мужики, оставшиеся от первой очереди призыва, успели застоговать лугового сена, убрать урожай до осеннего бездорожья. На второе лето ребятня пробовала запрыгивать на Серко,

но бабы ругались: «Куда лезете, спину сломаете, он еще не окреп». Вторую зиму было труднее. Мужики ушли на фронт. Овражки и луговины не косились. Выручило клеверное поле, кое-как свезли на сеновал перележалый клевер. На третье лето Серко запрягли таскать копны, попробовали пристяжным в жнейку, но услышав ржание и завидев лошадь, Серко начинал метаться, взбрыкиваться. Работа срывалась. Пришлось Серко охолостить, хотя мужики мечтали оставить Серко в производителях за его красоту, выносливость и понятливость. После этой процедуры Серко загрустил, сник, но к детям был по-прежнему ласков и притягателен. Мужал Серко – подрастали и дети. Но на четвертое лето, после голодной зимы, Серко вывели на свежую траву отошавшим и понурым. Те несмышленыши, которые три года назад резвились с ним, понукали его за плугом. К концу дня ноги у Серко дрожали, тело било ознобом. Не было сил тащиться до конюшни. Зерно в кормушку не попадало. Бабы окашивали запустевшие огороды, тащили из дома кто что мог, чтобы подкормить Серко.

В деревне остались две лошади: Серко и его мать Рыжуха, остальных лошадей отправили на лесозаготовки. Четвертая зима выдалась особенно тяжелой. Лето было дождливым, кормов на зиму не заготовили. Зябь пахали в слякоть. Рыжуха не вынесла перенапряжения: упала на пашне и более не встала. Осенняя тяжесть работ легла на Серко: возить снопы на ток, пахать огороды, отвозить зерно на сушилку по рас-

кисшей дороге. В феврале замело дороги, овраги засыпало снегом. Серко голодал. Кормили гнилой соломой со старых конюшен. От голода Серко обгрыз прясла и косяки. Весной слег. Пришлось разобрать простенок, чтобы вытащить Серко на солнышко. Бабы стояли и вздыхали, видя, что их кормилец совсем заплосал. Нюрка Ваниха зашумела: «Что стоите? Если Серко не встанет, то и нам погибель. С сегодняшнего дня очистки от картошки приносить Серку». Бабы побежали по домам, тащили, кто что мог: отруби, старую картошку, молодую зелень с проталин. Нюрка Ваниха пошла в правление колхоза. Забрала у председателя лошадь и поехала в село на мельницу. Привезла мешок буса. Заваривала с картошкой и таскала по ведру Серко. Через две недели Серко поднялся, пошатываясь, лизал бабам руки. На весеннюю пахоту запрягать не стали. Ложбинки и крутяки остались невспаханными.

В День Победы Серко обвешали лентами и вывели на полянку к звонку. Посадили малышню в телегу, а сами гуськом отправились в отделение колхоза на митинг. Бабы обнимали Серко, приговаривая: «Кормилец ты наш, радость ты наша. Сами не съедим, но на зиму овса оставим, может, придется за ранеными и калечеными мужиками ездить на станцию».

Летом привели с конезавода двух годовалых лошадок, поставили в конюшню рядом с Серко. Не стар был Серко, всего четыре года, но военные годы изнашивали его, подорвали жизненные силы. Бабы Серко берегли.

Через три года на конном дворе бегало пять лошадок. В

МТС появились новые тракторы и комбайны. Лошадей использовали только на подсобных работах. Менялась государственная политика – менялось и отношение к колхозам. Колхозы укрупнялись, деревни хирели и сиротели. Мужики, которых ждали с войны, не приходили. Солдатки, поднимая колхоз из разрухи и обустроивая детей, одна за другой уходили из жизни. Дети, подрастая, уезжали в город или на центральную усадьбу. Деревня пустела. Лошадей забрали. Оставили для старушек одного Серко. Старели солдатские вдовы, не дождавшись своих суженых с войны; дряхлел и Серко. Зрение стало ухудшаться, Серко начал слепнуть, но он охотно пахал огороды, умело вел дрозду, возил дрова из леса, находил дорогу только ему одному по известным приметам. Старухи добились решения прав правления: выдавать для Серко комбикорм. Сено не жевалось – зубы стерлись. Последнюю зиму Серко болел, жил в конюшине у Насти Ванихи. Настасья ухаживала за ним, делала теплое пойло. По весне слегла и Настасья. Постоянных жителей в деревне остались четыре старухи, остальные зимами жили у детей в городе, но к весне возвращались на свой косогор. На южном склоне снег стаивал рано. Огороды просыхали и прогревались. Старухи с восходом солнца копошились на огородах. Серко ходил от огорода к огороду, прислушивался к знакомым голосам и изредка подавал звук негромким ржанием, сообщая, что живой, мол, я.

Анна приехала из города, где жила у сына. В низинах снег

таял медленно. Дороги развезло. Ноги вязли в грязи, котомка тянула назад. Навстречу ехал колесный трактор, проваливаясь в грязь по самые ступицы, следом тянул на веревке лошадь. Она оседала по брюхо в лужах, падала на колени, вставала и снова падала. Веревка безжалостно тащила ее за голову. Поравнялись. Тракторист – молодой парень навеселе – прокричал: «Здравствуй, тетка Анна!» Анна крикнула: «Ну-ка, добрый молодец, глуши машину. Ты что это животное мучаешь, изверг безголовый, куда тянешь коня?» Тракторист, хохоча, ответил: «На живодерню, куда еще? Отбрыкался. Кому он нужен, слепой и дохлый?» Конь услышал голос Анны, узнал ее и тоскливо заржал. Анна присмотрелась, ужаснулась: да это же ее любимец Серко! Подбежала, обняла. Серко положил голову на ее плечо, и крупные горошины слез покатались Анне за ворот. Она целовала Серко в шею и плакала навзрыд, причитая: «Кормилец ты наш, до чего мы дожили с тобой?» Анна спросила: «Чей будешь?» Тракторист ответил: «Да Гришки Кониная племянник, родня Ваша». Анна потребовала: «А ну-ка, родня, слазь с трактора, отвяжи Серко! Фашист ты, а не родня наша». Парень ответил: «Не ругайся, баба Анна, последнюю зиму он жил у Настасьи. Весенние воды унесли Настасью. Скончалась она. В деревне одни старухи. Ухаживать за Серко некому стало, да и он не работник».

Анна взяла Серко за повод приспособила котомку на спину лошади и повела его обратно в деревню. Серко повеселел,

шел ровно. Анна дорогой разговаривала с ним, Серко будто чувствовал, что умирать он будет не на живодерне, а на своем угоре, где прошла его жизнь. Кто-то из старух увидел Анну с Серко, спускавшихся по косогору. Старухи сбежались, заохали: «Ты прости нас, Анна, весна пришла, Настасьи не стало. Мы как-нибудь доглядели бы за Серко, но тут приехал бригадир, а мы пожалелись, что нет сил ухаживать за Серко. Он и дал команду отвезти его». Старухи плакали, плакала и Анна. Уходила жизнь из Серко, уходила она и из них. Серко был их памятью военного лихолетья.

Серко редко вставал, больше грелся на солнышке с южной стороны конюшни. Анна два раза в неделю бегала в отделение колхоза за свежим хлебом. Разминала булки в ведре, заливала козьим молоком, которое брала у соседки Пелагеи.

В тот год Ильин день объявили днем деревни. Съезжались все: молодые и старые – на свою прародину. Расставляли столы под березой. Вспоминали дедов, прадедов, бабушек и тех, кто ушел из жизни. Пели голосистые, протяжные старинные песни. Серко лежал посреди поляны. Малышня перекатывалась по его ребристой спине, мужики подходили, трепали по холке, девчата вплетали в гриву васильки и ромашки. У каждого из присутствующих что-то в жизни было связано с Серко: у кого-то мать или отца отвозил на кладбище, кого-то отправлял в армию, разукрашенный и разнаряженный, играл свадьбы, возил больных в больницу, таскал сани с учениками в школу, на масленицу с криком и шумом катал деревенских.

Глаза Серко уже не видели, но уши слышали, как говорили о Серко, а заодно и о своей молодости, и виделось Серко бездонное синее-синее небо, изумрудный весенний луг с золотисто-желтой купавницей и легкий ветерок перекатывался по огрубевшей коже... Сознание мутилось. Последние минуты жизни были светлы и приятны, как-то первое резвое радостное лето. Об одном тосковал Серко: несправедливо с ним обошлись, не оставил он после себя потомства.

На закате солнца стали расходиться. Анна подошла к Серко и прошептала: «Ну, родненький мой, и мы пойдем домой». Но Серко не шевелился. Анна заголосила: «Нет нашего кормильца, нет нашей кровинушки». Бабы стали успокаивать Анну: «Не плачь, Анна, время пришло ему». Парни и мужики загрузили Серко на волокушу и оттащили на окраину деревни, опустили в старую силосную яму, забросали землей. Баба Мария попросила у Бога прощения и отпела «Канун» в память о Серко. В следующее воскресенье приехали мужики, очистили упавшую поперек реки старую ветлу, под которой когда-то резвился Серко. Просмолили четырехметровый, в полтора обхвата столб, высекли на нем голову лошади и поставили на могиле в память об уходящем военном поколении.

Фермер

С 1980 года мы, бывшие жители родной моей деревни Чебыки, ежегодно в последнее воскресенье июня съезжались на «День Деревни». Встреча проходила на поляне под березами, где в бытность колхоза «Красная Звезда» народ собирался на мероприятия, а в старину – на игрища. Я заранее оповещал всех. В лесничестве договаривался о машине. В день праздника делал несколько рейсов на станцию Григорьевскую, отвозил пожилых односельчан. Молодежь отправлялась своим ходом, оглашал баяниста и трубача. Труба звонко пела «Слушайте все», и звук ее с высокого косогора летел на десятки километров по долине реки Ольховки. Я выступал с памятным словом о первых жителях деревни, перечислял поименно тех, кого уже не было с нами, и под удары в рельс – павших на полях сражения за Отчизну.

Заканчивал свою речь поэмой «О Чебыках», последние строки читал с пафосом:

Как хочется собрать
На «день Чебык» всех вместе
И поклониться прадедам и дедам,
В которых корень наш,
Наша святая память,
Чтобы помнили истоки наши,
Наш отчий край.

Зову, зову родную кровь
К священной памяти
На «день Чебык».

Затем шли тосты в память о родных и близких и делах житейских. Люди сетовали, что земля дедов и прадедов наших заброшена и некому за ней ухаживать. Места эти боже-ственно прекрасны. Каждый говорил: «Эх, кто-нибудь взялся возродить эту землю».

Анатолий Деменев, внук дяди Мити, в своих выступлениях критиковал Советскую власть, что она не дает ему вернуться, что, если бы было можно, он оживил эти косогоры, вдохнул бы в них жизнь. Анатолий брал гитару, и народ примолкал, и он пел песню о Чебыках:

Разъехалась деревня,
Давно уж нет Чебык...
Остался лишь, как прежде,
На Родине родник.
Не мог он оторваться,
Как с дерева листок,
Не мог он с ней расстаться
И бросить свой исток.
Приду в Чебыки в начале лета,
Приду в Чебыки в начале дня,
Приду с сыновьим приветом
К тебе родимая мать-земля.
Приду с сыновьим приветом –

Настасьин ключик, напои меня!

Молодежь рассаживалась в кружок вокруг и начинала подпевать, когда замолкал, то его просили спеть «Настасьин ключик».

И так каждый год мы, бросившие родные очаги, с тоской и болью собирались на наше пепелище, где души наших предков витали над родными очагами.

Черный 1991 год. Разрушение одного из великих государств планеты, смена политического строя, распад экономики, развал колхозов и совхозов. Право на аренду земли, идея нового землепользования захватила Анатолия. Бросает интересную работу инженера-строителя огромного свиноводческого комплекса, около которого вырос современный городок Майский. Берет в аренду Чебыкские косогоры, как наиболее плодородную землю. Оформил ссуду на 50 тысяч. Закупил трактор-колесник, пару машину ЗИЛ-130, плуги, бороны, семена. Приобрел две коровы, десяток пчелиных семей. На месте родительского дома построил времянку. Сложил печку – каменку. Начал возводить плотину в низовьях ключика с расчетом, что в пруду будет разводить форель.

Неприятности начались в первый же год. Семья не поддержала его идеи. Жена отказалась выезжать из благоустроенной квартиры. Братья, которые обещали помочь, как-то быстро слиняли. Навещали его все реже и реже и то по выходным. Кое-как посадил десять гектаров картошки, гектаров пять пшеницы. На более сил не хватило. Построил бань-

ку, начал возводить небольшой дом. Напасти пришли на второй год. Еле-еле реализовал урожай картошки в столовых. Продавать на базаре было некому, а самому времени не хватало. Я убеждал Анатолия, что без поддержки семьи все эти хлопоты пустая затея. Советовал Анатолию не строиться посреди косогора – в непогоду машина не поднимется по крутяку. Просил, чтобы строился на горе, около вышки – место веселое, продувное, удобное, ровное. На пяточке у вышки круглый год гудит ветер. «Купишь недорогой ветряк, сделаешь навес – и ты обеспечен электроэнергией. Пробуришь скважину, насос будет качать воду и для полива, и для нужд».

Советов Анатолий слушать не хотел и только твердил: «Только тут, на родовом имении». Вокруг на десятки километров заброшенные опустевшие деревеньки, кругом ни души. В лесах появились медведи, кабаны, лоси, бобры. Если в детстве про медведей и лосей слыхали, то про кабанов и бобров даже старики не помнили. Заброшенные луга заболотились, расплодились ужи и гадюки. На третью зиму Анатолия постигла первая беда. Зимой медведь-шатун раскурочил все ульи. Весной, в водополь, смыло плотину зарыбленного пруда. Осенью на косогоре перевернулась машина, Анатолий успел выскочить, машина скатилась в овраг и там осталась до морозов. В слякоть на тракторе полетела коробка передач, сорвало передний мост. Беда шла за бедой. На четвертую зиму не успел заготовить корма, лето было дождливое.

Зимой коровы отощали, кормил гнилой соломой и ветками ивняка, как коз. Одну корову пришлось продать, вторая заболела, еле выходил, но молоко исчезло.

Пришло время платить налог и гасить ссуду, а в итоге – недостроенный дом, банька, продымленная избушка с маленьким оконцем и гитара. Анатолий на зиму устроился кочегаром в Перми. Денег еле-еле хватало па пропитание, пошел подрабатывать грузчиком на рынок и сторожем на базу. В результате перенапряжения и нервного срыва слег на три месяца в больницу. За усадьбой присматривать было некому, когда вернула, то увидел свое имение разоренным. Полы и потолки в строящемся домике, бане и конюшие были вырваны. Доски с крыш сорваны. От трактора-колесника остался один остов: колеса сняты, оборудование растащено. Машину под косогором кто-то поджег, на ее месте лежала груда оплавленного металла. Избушка разграблена. В углу осталась разбитая гитара с порванными струнами. Анатолий сел на чурбак, развел костерок, поставил на огонь смятый чайник и заплакал навзрыд. Встал на колени, рвал траву и криком кричал: «О Господи, за что?! Я же хотел восстановить память о наших дедах и прадедах, старался землю моих предков обустроить, но, видимо, не суждено!» Кое-как подправил гитару – нашел на завалинке запасные струны – и запел песни о Чебыках. Три дня находился в каком-то забытии, пил только один чай на травах, душа не принимала пищи. Осенью его видели на станции, слегка покачивающе-

гося, никого не узнающего. Люди пробовали его успокоить, разговаривать, но он только бессмысленно смотрел мимо говорившего вдаль.

На седьмое лето, кое-как восстановив избушку и баньку, он с весны до осени жил на своей усадьбе, собирая ягоды и грибы, продавая их на базаре. Каждому встречному твердил: «Вот подкоплю денег, расплачусь с долгами, буду восстанавливать деревню». Но это уже были несбыточные мечты несостоявшегося фермера.

Разрушение и гибель моей деревни

Первый удар по устоям деревни пришелся на годы гражданской войны. Деревня невелика, тридцать два дома. Все родня, все однофамильцы, но гражданская война расколола деревню на две часто: одни – за красных, другие – за белых. Побогаче, позажиточней – в поддержку Колчака, хотя многие от него пострадали, но когда опомнились, было поздно, некоторые пошли за ним в Сибирь.

Но самую большую беду принесли разруха и безвластие. Половина жителей деревни умерла от тифа и испанки. 1921 год – голод, снова смерти.

Начался нэп – деревня воспрянула духом и за короткий срок окрепла. Сообща купили конную молотилку, две веялки, собирались приобрести трактор, по все планы деревенских мужиков рухнули с началом коллективизации. От второго удара деревня приходила в себя долго и болезненно. Большинство мужиков из нижней деревни подались в город на производство.

Перед Отечественной дела стали поправляться. Но снова оказия – началось сселение маленьких деревень. Многие деревни исчезли совсем. Это был третий удар в самое сердце деревни.

Четвертый удар нанесла Великая Отечественная война. За четыре года войны все могущие держать оружие ушли на

фронт, а вернулись единицы. Но и на этот раз деревня выстояла. Потихоньку подрастало молодое поколение.

В середине 50-х годов я, молодой лейтенант морской авиации, приезжал в отпуск из далекой Советской Гавани. Обычно по такому случаю собиралась вся деревня. Жизнь кругом кипела. За рекой Ольховкой по ночам сверкали огни на буровых вышках нефтеразведки. За нижней деревней пыхла лесопилка. Расстраивался новый поселок лесорубов. Часть рабочих жила на постое в деревне.

В середине 60-х началось строительство центральной усадьбы отделения совхоза.

В 70-х годах нефтеразведка переехала в другой район. Лес около деревни был вырублен. Поселок лесозаготовителей опустел. Дома разбирали и перевозили. Но зато усадьба отделения совхоза благоустраивалась. Тридцать новеньких коттеджей играли па солнце свежей краской. Построили начальную школу, клуб, детсад, медпункт, магазин, зерноцех, две фермы. Бульдозерами срезалось мелколесье и кустарник, раскорчевывались старые вырубки. Поля совхоза увеличились вдвое. А деревушка моя начала хиреть. Колхозники переезжали в новые квартиры на центральную усадьбу. К середине 70-х деревня опустела.

Я разыскал всех, кто когда-нибудь жил в деревне или их детей. Стали съезжаться со всех концов области на день деревни. Обычно я держал получасовую речь, напоминая об истории деревни, давая каждому жителю краткую характе-

ристику. Людям это нравилось.

В начале 90-х началась перестройка. Это был пятый удар – смертельный. По-разному ее приняли сельчане. Одни, как мой соратник по организации дня деревни Анатолий Деменов – сорокалетний инженер-строитель, – обрадовались. В беседах он судачил, что коммунисты зажимали его инициативу, не давали самостоятельности. Старики, наоборот, возмущались, говорили, что в колхозы их загоняли силой и тридцать лет понадобилось, чтобы встать на ноги, обосноваться, а сейчас та же история – идет разрушение созданного. Люди отвыкли от труда в одиночку.

Анатолий взял в аренду сорок гектаров земли – всю территорию деревни с округой, где уже не было ни единого дома. Получил ссуду. Купил трактор-колесник, машину ЗИЛ-150, плуги, бороны, косилку. Завел пчел, коров. Начал рубить домик. Жил в землянке один-одинешенек. Жена отказалась бросать работу и переезжать из благоустроенной квартиры в землянку. Сыновья идею фермерства не поддержали, дочь тоже. И остался Анатолий один на один с пашней и хозяйством. Я убеждал его, что без жены и помощников ничего не получится. Внушал, что незачем забираться в эти косогоры, где нет дорог. Ни заехать – ни выехать.

Через три года перестройки, в свой очередной приезд, я увидел страшную картину разрушения. В усадьбе отделения совхоза оставалось с десятков жителей. Школа и детсад закрыты, медпункт и магазин не работали. От стада дойных

коров отказались: доярки неделями пьянствовали, кормить и доить коров было некому, их рев разносился на всю округу. Оставили только телят. Через день им привозили барду – отходы с пивоваренных и спиртовых заводов. В совхозе более года не платили зарплату. Женщины совками собирали из корыт барду в ведра, добавляли дрожжи и пили эту одурманивающую жижу. И выпивка, и закуска одновременно.

Разыскивая своего однокашника, я встретил в поселке группу женщин, которые, обнявшись, шли посредине улицы, распевая разухабистые песни. Поравнявшись с ними, я оторопел: нечесанные волосы, босые грязные ноги, засаленные рваные халаты. Это было ужасно.

За опустевшими домами стояли раскуроченные тракторы и комбайны. Генераторы, стартеры, аккумуляторы, колеса, отдельные детали продавались за бутылку водки. Поля заросли бурьяном и мелколесьем. Ни одной борозды, ни клочка вспаханного поля. Запустенье и тоска.

На усадьбе фермера Анатолия я увидел заросшие сорняком две грядки картофеля и грядку моркови, размытую плотину пруда, за плотиной – валявшийся на боку колесник, около дома на взгорье – застрявшая в глубокой промоине машина с проржавевшей кабиной, недостроенный дом без окон с вывороченными половицами, разбросанные по склону ульи.

Это было начало и конец фермерству; разоренная усадьба, отделенная от совхоза, – укор и памятник перестройке. Кру-

гом разрушение и бесхозность. И так по всей России. Наши отцы, деды, прадеды по кусочку отвоевывали у леса пашню, каждый овражек окашивали, все косогоры и увалы пахали, а сейчас – заброшенность и запустение.

Печаль и тоска занозой входили в сердце. Когда же восстанем? Где мессия, который поднимет нас с колен?

Песнь о Чебыках

Любили наши предки красоту и жили в единении с природой. Деревня моя была разбросана по южному склону увала. От северных ветров прикрыта гребнем косогора и лесом. Южная сторона очищена от леса под пашню – вся нараспашку солнцу. В Верхних Чебыках на две недели раньше, чем в других деревнях, поспевали рожь и огурцы. В Верхних Чебыках ранним утром в окнах солнце, а в Нижних еще сумрачно. Вечером в Нижних давно потемнело, а в Верхних крыши домов купаются в лучах заходящего солнца. Прекрасна деревня весной и осенью. Весной полыхает в белоцветье черемухи, рябины, а позже алого шиповника. Вид из окна во все стороны света. На юг – Илимовая гора с деревнями: Картыши, Платоны, Жуляны, Стеньки, Пашицы. На запад – верховья реки Ольховки с деревнями: Кокшары, Наумята, Ольховка, Вертени. На восток – долина речек Ольховки и Поломки с деревнями: Пашковцы, Гремечево, Мироны, Феклята, Березовка, Падеры. Сейчас этих деревень уже нет. На юг горизонт открыт на десятки километров. Кругом леса, перелески, пашни. Незабываемое впечатление раннего утра, туман покрывает речную долину, и кажется, что наш дом плывет в сказочном белом море. А осенью всеми красками радуги играет деревня: горят свечками березки, переливаются червонным золотом черемухи и осины. Куда ни шел – за

грибами, ягодами, на покос, – наш дом на взгорье виден издалека, отовсюду. Перед домом росли яблони. Весной белая кипень цветов лилась в окно. Дом был рубленый, высокий. Радостно было сидеть у раскрытого окна, когда на столе шумит самовар, а мама потчует нашу большую семью пирогами и шанежками.

Мама перед окнами, на грядках, сажала цветы, которые цвели с весны до осени, сменяя друг друга. Яркое пятно цветочной поляны – виднелось издалека. Двор был ухожен и чист, папа любил порядок. В доме всегда были люди. Мама была человеколюбивая и гостеприимная. Не отказывала в крове и столе никому – ни бедному, ни богатому, ни дальней, ни ближней родне. Для всех, кто бы ни пришел, находила приветливое слово.

В далеких краях мне снилась наша деревня, наш дом и провожающие старенькие родители у ворот. Когда посылал телеграмму, что еду в отпуск, то за неделю до приезда папа ходил на станцию – встречать меня. Любили мы друг друга. Я скучал по отцу, и он скучал по мне. Я тосковал по дому, и дом тосковал по мне. Каждый раз, подходя к дому, говорил: «Здравствуй, мой дом родной, я снова у твоих дверей. Дай Бог, чтобы судьба не разрывала нити, связывающие нас». До конца дней моих, дом родной будет незабываем. Он давал мне отраду, вдохновенье и надежду. Чистое и прекрасное незабываемо.

Нет сейчас моей деревни Чебыки. Тоскливо стоят кучка-

ми, на месте усадеб, заброшенные рябины, черемухи да березы. Это наша совесть, это наша боль. Память предков взывает к нам, напоминает и помогает в тяжкие годы. Человек не может быть без отчизны. Деревня жила двести лет, там рождались и умирали, любили и ссорились, жизнь была ключом. Ничто не должно быть забыто. Мы обязаны помнить наших дедов и прадедов. Мы навечно перед ними в неоплаченном долгу. Никто не будет забыт, всех будем помнить поименно, пока во мне пульсирует хоть одна жилка. Низкий поклон, земля моя.

Об авторе

Александр Чебыкин является потомком казака, из стро-

гановских крестьян, Терентия Торопицы десятника Ермака.

Кадровый военный, историк, окончил Военно-политическую академию. Занимался изучением истории казачества. Проходил службу в Советской Гавани (41-й ИАП), Чечне (253-й ИАП), Абхазии (171-й ИАП).

С января 1991 года А. Чебыкин казак Пашковского станичного казачьего общества. Участвовал в возрождении казачества в должности писаря, помощника атамана по воспитательной работе, начальника штаба станичного казачьего общества. С 2002 года заместитель начальника штаба Екатеринодарского отдела ККВ. С 1992 года секретарь Совета Ветеранов КубГУ.

Автор книги «Русь моя неоглядная», «Стефан Пермский», «Герой Днепра», «Наследники казачьей славы».

В оформлении обложки использован плакат «Красной Армии – слава!» (худ. Л. Голованов, 1945). Фотография с <https://topwar.ru/> по лицензии ССО.

Все изображения в книге – это фото и художественные работы автора.